

**ЯЗЫК
СОЗНАНИЕ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск 5

«Филология»

Москва 1998

ББК 81
Я410

Электронная версия сборника, изданного в 1998 году издательством «Филология» совместно с издательством «Диалог-МГУ».

В электронной версии исправлены замеченные опечатки. Расположение текста на некоторых страницах электронной версии по техническим причинам может не совпадать с расположением того же текста на страницах книжного издания.

При цитировании ссылки на книжное издание обязательны.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред.
Я410 В. В. Красных, А. И. Изотов. — М.: «Филология», 1998. —
Вып. 5. — 124 с.

ISBN 5-7552-0124-2

Сборник содержит статьи, рассматривающие различные проблемы коммуникации как в свете лингвокогнитивного подхода, так и в сопоставительном аспекте, а также наиболее актуальные проблемы лингводидактики. Особое внимание уделяется национальной специфике общения, проявляющейся в особенностях ассоциативных рядов, коннотативного потенциала и восприятия художественных текстов.

Сборник предназначен для филологов – студентов, преподавателей, научных сотрудников.

Ключевые слова: русистика, англистика, богемистика, социолингвистика, лингвокультурология, идиом, корпусные исследования, лексикография

Language - Mind - Communication. Issue 5 / Eds. Krasnykh, V.V.; Izotov, A.I. - Moscow: Philologia, 1998. - 124 p.

The present issue includes articles which consider the most important problems of Russian studies, lingual-cultural studies, sociolinguistics, psycholinguistics and language teaching.

Keywords: Russian studies, English studies, Czech studies, sociolinguistics, psycholinguistics, lingual-cultural studies, idiom, corpus analysis, lexicography.

ББК 81
Я410

ISBN 5-7552-0124-2

© Авторы статей, 1998

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Базылев В. Н., Сорокин Ю. А.</i> Речевой континуум и его дезоптимизация	4
<i>Базылев В. Н.</i> Современная политическая загадка.....	15
<i>Захаренко И. В., Красных В. В.</i> Русская когнитивная база и русское культурное пространство в зеркале кроссвордов	32
<i>Красильникова В. Г., Сорокин Ю. А.</i> Русские художественные версии двух текстов Джима Моррисона	41
<i>Андреева И. В., Баско Н. В.</i> Традиции православия в русской литературе (культурологический аспект)	51
<i>Клобукова Л. П., Михалкина И. В.</i> Социолингвистические и методические основы структурирования специализированной модели обучения русскому языку как средству делового общения в сфере туристических услуг	61
<i>Ткаченко Н. Г.</i> К истории музыкальной терминологии	69
<i>Туманова Ю. А.</i> Контексты транспозиции, образующие глубокую периферию функционально-семантического поля квалитативности	81
<i>Изотов А. И.</i> Разрешение как побудительный речевой акт	98
<i>Давыдов М. В., Яковлева Е. В.</i> Гипотетическая модель просодии регистра научной речи.....	102
<i>Перфильева С. Ю.</i> Исследование словарных дефиниций слов — названий эмоций русского и английского языков.....	117

Речевой континуум и его дезоптимизация

© кандидат филологических наук В. Н. Базылев,
доктор филологических наук Ю. А. Сорокин, 1998

Эта статья является результатом переработанной аналитической записки, подготовленной авторами по заказу фирмы сотовой связи “Би-лайн” в 1996 году.

В последнее десятилетие стало перспективным новое общенаучное направление, исследующее природные и общественные явления под углом зрения совершающихся в них процессов самоорганизации. В рамках этого направления ставится задача моделирования самопроизвольных переходов систем различной природы – в том числе языка как пограничной биопсихосоциальной системы – о неустойчивого (неупорядоченного) состояния к стабильным (организованным) состояниям (и наоборот) [23; 9].

Реальное речевое употребление характеризуется разномошной функциональной нагрузкой в различных коммуникативных ситуациях. Оно основывается на возможности выбора (селекции) из множества альтернатив, в том числе выбора информационного объёма высказывания (от клише до метафор), на стремлении к максимальной речевой эффективности. Если говорящие не сохраняют нормированные подходы в выборе альтернативных стратегий речевого поведения, это может привести к неправильному пониманию. Чем выше функциональная нагрузка вариантов выбора, тем более важно, чтобы говорящие овладели отдельными противопоставленными частями своей коммуникативной компетенции и последовательно “сохраняли” их при использовании языка.

Следует оговорить – вслед за Дж. Лайонзом [10], — что разнообразные критерии, предложенные лингвистами для оценки функциональной нагрузки того или иного феномена языка-речи, не могут претендовать на абсолютную точность, несмотря на свою математическую изощрённость [3].

Количественные оценки присутствуют практически в любой работе о естественном языке. Результаты таксономических подсчётов оформляются в виде таблиц и графиков, а соответствующие формулы фиксируют те или иные зависимости между измеряемыми элементами языка. Тем самым, большой и ценный материал с помощью статистиче-

ских методов обработки удаётся представить в компактной и обозримой форме [24]. Но чтобы разобраться в этом материале, не хватает самого важного – концепции, которая позволила бы органически увязать количественные данные с качественными суждениями о языке. Именно возможность поиска связи между количественной и качественной стороной языка и обсуждается в данной статье.

Для тех или иных общих рассуждений всегда необходима конкретная база данных и сообразная ей система методов анализа и интерпретации. Существующие исследования, пригодные для этой цели, а именно анализ речевого континуума в целом, а также телефонного разговора, в частности (ср. японские исследования 24-часового существования; американские *Telephones speech technology*, а также отечественные изучения динамики информационного диалога), носят пилотажный характер [6]. Выход из этого положения может быть следующим.

Синергетическая парадигма миропонимания снимает проблему сопротивления языка, оказываемого им любым попыткам расчленения на хотя бы относительно независимые подсистемы. На этом настаивала Фрейбургская школа, выдвинувшая тезис об идеографичности науки о языке, и именно она ставила своей целью выявление основ ценностного упорядочения мира.

Разобраться в природе языкового-речевого феномена – значит установить характер процесса, “порождающего” этот феномен (процессуальная установка). С нашей точки зрения, это возможно при применении к исследованию языка принципа эргодичности: важно исчислить (попытаться исчислить) все состояния, которыми характеризуется система. Применительно к языку этот принцип означает следующее: если в одной мысленно выделенной части языковой системы наблюдается комбинация элементов определённого типа, то она осуществима и в любой другой части системы. Возможно также выявление правил, относящихся ко всей системе и рассмотрение выделенной её части – набора примеров. Наконец, принцип эргодичности позволяет надеяться, что её описание будет конечным и в то же время исчерпывающим.

Ниже мы предлагаем перечень наиболее значимых факторов, приводящих к дезоптимизации функционирования потока речи при телефонных разговорах: к увеличению времени и линейной цепочки языка, сбоям в построении высказывания, ведущим к необходимости уточнения информации и прочее.

1. Структурные факторы

Среди факторов структурного порядка одно из первых мест занимает средняя длина словоформ, различная для разных языков [18].

Таблица 1. Средние длины словоформ (в буквах)

Русский язык	Английский язык
4,701	3,042

Это явление непосредственно связано с другой такой важной характеристикой языков, как принадлежность их к тому или иному типу: синтетическому или аналитическому.

Таблица 2. Контекстные оценки и процент аналитизма в некоторых европейских языках

Информационные величины (в дв.ед.)	Русский язык	Английский язык
I (wo)	31,85	25,97
\bar{I} (wo)	13,50	12,56
\bar{I} (W k)	8,15	5,41
K (w k t)	5,35	7,18
K (w k)	23,70	20,56
\bar{A} (%)	22,57	35,00

Следует отметить, что английский язык, в отличие от русского языка, характеризуется более высоким процентом аналитизма и большей однозначностью распределения информации (смысла), что требует меньшего количества времени для её дешифровки, а русский язык в качестве синтетического “пользуется” более разветвлённой системой аффиксов, что автоматически ведёт к увеличению длины словоформы и временных параметров речевого производства [14].

Таблица 3. Частотность выраженности типологических явлений (репрезентативная выборка по Гринбергу)

	Русский язык	Английский язык
словосложение	1,13	1,00
префиксация	0,16	0,04
суффиксация	1,18	0,64
словоизменение	0,46	0,14

Увеличение временных параметров провоцируется выбором того или иного вида синтаксической связи, приоритетно используемой носителями языка [13].

Таблица 4. Количественное соотношение частотности синтаксической связи (в %)

Язык Вид связи	Английский язык	Русский язык
согласование	266 24%	660 60 %
управление	430 39%	300 27 %
примыкание	404 37 %	140 13 %

В целом в русском языке в подавляющем большинстве случаев для синтаксической связи используются дополнительные структурные элементы, автоматически удлиняющие речевую цепочку (её линейно-временные параметры): синтаксическая протяжённость высказывания в русском языке [18] на 24 % больше, чем в английском. В свою очередь, средняя длина фразы в русскоязычных устных текстах составляет 9,23 слова. Но отклонения от этой средней величины могут быть очень значительны [4; 19; 16].

Таблица 5. Индекс длины фразы (репрезентативная выборка)

Устная публичная речь	
монологическая	16,59
диалогическая	5,92
Разговорная речь	
монологическая	11,8
диалогическая	5,34
Просторечие	
монологическое	10,36
диалогическое	5,85
Диалект	
монологический	10,46
диалогический	5,24

2. Прагматические факторы

Структурные особенности языка накладывают ограничения на возможности концентрированной/ неконцентрированной передачи информации (семантики высказывания).

Чем больше потенциальная протяжённость словоформы или фразы, тем менее концентрированно структурируется семантика (значение) высказывания. Тем самым требуется больше времени для её дешифровки – понимания и интерпретации [31; 32].

Таблица 6. Распределение синтаксической информации

Буквы	1	2	3	4	5	6
Значения \bar{I} в слове	3,45	1,90	1,15	0,55	0,35	0,28
Значения \bar{I} в тексте	4,22	2,85	3,16	2,45	2,28	2,54

Таблица 7. Значения \bar{I}_∞ и \bar{I}_∞ для некоторых европейских языков [18]

	\bar{I}_∞	\bar{I}_∞
Русский язык	1,37	0,82
Английский язык	1,35	0,74

Синтаксис (синтаксическая информация) выступает в качестве меры свободы выбора языкового/речевого варианта для некоторого участка текста, а контекстная обусловленность выступает в качестве меры тех ограничений, которые накладывают на этот участок система и норма языка.

Соотношение меры свободы и меры ограничений задаёт минимум и максимум избыточности информации [7; 17; 12; 5].

Таблица 8. Избыточность (в %) некоторых европейских языков и их разновидностей по нижней (R_-) и верхней границам ($R\bar{I}$)

Языки	Русский		Английский	
	R_-	$R\bar{I}$	R_-	$R\bar{I}$
Язык в целом	72,1	83,6	71,9	84,5
Разговорная речь	72,0	83,4	69,4	81,2
Деловая речь (письменная)	83,4	90,1	82,9	92,1

(Относительно устной деловой речи данные отсутствуют)

Изменение эмоционального состояния партнёров по коммуникации также влияет на изменение характеристик речи – в том числе и временных.

Таблица 9. Речевая диагностика [8; 30]

Характеристика речи	Эмоциональные состояния					
	тревога	страх	гнев	радость	печаль	утомление
средний уровень речи	↑	≈	↑	≈	≈	↓
длительность речи	↓	↑	↓	↓	↓	↑
длительность пауз	↓	↑	↑	↓	↓	↑
латентное время ответной речевой реакции	↓	↑	↑	↓	↓	↑

(увеличение абсолютного значения — ↑; уменьшение абсолютного значения — ↓; отсутствие изменений — ≈)

Приведённые характеристики дают общее представление о распределении информации в тексте. Поэтому основной наш тезис может быть сформулирован следующим образом: распределение информации в тексте зависит от специфического характера текстовой стратегии, базирующейся на объединении когнитивных (использование знаний), функциональных (целеполагание) и прагматических (интенции языковой личности) компонентов [11].

Реальная возможность исследования распределения базовых категорий и концептов в тексте связывается нами с изучением объективированной нормы разговоров по телефону [29]. Мы считаем, что именно они и представляют объективированную языковую/речевую бытийность, в которой чётко представлены даже стилистические различия [2; 28]. В качестве примера приведём телефонный разговор делового характера.

Секр.: Секретарь ректора слушает. – В.С.: Здравствуйте. Я хотел бы поговорить с ректором. – Секр.: Он занят. У него совещание. – В.С.: Когда он освободится? – Секр.: Трудно сказать. Может быть, Вас записать на приём. – В.С.: Пожалуйста. – Секр.: Приём посетителей завтра.

Могу записать вас вторым. – В.С.: Примерно во сколько я должен быть у вас? – Секр.: В десять тридцать. – В.С.: Спасибо. До свидания. – Секр.: До свидания. Наш адрес – улица Моховая, один. – В.С.: Я знаю. Спасибо.

В первую очередь, следует обратить внимание на оппозицию информативной и фатической речи как реализацию разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего. “Разговор ни о чём”, лежащий в основе фатического речевого поведения, приобретает в современном мире типологическое значение как деятельность особого рода, совершающаяся в рамках установленных правил поведения, провоцируемых когнитивными, а также этикетно-коммуникативными интенциями. Приведём пример – разговор двух женщин:

Ну/ уж тут сплетен/ наслушаешься...Я за целый отпуск отвыкла// знаешь/ голова просто распухла// — Да/ тут сплетен// — И/ главное/ ну что/ целый день// — Да/ тут наслушаешься...

По имеющимся данным повторы фатических реплик могут составлять 90% беседы. Фатическая речь, как выясняется, является приоритетной для сферы разговорного общения: её количественная доминанта – следствие избыточности и плеонастичности – составляет одну из характерных черт бытового общения [21].

Оппозиция информативной и фатической речи делает более понятным феномен коммуникативной неудачи – полного или частичного непонимания высказывания партнёром коммуникации. Она и наблюдается, например, при употреблении семантических окказионализмов:

(Разговор двух женщин): Ну как поживает наш друг Петя? – Да неважно// Он у нас земляничник. – Землянику любит? А почему неважно? Не продают её? Хотя добрые люди сами набирают/ а мы ленимся. – Нет/ это я из Лема// Недавно читала// там земляничником называют большого/ у которого аллергия на землянику//...[21].

Коммуникативные неудачи особенно характерны для непосредственного (неподготовленного) общения с его высокой имплицитностью, присущей плану выражения и плану содержания. Но именно типология коммуникативных неудач позволяет исчислить возможное состояние языка-речи:

— лишь свойства языка “порождают” неоднозначность языковых единиц (неточное знание денотативной отнесённости и лексической

семантики слова, понимание эксплицитно не выраженных категорий) [22]¹;

— прагматические факторы лишь провоцируют появление различий в конситуации. Именно они “отвечают” за неверное понимание коммуникативных намерений говорящего, манипулятивные речевые акты, неадекватную передачу чужой речи, разложение стереотипов.

Важным фактором структурирования языка является специфическая характеристика мужской / женской речи, которая, в свою очередь, связана с набором и иерархией существующих в обществе социальных ролей, а также с ролевыми отношениями в конкретном акте коммуникации.

Приведём для сравнения две типичные – мужскую и женскую – реакции на одно и то же сообщение. говорящие – близкие друзья, с высшим образованием, средних лет: С. Он ставит какую-то такую композицию/ антология по Хармсу// М. Ни фига себе! Ж. Вот я тоже удивилась [21].

Ролевой фактор предопределяет тематику и специфику бесед, то есть собственно текстов, которые, наряду со словоформами и фразами, имеют жёсткие структурные и прагматические параметры, подлежащие количественному моделированию². Он оказывается значимым и для выявления распределённости фатической речи в общении: таковой в современной русскоязычной культуре являются беседы о погоде, здоровье, домашних делах, политике (как она представляется “безмолвствующему большинству”), спорте и прочее [15].

Предварительные данные позволяют характеризовать мужскую речь как насыщенную терминологией, женскую – эрзацноминациями. Мужская речь более “профессиональна” и экспрессивна (но в лексическом, а не в эмоционально-интонационном, как у женщин, отношении), снижена стилистически (используется в том числе мат), что ведёт к количественному увеличению структурных и временных параметров речевого потока [33].

¹ Учитывая, что речь идёт о русскоязычном социуме конца XX века, следует особо оговорить характер функционирования иноязычных слов в контексте современной общественной жизни; фиксируются две тенденции: 1) слово заимствуется, но не переводится и не комментируется, 2) слово становится объектом авторских рассуждений (рефлексивное возвращение к слову, заставившему “споткнуться”).

² Исследований в отечественной и зарубежной лингвистике такого плана нами не обнаружено.

3. Предварительное обобщение

В современном русскоязычном телефонном общении к критическим факторам, предопределяющим дезоптимизацию в функционировании этого вида связи, могут быть отнесены:

— структурный фактор – особенности русского языка как синтетического, то есть “пользующегося” большим количеством аффиксов (служебных элементов), удлиняющих среднюю протяжённость словоформы и менее концентрированно распределяющих семантику (значение/смысл); “пользующегося” согласованием и управлением в качестве преобладающего вида связи слов в цепочке (линейной) речевого высказывания, что, в свою очередь, ведёт к появлению дополнительных языковых элементов, с неизбежностью удлиняющих речевую цепочку;

— прагматические факторы: культура речевого общения русских (носителей русского языка) в различных его функциональных вариантах – от литературного до просторечия и говора; эмоциональные состояния говорящих; половая и социальная принадлежность.

Структурные факторы могут быть элиминированы только частично. Прагматические факторы могут быть элиминированы полностью лишь на основе специального обучения.

В контексте этих обобщений представляется уместным указать на то, что синергетический подход позволяет, по-видимому, подойти к решению “парадокса Балли”, а именно к тому, как язык, постоянно деформируясь, может оставаться и остаётся константным.

Среднестатистическая вероятность идентификации элементарных связей в сложных системах (подсистемах языка) погружена в “поток” объективной прагматической информации [1; 25; 27]. Последовательная идентификация говорящим и слушающим элементарных связей перемежается (катастрофически) с инсайтным (например, при внезапном подключении всего поля возможных значений слова при коммуникативных неудачах) пониманием смысла сказанного (то есть пониманием значения информационной постоянной). Феномен коммуникативных неудач как фактор дезоптимизации общения может быть объяснён, исходя из синергетической парадигмы, если считать, что интегральная вероятность положительных идентификаций имеет предел, меньший единицы, что указывает на фундаментальное свойство мира, который не может быть адекватно описан в терминах идеализированной информации, а именно естественным языком.

Рост показателя сложности системы языка-речи в диалогическом общении, осложнённом артефактическими шумами — средствами телефонной связи — не свидетельствует о том, что в такой же степени растёт и процесс идентификации системы реципиентом, хотя количество объективной информации и может оставаться конечным. На этот рост, например, указывает индекс длины фраз в публичной речи, наряду с её характеристиками, осложнёнными эмоциональными состояниями говорящих, увеличивающими коэффициент разнообразия.

Как показывает практика общения, чем меньше и слабее структурная интегрированность, тем более вероятна ложная идентификация. А возможность внутренней реверсии — условна. Порождение и восприятие языка-речи есть процесс необратимый, поэтому именно это свойство реверсии и следует использовать для анализа состоявшихся событий.

Синергетичность языка есть перемежение тенденции к упорядоченности — хаотичности; упорядоченности — на уровне структуры, хаотичности — на уровне деятельности (гумбольдтианское “язык как деятельность”). Безусловно, внутренняя энтропия языка как системы и структуры постоянно убывает (например, процесс разрушения флексии в индоевропейских языках или в старокитайском языке), но внутренняя энергия языка подпитывается извне за счёт прагматического человеческого поведения, в том числе вербального.

4. Программа исследований

Как показал пилотажный анализ материала, имеющиеся данные относительно речевого континуума телефонных разговоров носят случайный характер. Для реализации практических целей в сфере телефонной связи (то есть оптимизации функционирования речевого потока) необходимы чётко сформулированные исследовательские программы. В качестве предварительных можно было бы предложить следующие шаги: создание базы данных, учитывающей специфику функционирования телефонной связи в конкретной культурно-языковой общности; их структурный, статистический и прагматический анализ, а также выявление стратегии коммуникативных неудач и фатической речи, рассмотрение диалоговых характеристик речи, особенностей мужского/ женского общения, культурно-языковых стереотипов и языковых инноваций.

Л и т е р а т у р а

1. *Абдеев Р.Ф.* Философия информационной цивилизации. М., 1994.
2. *Алексеев В.А.* Будьте как дома. М., 1988.
3. *Арапов М.В.* Квантитативная лингвистика. М., 1988.
4. Введение в сравнительную типологию английского, русского и украинского языков. Киев, 1977.
5. Диалог: теоретические проблемы и методы исследования. М., 1991.
6. *Кибрик А.Е.* Динамика информационного диалога (на материале взаимодействия со справочно-информационной службой 09) // Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.
7. *Киселёва Л.А.* Вопросы теории речевого воздействия. М., 1978.
8. *Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Русский речевой портрет. М., 1995.
9. *Крылов В.Ю., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г.* Психология и синергетика: препринт ИПМ им. М.В. Келдыша АН СССР. № 41. 1990.
10. *Лайонз Дж.* Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.
11. *Лузина Л.Г.* Распределение информации в тексте. М., 1996.
12. *Новиков А.И., Ярославцева Е.И.* Семантические расстояния в языке и тексте. М., 1990.
13. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 3. М., 1963.
14. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. М., 1978.
15. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986.
16. Общение, текст, высказывание. М., 1989.
17. Оптимизация речевого воздействия. М., 1990.
18. *Пиотровский Р.Г.* Информационные измерения языка. М., 1968.
19. Психологические и психофизиологические исследования речи. М., 1985.
20. Разновидности городской устной речи. М., 1988.
21. Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.
22. Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М., 1996.
23. Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления. М., 1994.
24. *Сидоров Е.В.* Проблемы речевой системности. М., 1987.
25. *Холод А.М.* Речевые картины мира мужчин и женщин. Днепропетровск, 1997.
26. *Цымбал Л.А.* Синергетика информационных процессов. М., 1995.
27. Человеческий фактор в языке: механизмы языковой экспрессивности. М., 1991.
28. *Шкенёв Ю.С.* Самоорганизующиеся системы природы и общества. М., 1991.
29. *Шилова К.А. и др.* 100 диалогов по телефону. М., 1987.
30. Языковая норма. Типология нормализационных процессов. М., 1996.
31. *Grimm H., Engelkamp J.* Sprachpsychologie. Handbuch und Lexikon der Psycholinguistik. Berlin, 1981.
32. *Kuhlen R.* Informationslinguistik. Tübingen, 1986.
33. *Steinmüller U.* Kommunikationstheorie. Stuttgart, 1997.

Современная политическая загадка¹

© кандидат филологических наук В. Н. Базылев, 1998

Характеризуя современный этап эволюции семиотических подходов к языку, Вяч.Вс. Иванов писал о переходе внимания с дискретных единиц на целостные тексты. В связи с этим появляется установка на понимание языка как творчества, объединяющая гумбольдтианскую и потебнианскую традицию с картезианской лингвистикой Н. Хомского, дополняемая учетом клишированных форм, характеризующий каждый речевой акт. Устное высказывание рассматривается как сочетание синтаксического и фразеологического (комбинаторно-лексического) стереотипа, определяемого нормой данного речевого жанра, с импровизацией в пределах, обычно задаваемых текстовыми традициями. Последнии могут обусловить сведение нескольких вариантов к одному прототипу или представление набора вариаций одной темы, а также требовать либо максимально точного воспроизведения текста с минимальным количеством новой информации, либо *vice versa* [2].

Такая текстовая деятельность (игра) человека связана с попыткой ответа на вызов вероятностного мира. Человек напряженно всматривается в свой внутренний мир, в систему социальных (межличностных) отношений. Он пытается у-гадать, раз-гадать, от-гадать, что стоит за за(га)данным синергетическим поведением как социальных систем (напр., малой социальной группы), так и отдельной личности [3]. Синергетический мир стучался и стучится в двери человеческого дома сознания, и раз-гадывательные практики открывают ему двери. Цель — постичь в этом загадочном (загаданном) сплетении бытия и духа нечто устойчивое, законо-мерное, пред-на-черта-нное и утвердить это достигнутое как причину-следствие. Загадка-разгадка — это реакция человеческого мышления на синергетичность бытия; она опирается на синергетичность языка и тем самым опредмечивает ее. Синергетическая парадигма мировидения и мироистолкования предлагает иное понимание целого [4]. Целое — мир, человек, его психика, его поведение, язык — не собирается из отдельных элементов, а формирует в своей эволюции

¹ Политическая загадка есть политика-загадка, своеобразный оксюморон, т.к. “политика есть искусство возможного” (Норман Мейлер), а “загадка — то, что говоря о действительно существующем, соединяют вместе с тем совершенно невозможное” (Аристотель) [1], т.о. возможное невозможное.

собственный элементный состав. Эволюция целого детерминирована законами (законо-мерностями) лишь на ограниченных временных и пространственных отрезках, где и когда возникает ситуация выбора — возможность минимально двух равновероятных путей эволюции; а случайность необходимым образом о-предел-яет становление новой необходимости. Причиной порядка выступает неустойчивость системы (целого). Устойчивость целого при этом не исключается, но, напротив, предполагается. Она существует за счет постоянного динамического (деятельностного) воспроизведения — константности. Эта константность сопровождается постоянным разрушением как злом, “выеданием” лишнего как необходимого процесса, обеспечивающего самоэволюцию мира в качестве целого. Зло (разрушение) играет роль резца, которым постепенно, но целенаправленно, устраняется все лишнее. Поскольку такие процессы есть проявление хаоса, то это не фактор разрушения, а фактор самоорганизации целого. Целое демонстрирует свою действительность в момент возникновения новой необходимости, удерживая необходимость своего существования. Но в негативном плане становится невозможным предсказание поведения целого лишь на основе исследования поведения его элементного состава². В синергетических системах элементы, организуемые в части формирующейся целостности, не образуются заново в ходе дифференциации. Эти элементы преднайдены для новой структуры. Более того, условием образования новой (иной) целостности оказываются те же взаимодействия между элементами, которые существовали и в условиях равновесия. Целое — это становление как движение к самому себе с позиций известного результата. В отношении языка речь идет о воспроизведении известного целого, а не о становлении принципиально новой реальности. Целое как тотальность может быть рассмотрено лишь исторически конкретно, как развертывающееся в самом себе и сохраняющее себя единство:

Вновь повернулся калейдоскоп, / Сложив, как всегда, узор красивый. / И хочется радоваться ему, / Не замечая того, / Что сложен новый узор / Из тех же стекляшек, что раньше (А.Березин).

Целостность и константность — этими двумя понятиями опосредованы искания вненаучной (вся мантика) и научной (естественнонауч-

² Собственно, это одна из глобальных проблем научной мысли: как соединить — не эклектико-механически, а органично — элементный подход-анализ с целостным (холистическим)? Это та парадигма, которую ищет (и пока не может найти) мысль человечества.

ные парадигмы: психология (от структурной школы Э. Титченера до теории поля К. Левина, Л.С. Выготского и Ж. Пиаже), история (“недвижимая история” Европы Ф. Броделя и Л. Ладюри), социология) мысли европейского человека. Всё — мир (макрокосм), человек (микрокосм) в своем устройстве и деятельности, язык (граница макро- и микрокосма, поверхность типа ленты Мёбиуса и одновременно сфера, замкнутая “в себе самой и для себя”) — представляет из себя не поступательное, линейное движение — восхождение, а постоянное колебание вокруг некоей оси, колебание, нередко достигающее широкой амплитуды, но никогда не выходящее за грани о-пределенного, сулящее гибель (самоуничтожения) [5]. Это предполагает неустойчивость, что означает, однако, не абсолютно любое состояние, а лишь состояния, не выходящие за пределы детерминированной сферы (семиосферы по Ю.М. Лотману) [6]. Неустойчивость означает случайное (хаотичное) переменение внутри вполне о-гран-иченной и от-гран-иченной области. При этом существует лишь о-пределенная стадия развития процессов, на которой структура становится неустойчивой. Поле путей эволюции в некотором роде детерминировано. Система не жестко следует предписанным ей путем, а совершает блуждания по полю возможного; актуализует, выводит на поверхность (всякий раз случайно) лишь один из путей. Случайные, незначительные изменения приводят к сплошным блужданиям по полю путей эволюции. Но в некотором смысле, на упрощенных моделях можно видеть все поле возможных путей эволюции. Все возможные пути — пути Дао — открываются как бы с птичьего полета. Тогда становится ясно, что ветвящиеся дороги эволюции ограничены. Конечно, если работает случайность, то имеет место блуждание, но не какое угодно, а в рамках вполне определенного, детерминированного поля возможностей³.

При всем том, что сказанное приближает нас к более или менее адекватной модели языка, оно явно недостаточно. Дополним наши рассуждения метафорой-процедурой: метафора “тела дракона”, состоит из “дракона” и “анти-дракона”, оба они вписаны в объемную сферу. А если

³ Описанный подход по-своему конструирует предмет исследования, а последнее требует выбора адекватного метода [7]. Техника структурного анализа и аппарат описания поэтического мира говорящего (загадывающего — раз-гадывающего проблему) соседствуют с инструментарием мифологической, психологической, феноменологической, культурологической и социологической школ. Объединяется этот конгломерат разнородных подходов общностью цели, исходящей из традиционной филологической преданности тексту и современного понимания художественного слова не просто как носителя содержания, а как воплощенного поступка [8].

мы примем за основу минимальность дуальных феноменов, то таких “драконов”, объемлющих сферы, может быть некоторое (более двух) количеств. Сферу можно раз-метафоризировать как репрезентативную сферу-карту, то есть генетически запрограммированную и социально реализуемую способность индивида распределять по отдельным локусам мозга (как материальной субстанции) на основе различных видов энергии информацию. Человек имеет возможность пятью способами соприкоснуться с миром: он слышит, видит, ощущает, обоняет и испытывает вкусовые ощущения. Кроме этого соприкосновения с миром внешним, со-существует соприкосновение со своим внутренним миром: пороговая и допороговая возможность. Язык опосредует в некоторых моментах это соприкосновение (по мере своих возможностей). Полученный опыт человек хранит в репрезентативной сфере, которая непосредственно связана с тем каналом, по которому проходит информация (в норме). Особенность феномена языка при этом состоит в том, что, будучи процессуальной сферой, блуждающей по физической реальности мозга, он (язык) наряду с мозгом является одновременно (парно) внешним и внутренним по отношению к макро- и микрокосму, к тому, что объемлет тело и является телом (ипостатью). При этом точки (сингулярности) — элементы сферной карты одновременно принадлежат некоему локусу, то есть объем и границы их распределения по/в сфере-карте прогнозируемо, и не принадлежит ему, то есть, активно функционируя, находится в хаотично-упорядоченном перемежении. Это перемежение хаотично-упорядоченно в том смысле, что может иметь разнонаправленное воздействие на смежные сферы; при этом плавное (упорядоченное) функционирование может сменяться катастрофой, перескакивая с одного ритма на антиритм. Энергетика языка представляет собой сборку (не пучок!) сингулярностей репрезентативных сфер-карт.

Если таким образом постигать человека и языка, то станет понятным взаимовхождение и взаимовненаходимость ритуала и загадки: ритуала как социорегулятивного поведения, реализующегося (в частности) через информативность, структурируемую языком; загадка как особый класс словесных текстов, создаваемых на адекватном языке, структурирующих информативность ритуала.

Загадка понимается не как вопрос и ответ. В гносеологическом аспекте вопрос и ответ являются разными сущностями. В вопросе представлено два или несколько возможных миров, которые эпистемологически понимаются как иные варианты видения реального мира. Спрашивающий соотносит эти возможные миры не с действительностью, а

один возможный мир с другим или целым рядом возможных миров, эксплицированных в вопросе. Вопрос и ответ не являются логическими отношениями (категориями). Их нельзя вместить в одно (единое замкнутое в себе) сознание. Всякий ответ порождает новый вопрос. В загадке этого нет и не может быть. Вопрос и ответ предполагают взаимную вненаходимость. Загадка есть игра вопроса и проблемы; при этом вопрос не порождает проблему, они независимы в плане отношений первичности-вторичности; но они зависимы, то есть не существуют друг без друга, они взаимодействуют, изменяются, взаимопроникают, входят друг в друга, образуя неразрывную систему взаимовключения. Игра взаимовключенности вопроса и проблемы есть игра вопроса и понимания, интерпретации, толкования, рефлексии.

Понимание в этом случае выступает как определенная (смысловая) организация знаковой формы текста, осуществляющаяся в ходе соотнесения элементов текста с объектно-операциональными элементами ситуации (можно говорить, что таким образом восстанавливается структура смысла, заложенная в тексте вопроса процессом мышления), и структурирование плоскости содержания соответственно смысловой структуре текста. Кроме того, понимание не обязательно восстанавливает (ориентируется) именно тот смысл и то содержание, которое закладывается в текст вопроса и проблемы. В зависимости от принятого способа деятельности (во многих случаях этот способ выбирается из ряда возможных) понимание выявляет в одном и том же тексте разные смыслы и соответственно этому строит разные поля и разные структуры содержания. Таким образом понимание оказывается зависящим не столько от текста и производящего его мышления, сколько от более широкого контекста деятельности, в которую оно включено. Но это значит, что процесс понимания реализует эту зависимость и как бы извлекает структуру содержания из объекта и операций практической деятельности [9]. Интерпретировать проблему можно лишь с помощью изоморфной модели-метафоры, но невозможно растворить ее в понятиях; ее можно частично и относительно рационализировать (“обычный научный анализ”), либо откомментировать ее за счет расширения “далекого контекста”. Такое истолкование — игра с необходимостью уходит в бесконечность символов-смыслов, поэтому оно не может быть точным в смысле точности естественных наук; оно вненаучно, но глубоко познавательно; оно непосредственно служит практике, имеющей дело с реальной действительностью. Это не есть ненаучно, но инаучно, что имеет свои внутренние законы и критерии точности (М.М. Бахтин) [10].

Возвращаясь к высказанному тезису о взаимовключенности и одновременно взаимовненаходимости загадки и ритуала, сформулируем несколько более конкретных тезисов-положений. Речь является отмеченной как по отношению к не-речи (молчанию), так и по отношению к другим знаковым системам; в этом смысле загадка как игра-диалог-текст отличается от институализованных инознаковых текстов эмоциональностью, аффективностью, импровизационностью (в теоретико-множественном понимании). Загадка выступает как некий импровизационный ритуал, потребность в котором возникает в крайних условиях, в том кризисном состоянии, для выхода из которого нет заранее предусмотренных стандартных средств и полагаться приходится на случать, шанс, удачу, вероятность которой вычислена быть не может⁴ ⁵. Ритуал и загадка касаются всего коллектива, но в какой-то момент весь коллектив как бы сливается в образе одного, кто подвергается ритуальному испытанию (ощущая себя жертвой). В этом отношении акт говорения есть знак готовности умереть. Но одновременно успешное прохождение ритуального испытания словом (загадкой) подтверждает право инициируемого быть (стать или остаться) или получить право обладателя слов и вещей (*magister verborum et rerum*). Ритуал загадывания призывает к разрешению проблемы, суля конкретные выгоды за успешную разгадку и неприятности за неумение сделать это. Но эта задача исключительно сложная. Более того, она единственна в своем роде, и нет стандартного способа решения этого вопроса-тайны, а условия ритуала (словесного поединка) весьма жестки: на каждый вопрос его участнику дается одна и только одна попытка ответа. Поэтому альтернативы нет, всякие или ... или ... исключаются, и, может быть, единственная возможность (она же единственная поощровка) состоит в том, что в определенных ситуациях вопрошаемый может ответить столь искусно (отчасти и таинственно-неопределенно), чтобы ответ, с одной стороны, был не ложен (то есть не противоречив явно “истинному” решению и не мог быть отвергнут с

⁴ Индивид и социум обладают неугомной, адаптивной по отношению к среде активностью. Рефлексия (самосознание, о-сознание) — один из моментов в этом континууме. Оно возникает, когда координация между средой и индивидом нарушается, и индивид (социум в целом), чтобы выжить, стремится приспособиться к новым обстоятельствам. Но до этого и для того необходимо ухватить и охватить что и как произошло с ним либо вне его [11].

⁵ Если стрессово-кризисной ситуация не является, то загадка как речь-событие вырождается в анекдот (“рассеянность языка” по А.Бергсону):

Когда дурак умен бывает? — Когда молчит; Говорит армянское радио! Какой народ самый умный? — Спасибо за комплимент [12].

хода), а с другой, не претендовал на окончательность и “последнюю” точность. Иначе говоря, в этой ситуации признается допустимым неопределенный, отчасти тоже загадочный ответ (требующий интерпретации), помещающийся в пространстве между истиной и ложью, но от последней решительно отделенный при открытости (хотя бы потенциальной) первой. Такой “предварительный” ответ нередко не менее мудр, чем “последний” ответ, который после длинной серии удачных “предварительных” ответов приводит к ситуации, когда формулировка “последнего” истинного ответа становится иногда уже делом техники. Во всяком случае на каждом шаге состязания “предварительный” ответ этого рода спасителен для испытываемого ответчика и каждый раз он получает возможность облегченно вздохнуть [13]. Как и почему появляется такая возможность целого и перемежающегося? Дело в том, что язык есть постоянный процесс формирования мира в устно-слуховом артикуляционном контакте. При этом самоорганизация целого (языка-ритуала) характеризуется в культуре устойчивой тенденцией: константность и поверхностность усвоенного первично и постоянное отбрасывание (отторжение, увод в глубину) приобретенного позднее и более сложного (арте-феноменов). Неверен поиск первичного в глубине мозга и сознания (сенсорное ядро в структурной школе Э. Титченера; глубинность сферы бессознательного у З. Фрейда; архетипы К.Г. Юнга; глубины субъективности у Кьеркегора и пр.). По мысли Ж. Делёза, все возвращается к поверхности; поверхность есть лента Мёбиуса, так что её внешняя поверхность плавно переходит во внутреннюю и наоборот, весь мир обертывается — вовлекается в сферу, замыкается в ней, структурируется, перемежается. Дарование смысла происходит на поверхности — границе речи и событий. Речь-событие есть комплексный когнитивно-семантический феномен, фиксирующий определенное изменение фрагмента действительности; это когнитивно-семантическая деятельность субъекта, реагирующего на текст. При этом структура этого феномена-процесса раскрывается как единство прерывного и непрерывного. Прерывность (катастрофичность) есть признание возможности качественно преобразования количественно константного феномена — речи-события.

Речь-событие есть постоянное блуждание по сфере возможного. Но в некотором смысле все возможные пути (пути Дао) тоже не бесчисленны. Возможности хаоса ограничены. Всякое речь-событие детерминировано сферой возможного [14].

Речь-событие опредмечивается в загадке-ритуале⁶. Эту о-предме(т)-ченность и о-предме(т)-чиваемость мы рас-предметили на материале известной проблемы, прозвучавшей в эфире центрального ТВ 31 мая 1991 года: на вопрос телеведущего Игоря Фесуненко о родителя В.В. Жириновского тот ответил: “Мать — русская, отец — юрист” [15]. Вопрос и ответ, превратившийся в проблему, — проблему политического плана — явился загадкой-ритуалом, речью-событием в игре, игре инициационной: май-июнь 1991 г. — это первые президентские выборы в России. Несомненно, что организованная политическая жизнь есть игровой элемент культуры [16]. Несомненно также, что факт выбора в лидеры (resp. президенты) есть ритуал инициации — смены социального статуса конкретной личности. Ритуал инициации включает с необходимостью ряд испытаний, носящий в том числе вербальный характер. Присутствует агональный элемент социального общения. Роковая загадка принимает форму политической загадки: сквозь игру словно просвечивает фатальный вопрос Сфинкс(ы)⁷ — здесь в принципе та же самая ставка — жизнь, но либо политическая жизнь, либо политическая смерть лидера. Состязание (политическая предвыборная борьба-гонка⁸), посредством которого индивид завоевывает права лидерства, является не столько соревнованием, сколько борьбой не на жизнь, а на смерть.

Борьба за власть является, по словам А.Я. Гуревича, одной из профилирующих линий исторического развития. Со временем материализации облика власти в Европе нового времени начинает сопровождаться ее секуляризацией. Появляется то, что назовут “скромным обаянием власти” (М.А. Бойцов) или “нескромным обаянием власти” (А.Я. Гуревич). Семантика власти требует языка, адекватно отвечающего ожиданиям лидеров и подданных. Символы сменяются аллегориями. Аллегии стоят дороже символов [18]. Заданный вопрос в некотором отношении является ключевым (роковым) — это вопрошание о социальном и национальном статусе личности. Стоит, однако, помнить, что речь идет о ритуальном вопрошании, в котором истинное и ложное не релевантно, а значимо правильное и неправильное. Лишь ритуально правильное допустимо. Ю-цзы сказал: “Использование ритуала

⁶ “Человек по сути своей то, что он скрывает от других... Человек не поглощен всецело своей деятельностью, и чем шире размах деятельности, тем меньше он отдается ей” (Э.Мунье. Надежда отчаявшихся. М., 1995. С.8-9).

⁷ Симптоматично, что и Сфинкс и пресса ассоциируются в древнегреческой и современной русской культуре соответственно с женским началом.

⁸ Ср. античную традицию соревнования в беге за царство [17].

ценно потому, что оно приводит людей к согласию” [19]. Вопрос о социальном статусе (социальном происхождении) это проблема о том, в какой мере прошлое (история) индивида (его рода) определяют и ограничивают возможную vs. действительную сферу его социально значимой и социально ценностной деятельности. В этой ситуации допустимы два оппозитивных решения проблемы: нерелевантность прошлого (исторической ретроспективы), релевантность настоящегомоментной деятельности индивида и *vice versa* [20]. Одно фиксируется в европейской культуре, и так оценивается Дж. Фрезером: “Если у латинян женщины царской крови никогда не покидали родину и выходили замуж за мужчин другого племени, то становится понятным не только то, почему римскую корону носили представители других племен, но и то, почему в списке царей Альбы попадают чужеземные имена. При таком положении дел в обществе, когда знатность передается только по женской линии — другими словами, счет родства ведется по линии матери, а не по линии отца, — не возникает никаких препятствий на пути соединения самых знатных девушек с мужчинами низкого происхождения, с иностранцами или даже рабами при условии, что эти мужчины окажутся подходящими партнерами. Главное, чтобы царский род, от которого, как предполагалось, зависит существование и процветание народа, давал сильное и деятельное потомство, а для этого необходимо, чтобы представительницы царской семьи вынашивали детей от мужчины, в физическом и умственном отношении способных, по стандартам примитивного общества, выполнять функцию продолжения рода. Таким образом, на этой ступени общественного развития считается, что жизненно важное значение имеют личные качества царей. Будь они, как и их супруги, царского или божественного происхождения, тем лучше, но необходимости в этом нет” [21].

Иной подход к проблеме отрефлектирован древнекитайской конфуцианской (“социологической”) мыслью, и изложен у Сыма Цяня в “Трактате о обрядах”: “ Именно таким образом все различается: благородные несут обязанности благородных, низкие несут обязанности низких, должный быть большим остается большим, должный быть малым остается малым. Поэтому тот, кто владеет Поднебесной, приносит жертвы семи поколениям [своих предков]; владеющий княжеством приносит жертвы пяти поколениям; владлец земли, с которой поставляются пять боевых колесниц, приносит жертвы трем поколениям; владлец земли, с которой поставляются три боевые колесницы, приносит жертвы двум поколениям [своих предков]; те же, кто выкармливает животных для

простых жертв, не вправе воздвигать храм своим предкам. Так [люди] и различались: имевшие обильные заслуги распространяли свои милости широко; те же, кто обладал небольшими заслугами, распространяли свои милости скупой” [22].

Решение проблемы становится верным в зависимости от того, к какому ритуалу (ритуальной норме) тяготеет то или иное сообщество в конкретный исторический момент своего существования и сосуществования (с самим собой). Как кажется, в действительности имеет место колебание между вербально кодифицируемым образом политика и невербально ритуализованными ступенями его (политика) эволюционного инициационного продвижения (приближения к власти). Первая вербализована самим В.В. Жириновским в его ответе на вопрос журналистов: кто может считаться современным политическим деятелем? Ответ: “Я считаю, что политический деятель должен быть патриотом и честным человеком” [23]. Иное представлено в тенденции восхождения В.В. Жириновского по ритуальной лестнице власти: высшее образование — второе высшее образование — административная работа (Сов. комитет защиты мира, Высшая школа профсоюзного движения, Инюрколлегия, издательство “Мир”) — председатель ЛДПР — депутат Госдумы — кандидат в президенты (параллельно шло повышение в воинских званиях вплоть до подполковника!) [24]. В этой связи показательна судьба Алексея Казанника — скачок (катастрофа) сибирского провинциала, заявившего о своей готовности стать президентом [25]. Вопрос о национальном статусе индивида не менее важен, а, может быть, и более значимо, нежели сведения о социальном статусе. Но важен он опять-таки не в плане истины или ложности, соответствия или несоответствия действительности, а в плане соответствия-несоответствия ритуалу. Неважно, кем в действительности является (у-рожден) лидер — грузином, украинцем или русским. Сыма Цянь: “Чжун-ни (Конфуций) говорил: “Принося жертву ди (правитель) лично производит возлияние жертвенного вина, но на то, что происходит потом, я не желаю смотреть” [26]. Важно имя, имя ритуально-инициационное, соответствующее нормам обряда, основа которого отграничить своего от чужого. Роль такого со-отнесения нельзя недооценивать. Оценка чужих моделирует самооценку, формирует этнические установки и выражения этнических предубеждений; может на ритуальном уровне предопределить отказ от приобщения к обряду [27]. Тогда необходимо, как говорил Конфуций, “исправлять имена”. Тогда-то Гавриил Харитонович Попов (в материалах предвыборной первой кампании на пост мэра Москвы) име-

нуется греком, а Александр Исаевич Солженицын — Александром Ивановичем (“Антенна”)⁹. Именно в связи в этом на пресс-конференции звучит вопрос: Почему В.В. Жириновский носит редкую по нынешним временам фуражку, какую носили местечковые евреи до революции 1917 г. [28]. Именно в связи с этим газета “Московский Комсомолец” печатает материал о родителях В.В. Жириновского, отцом которого назван некто Вольф Исаакович Эйдельштейн и прочее и прочее. Это по форме т.н. еврейский вопрос в России, но по сути, лежащей на поверхности, проблема допустимости-недопустимости чужого, хотя и своего. Это то, что Л.С. Выготский в восприятии А. Белого, называл “лирическим антисемитизмом” в отличие от “непосредственного антисемитизма” [29]. Это антисемитизм анекдотов и непридуманных историй, где также присутствуют роковые политические загадки. Вот две из них [20]: Украинского литературоведа, человека аристократического немецко-русского происхождения Евгения Георгиевича Адельгейма исключали в 1949 году из партии. ... Решение, естественно, было predetermined, но он еще пытался “рипатись”. В ходе краткого и предельно ясного “обсуждения” кто-то не удержался и сказал: “Адельгейм скрыл, что он — еврей!” — Что я должен был ответить, — вспоминал спустя четверть века Е.Г., — неужели опровергать приписываемое мне еврейство? Очень уже это противно было... Я молчал. В это время попросил слово для справки человек, представлявший на заседании МГБ. — Хочу уточнить, товарищи, — сказал он, — последнее обвинение неверно. Предки Адельгейма покоятся на лютеранской территории Байкова кладбища. Мы проверяли, они нееврейского происхождения. — И представитель сел, несомненно сознавая, что он поступил согласно требованиям коммунистической нравственности. Реплика его была выслушана присутствующими с нескрываемым любопытством...

- В 1949 году, во время приснопамятной антикосмополитической кампании, кафедрой русской литературы Казахского университета заведовала Т.В. Поссе, дочь известного в свое время редактора марксистского журнала “Жизнь”, закрытого за опубликование “Песни о Буревестнике”. На одном из разоблачительных собраний она выступила совсем не так, как того от нее ожидало партийное руководство, и попыталась увести разговор в сторону от разоблачаемых. В перерыве к ней подошел секретарь парткома П.И. Тибекин. — Вот уж не ждал, Татьяна

⁹ Ничего необычного, то есть не свойственного в т.ч. русской культуре с семиотической точки зрения в этом нет (см. *Б.А. Успенский*. Мена имен в России с исторической и семиотической точки зрения // Избранные труды. Т.2. М., 1994. С.151-163).

Владимировна, что вы так поступите! . сказал он с возмущением. — Но, Павел Иванович, — ответила дочь приятеля горьковской молодости, вглядываясь в него через свое старомодное пенсне, — ведь и мой папа в свое время не принял участие в Кишиневском погроме. — Павел Иванович ничего не ответил.

Мы не случайно упомянули эпизод, в котором ответом-проблемой стало молчание. Именно благодаря этому ответу-молчанию проблема была снята. Молчание может быть приравнено к речевому акту или форме поведения, к поступку-антидействию или противодействию. Отметим, что в подобных вербальных ритуалах, даже если реальный собеседник присутствует, он не является субъектом тех перемен в состоянии дел, которых ожидает отправитель (исполнитель вербального ритуала). Здесь, в принципе, возможны две границы, в которых совершается выбор-колебание: важно то, что и как говорится, то есть формульность, при отсутствии акцента на то, кто, собственно, говорит; или же важно то, кто говорит (персоналия), при возможном отсутствии (в пределе) содержательного аспекта высказывания. При таком подходе вербальный ритуал стремится выродиться в невербальный, с одной стороны, а с другой, воплотиться в абсолютизированно-вербальный vs. неабсолютизированно-вербальный (у-молчание) [31]. Разумеется, молчание как решение проблемы допускается крайне редко; его осуществлению препятствует вербальная агрессивность, на которой в средствах массовой информации “основывается” объективность и заинтересованность. Эта характерологическая особенность может, как в нашем случае, проявиться в требовании подтвердить то, что общественное лицо оппонента запятнано [32].

Из этой ситуации проистекают такие вопросы журналистов к В.В. Жириновскому как : Как вы оцениваете роль евреев в сегодняшней России? Не думаете ли вы когда-нибудь действительно уехать в Израиль? И то, о чем мы сказали применительно к вербальному ритуалу, диктует границы сферы, в которых распределяются ответы-формулы-проблемы.

- Я оцениваю роль евреев точно так же, как и роль других граждан Российской Федерации.

- Главная цель сионизма — вбить клин между евреями-россиянами и другими народами страны.

- Антирусское правительство продолжает разрушать все, чем гордится Россия [33].

Формула проблемы, а не ответа на вопрос — в этом раз-решение загадки. Если бы на вопрос: Кто ваши родители? — В.В. Жириновский дал истинный (верный по содержанию) ответ, то он заведомо проигрывал в ритуально-агональном вербальном действе. Если бы он ответил логично (неверно по содержанию), то это тоже был проигрыш. Предполагалось, что в любом случае он проигрывал. Молчание исключалось правилом игры-ритуала, т.к. молчание есть окончание жеребьевки в игре, но в вербальном ритуале это невозможно, его смысл и цель состоит в том, чтобы ни одно решение не явилось окончательным, чтобы все они, разветвляясь, порождали другие [34]. Выход из проигрышной ситуации был найден за счет семантико-комбинаторных возможностей вопросительного местоимения кто в русском языке. Вопросительное местоимение кто обозначает вопрос об одушевленном предмете: какой человек? какое существо? Цель вопроса — установление личности человека (кто вы такой?). Оно не имеет морфологических категорий рода и числа [35]. Такое понимание недостаточно. Личность есть совокупность свойств, сущностных характеристик. Но это ведет к отсутствию стабильных материальных границ, а субъект в значительной мере утрачивает свои качества. Порождается асимметрия в трактовке конкретных понятий. Имя балансирует на оси собственное-нарицательное-категориальное. Интенциональность (значение дискретности перемежается с категориальной семантикой имени, “предметностью”) перемежается с экстенциональностью (имена с легкостью приобретают признак конкретности). Но следует учитывать, что конкретность порождает единичность имен, основной функцией которых является референция, обозначение одного (конкретного) объекта с данным именем, а не его характеристика [36].

В такую сферу перемежений-колебаний попадает и тот, кто задает вопрос, и тот, кто на него отвечает. Сравни:

Кто бы это? — Должно быть, Петруша (Тург. Холостяк).

Вам кого? — спросила она. — Хозяйку дома (Гонч. Обломов).

А хочешь ли ты знать, кто я таков? Изволь, скажу: я бедный черноризец (Пушк. Борис Годунов).

Так хороша? ... А кто она такая? — Собакина, купеческая дочь (Мей. Царск. невеста) [37].

Отвечая на вопрос (разгадывая загадку), В.В. Жириновский выгадал. “Мать — русская” — это проблема, которая интерпретируется (истолковывается) сразу в двух плоскостях-поверхностях: национальная принадлежность: национальная принадлежность, определяющая нацио-

нальность перспективно (“Я не смогу [уехать в Израиль], даже если захочу. Почему? . Потому что я не еврей. Да-да, вопреки тому, что иногда пишут обо мне, я русский человек, рожденный от русской матери и русского отца” (В.Ж.) [38]; но и социальный статус — этническая характеристика приобретает эквивалентность социально отводимого положения в “чужом” (не своем) этническом социуме. Сам В.В. Жириновский напишет так: “Национальный гнет я испытывал с самого детства. Я спрашивал маму: почему мы живем в таких плохих жилищных условиях? ... Мама отвечала: “Мы не казахи ...”. ... Мама работала в столовой института, и преподаватели ей часто рассказывали о вступительных экзаменах, как им жалко русских ребят. Отвечает русский — ставят два, отвечает точно так же казах — ставят четыре. Причина: нужны национальные кадры Дискриминация русских, национальный гнет повсюду, подавление везде — в экономике, культуре, юриспруденции” [39].

“Отец-юрист” — это проблема, которая также подлежит истолкованию в двух плоскостях-поверхностях (“все как на ладони”): определяется социальный статус (юрист, сын юриста, единственный политический лидер, претендующий на первую роль в государстве, имеющий два высших образования, в том числе юридическое, как бы семейная традиция — а это характеризует *modus vivendi* определенной социальной прослойки vs. традиционным партийным лидером советской эпохи, — что позволяет считать себя и выступать с позиций компетентного профессионала [40]; но наряду с этим в этом признании звучит и верный ответ на вопрос о национальной принадлежности — обыденное сознание сохраняет и по сей день этническо-профессиональный стереотип; таким образом метонимия обеспечивает эквивалентность профессии (юрист) и национальности (еврей)¹⁰.

Безусловно, ответ неверен, двусмысленен, не полон без дальнейшего истолкования (не случайно он сохранил метонимическую рефе-

¹⁰ Обыденное сознание сохраняет на поверхности многие исторические (диахронические) стереотипы: с одной стороны, т.н. черта еврейской оседлости (указ 23 дек.1791 г. и правила от 3 мая 1882 г.); с другой, — разрешение повсеместного проживания, связанное с определенной социальной принадлежностью (статусом): купцы I гильдии, лица с высшим образованием (в первую очередь врачи и инженеры, аптекари и фельдшеры), цеховые ремесленники. Интересно, что начиная с Судебных Уставов от 20 ноября 1864 не устанавливалось никаких ограничений для евреев в России в отношении занятий адвокатурой. Именно это послужило основой для становления описанного нами национально-профессионального стереотипа восприятия, хотя мотивы исторических действий были религиозными, экономическими, фискальными и пр. (см. Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А.Брокгауз и И.А.Ефрон. — Т. XI. СПб., 1893. С. 426-466).

ренционную силу до сегодняшнего дня), но он оказывается правильным, ибо выигрывает (не проигрывает) в роковом агональном рече-событии, замкнутом в вербальном ритуале языка сферы. Тиресий — Эдипу: Пойди и подумай об этом, и если изобличишь меня во лжи, можешь говорить, что я ничего не понимаю в пророческом искусстве [41].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *А.Н. Журинский*. Семантическая структура загадки. М., 1989. С. 3; *В.Г. Кротов*. Словарь парадоксальных определений. М., 1995. С. 269.
2. *Вяч.Вс. Иванов*. О взаимоотношении динамического исследования эволюции языка, текста и культуры // Исследования по структуре текста / Отв. ред. Т.В. Цивьян. М., 1987. С. 5-26. Здесь возможно (или предпочтительно) понимание текста по *В.Г. Адмони* как особого воспроизводимого высказывания (*В.Г. Адмони*. Система форм речевого высказывания. СПб., 1994. С.10-23). Подобная проблематика отрефлектирована прежде всего в отрасли языкознания, получившей название лингвистической комбинаторики. Целью исследования в ней — категории свободы и необходимости как в отдельных звеньях языковой системы, так и в системе как целом, а также причины и результаты перегруппировки элементов, систем и их преобразований (*М.М. Маковский*. Лингвистическая комбинаторика. М., 1988).
3. Синергетика представляет собой новое междисциплинарное направление в европейской научной мысли последней четверти XX века, связанное с именами *И. Пригожина* и *Г. Хакена*. Одной из главных задач синергетики является познание общих принципов, лежащих в основе процессов самоорганизации, реализующихся в системах самой разной природы. Эти системы, к которым относится язык, характеризуются такими общими признаками как открытость для вещества, энергии, информации; нелинейность, неравновестность, случайность преобразований и когерентное поведение на макроуровне. Это наука о нестабильном мире. Мир синергетики — это процессы возникновения порядка из хаоса, их взаимоперехода, образующие в причудливом сочетании регулярности и иррегулярности, предсказуемости и непредсказуемости тот неповторимый, но постоянно возобновляющийся узор событий, который нас окружает и частью которого мы сами являемся.
4. Самоорганизация и наука: Опыт философского осмысления / Отв.ред. *И.А. Акчурина, В.И. Аршинов*. М., 1994.
5. *А.Я. Гуревич*. Исторический синтез и Школа “Анналов”. М., 1993.
6. *Ю.М. Лотман*. О семиосфере // *Ю.М. Лотман*. Избранные статьи: В 3 т. Т.1. Таллинн, 1992. С.11-24.
7. *Р.М. Фрумкина*. Теория среднего уровня в современной лингвистике // Вопросы языкознания. 1996. № 2. С.55-76.
8. *А.К. Жолковский*. Блуждающие сны и другие работы. М., 1994. С.9-10.
9. Загадка человеческого понимания / Под общ.ред. *А.А. Яковлева*. М., 1991; *Г.П. Щедровицкий*. Избранные труды. М., 1995. С.481-496; *В.В. Налимов*. Вероятностная модель языка. М., 1979. С.59, 83-84.
10. *М.М. Бахтин*. К методологии гуманитарных наук // *М.М. Бахтин*. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 361-373.

11. *М.Г. Ярошевский*. История психологии. М., 1985. С. 331.
12. *А. Бергсон*. Смех. М., 1992. С. 68, 78; *Г.Л. Пермяков*. Основа структурной паремиологии. М., 1988; *Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре*. Вып. 2. М., 1994. С. 462; Это просто смешно! или Зеркало кривого Королевства. Анекдоты: системный анализ, синтез. Классификация. М., 1994. С. 183.
13. Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст / Отв. ред. *Т.М. Николаева*. М., 1994. С. 24, 32-33, 44-46; *Паремиологические исследования*. Сб. статей / Сост. и ред. *Г.Л. Пермякова*. М., 1984. С. 14-60; *Малые формы фольклора*. Сб. ст. памяти *Г.Л. Пермякова* // Сост. *Т.Н. Свешникова*. М., 1995. С. 218-244; *В.Н. Базылев*. Язык-ритуал-миф. М., 1994.
14. *Ж.П. Сартр*. Проблемы метода. М., 1994. С. 17; *Дж. Стюарт*. Возвращаясь к символической модели: нерепрезентативная модель природы языка // Знаковая система в социальных и когнитивных процессах / Отв. ред. *И.В. Поляков*. — Новосибирск, 1990. С. 84-111; *Ж. Делёз*. Логика смысла. М., 1995; *Т.М. Николаева*. Теории происхождения языка и его эволюции — новое направление в современном языкознании // Вопросы языкознания. 1995. № 2. С.79-89; *В.Я. Шабес*. Событие и текст. М., 1989.
15. *С.Н. Плеханов*. Жириновский — кто он? М., 1994.
16. *Й. Хейзинга*. Homo ludens. М., 1992. С. 233-235. При этом возможны два варианта игры: “Происходит непрерывный матч, в котором определенные матадоры пытаются объявить друг другу шах и мат, не нанося при этом ущерба интересам страны, которой они служат с полной серьезностью”. Или же: “Практика многочисленных государственных партий, которые по большей части представляют интересы личные и групповые и которые вопреки всяким государственным интересам своей политикой свержения кабинетов то и дело ставят страну перед лицом опасных политических кризисов”.
17. *Дж. Фрезер*. Золотая ветвь. М., 1980, С. 182-183.
18. *Одиссей*. Человек в истории. Представления о власти. М., 1995.
19. *Древнекитайская философия*. Собрание текстов в двух томах. Т. I. М., 1972. С. 142.
20. Иначе это связано с оппозицией личность-индивидуальность. См. *Одиссей*. Человек в истории. Личность и общество. М., 1990.
21. *Дж. Фрезер*. Указ соч. С.179.
22. *Сыма Цянь*. Исторические записки (“Ши цзи”). Том IV. М., 1986. С.66.
23. *В.В. Жириновский*. Жириновский отвечает журналистам. М., 1995. С. 3. Следует обратить внимание на систему экзаменов, существующую в средневековом Китае, как языковую форму инициационных обрядов (см. *В.Я. Сидихменов*. Китайцы прошлого. М., 1974. С. 232-239).
24. *А. Масолов*. Юрист, сын юриста // Политика 1996. 12 февраля. С. 24-27.
25. *С.Н. Плеханов*. Указ.соч. С. 151-153.
26. *Сыма Цянь*. Указ.соч. С. 61.
27. *Ю.А. Сорокин*. Этническая конфликтология. Самара, 1994; *Т.А. ван Дейк*. Язык, познание, коммуникация. М., 1989; *Логический анализ языка. Культурные концепты*. М., 1991.
28. *В.В. Жириновский*. Жириновский отвечает журналистам. М., 1995. С. 8.
29. *А. Эткнд*. Содом и Психея: Очерки интеллектуальной истории Серебряного века. М., 1996. С.276.
30. *А.Л. Жовтис*. Непридуманые анекдоты. Из советского прошлого. М., 1995. С. 84-85, 120.
31. *Логический анализ языка. Язык речевых действий*. М., 1994.

32. Диалог: теоретические проблемы и методы исследования. Сб. научно-аналитических обзоров / Отв.ред. *Н.А. Безликова*. М., 1991. С. 64-65.
33. *В.В. Жириновский*. Последний удар по России. М., 1995; Пресс-служба Владимира Жириновского уполномочена заявить и сообщить. М., 1995.
34. *Ж. Делёз*. Указ. соч. С. 83; *Л. Витгенштейн*. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985. С. 82, 88-89, 126-127.
35. Русская грамматика / Гл.ред. *Н.Ю. Шведова*. Т. I. М., 1980. С. 537.
36. *Д.И. Руденко*. Имя в парадигмах “философии языка”. Харьков, 1990.
37. Словарь современного русского литературного языка. Т.V. М.-Л., 1956.
38. Ср., однако, другую реплику: “Я родился в доме, где жили одни русские, и во всем городе были в основном русские, да и до сих пор там 86% населения — русские. Поэтому я всегда считал себя русским как рожденный русской женщиной Александрой Павловной Жириновской, урожденной Макаровой ... Русские люди основали этот город [Алма-Ата]. Поэтому я по праву могу считать, что родился в России среди русских ... “. *В.В. Жириновский*. Последний бросок на юг. М., 1995. С. 5-7.
39. *В.В. Жириновский*. Последний бросок на юг. М., 1995. С. 11. С этим связана проблема национального плана-поверхности, отраженная в программных документах ЛДПР. См.: *В.В. Жириновский*. Последний вагон на Север. М., 1995.
40. См. в этой связи самооценку В.Ж. и оценку своих оппонентов и предшественников в книге “Последний бросок на юг”. С.24-25, 28-29. “Иногда некоторые мои противники говорят: Откуда он взялся, мы его не знали. Человек образованный, с двумя университетскими дипломами, говорит на европейских языках — откуда он появился здесь, этот обломок той, процветающей России прошлого века? Остальные чувствовали себя изгоями, пролетариями, неузнанной и неопознанной интеллигенцией...”. А также оценку, данную В.Ж. в предисловии к книге “Последней вагон на Север” А.В. Чуриловым (с.3): “И, наконец, — он удивительное современен. Не думаю, что настольные книги Жириновского Бахтин и Делёз, но, пожалуй, он — единственный российский политик, ощутивший дух эпохи — эпохи “развитого постмодернизма” и пытающийся адекватно решать насущные проблемы”.
41. *Софокл*. Царь Эдип. Стрф. 460-462.

Русская когнитивная база и русское культурное пространство в зеркале кроссвордов

© *И. В. Захаренко,*
кандидат филологических наук В. В. Красных, 1998

В последнее время все больший интерес проявляют исследователи к специфике национальной концептосферы, к особенностям национального языкового сознания, к отличительным особенностям национальной коммуникации и, следовательно, к тем проблемам, которые возникают или могут возникнуть при коммуникации межкультурной.

Настоящая статья некоторым образом продолжает наши предыдущие публикации, посвященные теоретическим аспектам указанной проблематики, т. к. содержит большой иллюстративный материал, который может, на наш взгляд, наглядно показать, как именно проявляются в дискурсе прецедентные феномены, знания и представления, входящие в когнитивную базу, а также стереотипы, являющиеся репрезентантами русского культурного пространства¹.

Следует отметить, что в процессе непосредственной коммуникации мы постоянно апеллируем к различным феноменам, принадлежащим либо когнитивной базе, либо культурному пространству, однако мы не всегда осознаем это. Именно поэтому при межкультурной коммуникации возможны и реальны коммуникативные сбои и провалы. В настоящей статье мы рассмотрим разнообразные случаи апелляции к прецедентным (в самом широком смысле) феноменам. Материалом в данном случае нам послужили задания к кроссвордам, публикуемым в современных периодических изданиях. Основной массив примеров взят нами из “Московского комсомольца” (МК) и приложения к нему “МК-Бульвар” (МКБ), газеты “Аргументы и факты” (АиФ), а также из русскоязычной украинской газеты “Акцент” (А) (г. Черкассы) за период с августа по ноябрь 1997 года. Привлечение материала из украинской

¹ Когнитивная база представляет собой определенным образом структурированную совокупность знаний и представлений, необходимо обязательных для всех членов данного национально-лингво-культурного сообщества. Русское культурное пространство включает в себя все существующие и потенциально возможные представления о культурных предметах у членов национально-лингво-культурного сообщества (подробнее см. [2; 6]).

периодики позволило нам, с одной стороны, выявить то общее, что объединяет русскоговорящих, живущих на разных территориях (являются ли они носителями одной когнитивной базы — вопрос достаточно сложный и требует, очевидно, самостоятельного исследования), а с другой — обнаружить определенные различия. В настоящей статье из украинской прессы мы приводим в основном примеры, которые касаются феноменов, принадлежащих, на наш взгляд, русской когнитивной базе и/или русскому культурному пространству. Специальные комментарии делаются нами только в тех случаях, когда это необходимо.

Собранный и обработанный нами в ходе пилотажного исследования материал может быть разделен на несколько групп: 1) феномены, *относящиеся к знаниям* разнообразных конкретных культурных предметов; 2) феномены, хранящиеся в языковом сознании как *непосредственно вербальные феномены* (т.е. в виде только лингвистических когнитивных структур); 3) феномены, связанные со *стереотипами* (стереотипными образами и стереотипными ситуациями); 4) феномены, относящиеся к числу *собственно прецедентных*.

Первая группа. Знания, входящие, как думается, в когнитивную базу или в русское культурное пространство, т. е. являющиеся “необходимо обязательными” или для всех носителей русского ментально-лингвального комплекса, или для членов какого-либо социума, могут относиться к разным культурным предметам, например:

1) знания реалий:

Крестьянский инструмент, ставший одним из символов коммунизма (серп) (А); Рабочий инструмент, который легко представить в паре с серпом (молот) (А); Табачная фабрика с островным названием (Ява) (МКБ); Газета, для которой все факты — аргументы (АиФ) (МКБ); Итальянский город с падающей башней (Пиза) (МКБ); Сооружение для отгорода (китайск.) (стена) (МКБ);

Птица на занавесе МХАТа (чайка) (МКБ); Русский драматург, “крестный отец” столичного Малого театра (Островский) (МКБ); Древнее государство, знаменитое своим воспитанием (Спарта) (МКБ); “Старейшина” отечественного рока (Макаревич) (А).

2) знания, касающиеся художественных произведений; в этой подгруппе мы приводим примеры на знания литературных произведений, которые могут относиться к числу прецедентных; причем в данном случае речь идет именно о *знаниях* текста как такового или о тексте (мы имеем в виду, например, знание сюжета, персонажей, основных коллизий, автора

произведения и т. д.); иначе говоря, речь идет о культурно значимом фрейме феномена [5]:

Литературный отец Гавроша (Гюго) (МКБ); Как звали капитана, командующего подводной лодкой "Наутилус" (Немо) (МКБ); Жанр, в котором поссорились герои Н. Гоголя (повесть) (МКБ); Река, воспеваемая М. Шолоховым (Дон) (МКБ); Дорога в песнях о ямщиках (тракт) (МКБ); Стихийное бедствие из пушкинского "Медного всадника" (наводнение) (МКБ); Бурсак, павший в неравной борьбе с нечистой силой (Гоголь) (Хома Брут) (А); Хорошая подружка бедной юности (Арина) (МКБ; А); История, в которой замешаны Форсайты (сага) (МКБ); Место лебединой тусовки (озеро) (МКБ); Русский писатель, выведший уникальную породу лошади (Ершов) (А; МКБ); Косари трын-травы (зайцы) (МКБ); Город в Германии, всемирно известный одним из своих музыкальных коллективов (сказ.) (Бремен) (А); Дворянский титул, который "добыл" своему хозяину Кот в сапогах (маркиз) (МКБ).

Вторую группу составляют феномены собственно лингвистической природы: отдельные лексические единицы, словосочетания, образованные на основе лексической сочетаемости, фразеологизмы. Следовательно, может иметь место:

1) апелляция к знанию лексического значения слова:

(а) непосредственно к семантике слова или через фонетический образ (число таких примеров ограничено):

Самый ценный фрукт (жарг.) (лимон) (МКБ); Лошадка на крыше (конек) (МКБ); Скоростной пункт питания (быстро) (МК);

(б) через знание феноменов лингвистической и/или экстралингвистической природы:

<i>Дачный носоподточник (<u>комар</u>) (МКБ);</i>	← <i><u>Комар</u> носа не подточит.</i>
	← <i>На даче, как правило, бывает много <u>комаров</u>.</i>
<i>Портфель, ушедший в дипломатию (<u>кейс</u>) (МКБ);</i>	← <i>Атташе-<u>кейс</u>.</i>
<i>Стол средней образованности (<u>парта</u>) (МКБ);</i>	← <i>Среднее образование — школа — <u>парта</u>.</i>

Что нужно научиться рисовать, чтобы сыграть с неграмотным человеком, не умеющим расписаться, в популярную игру (нолик) (А); ← Неграмотный человек вместо подписи обычно ставил крестик.
 (А); ← Игра “Крестики-нолики”.

2) апелляция к знанию лексической сочетаемости, к знанию фразеологической единицы², вызывающая некоторые “предсказуемые” ассоциации:

(а) формулировка задания кроссворда содержит две части: одна часть представляет собой аллюзию на оригинальный текст (исходный фразеологизм) в виде цитаты или определенной трансформации, содержащей однокоренные слова; вторая часть представлена семантизацией (часто с иронией) прямого значения того слова, которое нужно отгадать и которое также входит в исходную фразеологическую единицу; т. е.: {**n** + **x**} — исходный фразеологизм, где **x** — единица, которая является объектом поиска; {**n'** + **k**_(x)} — формулировка задания, где **n'** — выражение аллюзии, при этом возможны варианты: **n'** = **n** (прямая “цитата”) или **n'** ≅ **n** (трансформация); **k**_(x) — “семантизация” искомого элемента:

Домашнее животное (**k**_(x)), любителю новых ворот (**n'**) (баран — **x**) (МКБ). ← Как баран (**x**) на новые ворота (**n**).
 (МКБ). ← Баран — домашнее животное.

Раздорный фрукт (яблоко) (МКБ); Порочная геометрическая фигура (круг) (МКБ); Хлебобулочная приманка (калач) (МКБ); Дымная фигура (коромысло) (МКБ);
Приспособление для измельчения воды (ступа) (А); Членистоногие, о местах зимовки которых никто не хочет знать (раки) (А); Пусковой танец (пляс) (МКБ); Объект медвежьего наступления (уха) (МКБ); Карманная часть речи (слово) (МКБ);

(б) формулировка задания кроссворда также содержит две части: одна часть также представляет собой аллюзию на оригинальный текст

² Мы используем термин “фразеологическая единица” достаточно в широком понимании, поскольку разграничение разных типов фразеологизмов оказывается для нас нерелевантным в рамках данной статьи.

(исходный фразеологизм) в виде цитаты или определенной трансформации, содержащей однокоренные слова; вторая часть содержит семантизацию всей фразеологической единицы, при этом объектом поиска является входящий в данную семантизируемую единицу элемент; т. е.: $\{n + x\} = P$ — исходный фразеологизм, $\{n' + k_{(P)}\}$ — формулировка задания, где n' — выражение аллюзии, при этом возможны варианты: $n' = n$ (прямая “цитата”) или $n' \cong n$ (трансформация); $k_{(P)}$ — “семантизация” всей фразеологической единицы:

То, что бьют, когда не хочется работать (баклуши) (А); Лучшее средство набрать в рот, чтобы не проболтаться (вода) (МКБ);

(в) через апелляцию к “синонимичному” фразеологизму:

Трава, которой все “до лампочки” (трын) (А); Заменитель пудры для мозгов (канифоль) (МКБ); Бюрократический эквивалент долгого ящика (сукно) (МКБ);

(г) в формулировке задания дается необходимый и достаточный перечень компонентов однотипных языковых единиц, объединенных одним общим элементом, который и является объектом поиска; т. е.: $\{n + x\} = T$, $\{l + x\} = Z$, $\{k + x\} = H$, где T, Z, H — исходные единицы, а n, l, k — “переменные” (даны в задании), x — объект поиска:

Бывает знаменательная и круглая (дата) (А); Арабские и римские (цифры) (А); Он бывает партийно-хозяйственным, а бывает и самогонным (аппарат) (А);

Третья группа феноменов представлена стереотипами: стереотипными образами и стереотипными ситуациями, специфическими для того или иного национально-лингво-культурного сообщества:

Украинский город каштанов и куплетистов/Город каштанов и куплетистов (Одесса) (МКБ); Птица, замешанная в появлении детей/Птица, которая знает, откуда дети берутся (аист) (МКБ); Медленно двигающееся пресмыкающееся (черепаха) (МКБ); Новогодний напиток (шампанское) (МКБ); Кружный напиток (пиво) (МКБ); Плевый горбоносец (верблюд) (МКБ); Царь зверей (лев) (МКБ); Их распускают старухи (слухи) (МКБ); Вес, не любимый торговлей (нетто) (МКБ); Представитель северного народа, о мнимой тупости которого сложено много анекдотов (чукча) (А); Город невест (Иваново) (А).

И наконец, четвертая группа представлена феноменами, которые, в рамках нашей концепции, следует относить к числу собственно преце-

дентных. Данная группа является едва ли не самой широко представленной в кроссвордах (по меньшей мере — анализируемых в настоящей статье). Среди собственно прецедентных феноменов мы выделяем: прецедентный текст (ПТ), прецедентную ситуацию (ПС), прецедентное имя (ПИ) и прецедентное высказывание (ПВ) Первые являются вербализуемыми, вторые — вербальными (подробнее см. [6], о ПВ — см. [3; 4]), они значительно чаще встречаются в кроссвордах в силу своей лингвистической “оболочки” и именно поэтому рассматриваются нами в рамках настоящей статьи.

Задания кроссвордов, содержащие апелляции к ПВ, можно условно разделить на три группы:

1) формулировка задания содержит собственно ПВ, в котором пропущено слово, являющееся объектом поиска:

Нужен мне работник, повар, ... плотник (конюх) (МКБ); Видит ..., да зуб неймет (око) (МКБ); Не все то ..., что блестит (золото) (МКБ); Я б для бабушки-царя родила ... (Пушкин) (богатырь) (А); Люблю ... в начале мая (гроза) (А); Кондуктор, нажми на ... (тормоза) (А);

2) формулировка задания содержит две части: одна часть представлена цитатой из оригинального текста (исходного ПВ), вторая часть выражена единицей, замещающей позицию объекта поиска (вопросительным или личным местоимением, существительным, словосочетанием), таким образом, задание сводится к тому, чтобы по части восстановить целое (исходное ПВ) и в результате этого найти “недостающее” слово:

Кто не играет в хоккей (трус) (МКБ); Она спасет мир (красота) (МКБ; А); Из нее возгорится пламя (искра) (МКБ); Тихое место в реке, где черти водятся (омут) (МКБ); От чего не надо отходить, когда считаешь деньги (касса) (МКБ); В этой стране все есть (Греция) (МКБ; А); Промежуток времени, о котором не стоит думать свысока (секунда) (А); Хозяйка дивана, чемодана, саквояжа, картины, корзины, картонки и маленькой собачонки (дама) (МКБ); Городок близ хутора с вечерами (гоголевск.) (Диканька) (МКБ);

3) формулировка задания содержит две части: одна часть представляет собой аллюзию на оригинальный текст (исходное ПВ) в виде цитаты или определенной трансформации, содержащей другие грамматические формы лексем, входящих в данное ПВ, или их однокоренные слова;

вторая часть обозначает (часто иронически) объект поиска различными средствами (например, путем синонимии или семантизации); т. е.: $\{n + x\}$ — исходное ПВ, где x — единица, которая является объектом поиска; $\{n' + k_{(x)}\}$ — формулировка задания, где n' — выражение аллюзии, при этом возможны варианты: $n' = n$ (прямая “цитата”) или $n' \cong n$ (трансформация); $k_{(x)}$ — “обозначение” искомого элемента:

Носитель ($k_{(x)}$) горящей шап- ← На воре (x) и шапка горит (n).
ки (n') (вор - x) (МКБ). Носитель (“обозначение” объекта
 ← поиска)- вор.

Зачастую формулировки заданий включают отсылки к тексту-источнику ПВ, например, “сказ.”, “песен.”, “поэтич.”, “гоголевск.” и др., что значительно сужает круг поиска и облегчает поиск “нужной” (предполагаемой автором кроссворда, т. е. “предсказуемой”) ассоциации:

Работница кабаре (оперет.) (красотка) (МКБ); Песенный антипод монтажника-высотника (кочегар) (МКБ); Шумное болотное растение (камыш) (МКБ); Друг, которому предпочли истину (Платон) (МКБ); Страдалица от дурной головы (нога) (МКБ); Принятие пищи в мировом масштабе (пир) (МКБ).

В данной группе выделяется особая подгруппа заданий, в которых “предсказуемые” ассоциации могут идти по более сложному (много-русному) пути, иначе говоря, трансформациям может подвергаться несколько элементов исходного ПВ: т. е.: $\{n_1 + n_2 + n_n \dots + x\} = \text{ПВ}$, а $\{n_1' + (n_2' + k_{(x)})\}$ — формулировка задания. Другими словами, какой-либо один элемент ПВ — n_2 (в трансформированном виде — n_2'), служит для “обозначения” объекта поиска x , т. е. выражение аллюзии и “обозначение” объекта поиска осуществляется одной единицей ($n_2' + k_{(x)}$), что затрудняет четкое разграничение элементов n_2' и $k_{(x)}$ в формулировке задания; другой элемент ПВ — n_1 (также в трансформированном виде — n_1'), входит в формулировку задания, что облегчает поиск исходного ПВ; т. е.:

Отрадное (n_1') жилище ← Живет (n_2) моя отрада (n_1) в
 ($n_2' + k_{(x)}$) (романс.) (терем — x) высоком терему (x).
 (МКБ); ← Живет — жилище — терем.

Жвачка для буржуя (поэт.) (рябчик) (МКБ); Гуляющий после пяти (считалочн.) (зайчик) (МКБ); Будильник добрых чувств (поэтич.) (лира) (МКБ); Манящая ягода (песен.) (малина) (МКБ).

В ряде случаев отмечается отсутствие второго элемента ПВ в формулировке задания, но общий “механизм” построения самой формулировки остается прежним:

Сказочный уходяга (Колобок) (МКБ); Птица-кашевар (детс.) (сорока) (МКБ).

Задания кроссвордов, содержащие апелляции к прецедентному имени (ПИ), также могут быть условно разделены на несколько групп.

Первая группа заданий представлена формулировками, в которых содержится апелляция к инварианту восприятия ПИ, под которым понимается входящее в когнитивную базу “национально-детерминированное минимизированное представление” [1]. При этом формулировка задания может содержать: (1) само ПИ, объектом поиска в данном случае является один из дифференциальных признаков или атрибутов данного ПИ; или (2) инвариант восприятия ПИ, в качестве объекта поиска в данном случае выступает само ПИ:

(1) *Колобок, ставший географической картой (глобус) (МКБ); Нравственная категория, не знакомая Бармалею (доброта) (МКБ); Вездеход Бабы-Яги (ступя) (МКБ);*

(2) *Первый грешник (Адам) (МКБ); Тающая девушка (Снегурочка) (МКБ); Имя королевы детективов (Агата) (МКБ); Первая дегустаторша яблок (Ева) (МКБ); Блистательный мошенник, сын турецко-подданного (Бендер) (А).*

Вторая группа представлена формулировками, в которых содержится апелляция к сложной фрейм-структуре, представляющей собой пучок направленных предсказуемых ассоциативных связей, в основе которых лежат прецедентные (в самом широком смысле) феномены [5]:

Самая известная трибуна Ленина (броневик) (А); Музыкальный инструмент, на котором играл Шерлок Холмс (скрипка) (МКБ); Летательный аппарат барона Мюнхгаузена (ядро) (МКБ); Крейсер, понавиший холостым в историю (Аврора) (МКБ); Папа, снимавший стружку со своего сына (Карло) (МКБ).

* * *

Таким образом, проанализированный нами практический материал подтверждает гипотезу о том, что основной массив знаний и представлений, включая “культуральный фонд” (Ю.А. Сорокин), хранится в сознании носителей национального ментально-лингвального комплекса в виде фрейм-структур. Последние могут актуализироваться в процессе коммуникации (как непосредственной, так и опосредованной) в результате апелляции к одному из компонентов фрейм-структуры, что ведет к порождению ассоциации/ассоциаций, в основе которой/которых лежат феномены, входящие в ту же структуру. Указанные феномены могут быть как собственно лингвистической, так и экстралингвистической природы.

Л и т е р а т у р а

- [1] *Гудков Д.Б.* Структура и функционирование двусторонних имен (к вопросу о взаимодействии языка и культуры) // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1994. № 6.
- [2] *Гудков Д.Б., Красных В.В.* Русское культурное пространство и межкультурная коммуникация. Доклад на Ломоносовских чтениях, филологический факультет МГУ, 1996 г. В печати.
- [3] *Захаренко И.В.* Прецедентные высказывания и их функционирование в тексте // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1997. С. 92-99.
- [4] *Захаренко И.В.* Некоторые особенности фольклорных прецедентных высказываний // Функциональные исследования. Сб. статей по лингвистике. М., 1997. С. 57-66.
- [5] *Красных В.В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). М., 1998.
- [6] *Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В.* Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации. // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1997. № 3. С. 62-75.

Русские художественные версии двух текстов Джима Моррисона

© кандидат филологических наук В. Г. Красильникова,
доктор филологических наук Ю. А. Сорокин, 1998

Наша статья написана принципиально в нон-финитном ключе. Мы хотели лишь поделиться своими соображениями по поводу на первый взгляд не связанных друг и с другом проблем: когнитивно-аксиологической эквивалентности текстов на ИЯ и на ПЯ¹, возможных вариантов перевода, характеристик личности автора и т.д. Мы полагаем, что именно понимание того, кем в психотипическом отношении является автор, а также знание “правил игры”, которую он ведет, и может стать условием успешности перевода его произведений. Мы поэтому старались не делать выводы, не отвечать на вопросы, а, скорее, ставить их.

1. Оба текста, которые мы рассматриваем, представлены в разделе “Lyric Verse” книги “Стихи. Песни. Заметки” [Моррисон 1993], составленной С. Климовицким, который выступал также и в роли переводчика.

Конкурирующие варианты переводов стихотворений 1966-1971 гг. были, в свою очередь, предложены А. Щупловым [Кумиры... 1994]. И переводы С. Климовицкого, и переводы А. Щуплова можно, по-видимому, охарактеризовать как ориентированные на реконструкцию “тем/фактологий” исходного текста без учета — сознательного или бессознательного — важности вокоидно-контонидных, стилистико-тропологических и образных составляющих, чье взаимодействие в небольшой степени влияет на формирование *образа текста* (и исходного, и переводного).

2. Ни первый текст (“People are Strange”), ни второй (“The Crystal Ship”) не вошли в качестве переводных ни в подборку С. Климовицкого, ни в подборку А. Щуплова. Объяснение этому было дано следующее: “В эту книгу я постарался включить наиболее характерные для Моррисона произведения. Конечно, не все богатство его поэзии поддается переводу. <...> Я решил вовсе отказаться от перевода песен, поэтический перевод которых представляется мне невозможным из-за слишком больших различий в выразительных средствах русского и английского языков, а

¹ ИЯ — исходный язык; ПЯ — язык перевода.

подстрочный перевод не дает полного представления об их достоинствах” [Климовицкий 1993, 12].

3. Приведем вышеуказанные тексты, а затем дадим их подстрочный перевод:

a) People are Strange

People are strange when you're a stranger
Faces look ugly when you are alone
Women seem wicked when you're unwanted
Streets are uneven when you're down

When you're strange
Faces come out of rain
When you're strange
No one remembers your name
When you're strange
When you're strange
When you're strange

6) The Crystal Ship

Before you slip into unconsciousness
I'd like to have another kiss
Another flashing chance at bliss, another kiss,
another kiss

The days are bright and filled with pain
Enclose me in your gentle rain
The time you ran was too insane
We'll meet again, we'll meet again
Tell me where your freedom lies
The streets are fields that never die
Deliver me from reason why you'd rather cry
I'd rather fly

The crystal ship is being filled
A thousand girls, a thousand thrills
A million ways to spend your time

When we get back
I'll drop a line
[Моррисон 1994, 216]

- а) Люди чужие, когда ты чужак.
Лица выглядят уродливо, когда ты в один.
Женщины кажутся злыми, когда ты нежелаем.
Улицы неровные, когда ты подавлен.

Когда ты чужак,
Лица выходят из дождя,
Когда ты чужак,
Никто не помнит твоего имени.
Когда ты чужак,
Когда ты чужак,
Когда ты чужак.

- б) До того, как ты соскользнешь в беспамятство,
Я хотел бы получить еще один поцелуй,
Еще один вспыхивающий шанс [испытать] счастья,
Еще один поцелуй,
Еще один поцелуй.

Дни яркие и наполнены болью.
Заклучи меня в свой нежный дождь.
Время, которое ты подгоняла/через которое ты прорва-
лась/которое ты пролетела, было слишком сумасшедшим.
Мы встретимся снова,
Мы встретимся снова.
Скажи мне, где лежит твоя свобода.
Улицы — это поля, которые никогда не умирают.
Избавь меня от рассуждений о том, почему
Ты скорее (больше) склонна плакать,
А я скорее (больше) склонен летать.
Хрустальный корабль наполняется,
Тысяча девушек, тысяча вибраций,
Миллион способов проводить свое время.
Когда мы вернемся,
Я черкну строку².

² На наш взгляд, именно подстрочный перевод дает возможность судить (и особенно, когда речь заходит о текстах типа моррисоновских) о достоинствах поэтических коммуникатов.

Исходя из этих подстрочников, можно предположить следующую художественную версию первого текста Джима Моррисона:

а) **Чужими выглядят люди**

Чужими выглядят люди, когда живешь незнакомцем.
Лица уродливы, когда ты одинок.
Женщины распутны, когда их не хочется.
Улицы ухабисты, когда валишься с ног.

Когда незнаком,
Лица мелькают в ливнях.
Когда незнаком,
Некому вспомнить твое имя.
Когда незнаком,
Когда незнаком,
Когда незнаком.

Художественная версия второго моррисоновского стихотворения такова:

б) **Хрустальный корабль**

Перед тем, как в беспмятство ты ускользнешь,
Еще раз отдай поцелуй.
Вспышка судьбы, блаженный шанс, еще раз поцелуй,
еще раз поцелуй.

Светятся дни, пропитала их боли дрожь.
Затяни-заточи в тихий свой дождь³.
Ты бежишь по времени безумного норова.
Мы встретимся снова, мы встретимся снова.
Скажи, где твоя своенравность смежила веки.
Улицы — это поля, не умирающие вовеки.
Знать не хочу, не хочу, почему ты кричишь,
а я куда-то лечу.

Перегружен корабль из хрустальных граней
Тысячью девушек, тысячью содроганий.
Миллионы возможностей рвать время на клочья.
Когда мы встретимся,

³ Если считать, что в шестой строке вместо “rain” могло бы стоять “reign” (не исключена возможность опечатки), то пятая и шестая строчки приобретают следующий вид: “Светятся дни и пропитаны болью. Тихо меня уведи под свою королевскую волю”.

черкну пару строчек.

4. Прежде, чем обсуждать фактуру предложенных художественных версий, их аксиологический вес, приведем некоторый дополнительный материал, имеющий отношение, прежде всего, ко второму стихотворению (“The Crystal Ship”), но позволяющий строить предположения относительно психосемантических установок (относительно структуры личности автора/психотипа автора) и этого текста, и первого исходного варианта. Приводя словарные значения английских единиц, мы, прежде всего, хотим показать, что любой из них допустимо поставить в соответствие больше, чем одну русскую лексическую единицу и, следовательно, при переводе возможно достаточно широкая интерпретация текста на ИЯ.

to slip	<ol style="list-style-type: none">1. to move gently, glide (скользить)2. to pass gradually, easily, imperceptibly (двигаться постепенно, без труда, незаметно)3. to glide unexpectedly, by accident, to loose balance (съехать — неожиданно, случайно)4. to get away completely (отъехать — в неформальном значении слова)5. to decline mentally or physically (регрессировать умственно или физически)6. to fall into fault, error (впасть в грех)
unconscious	<ol style="list-style-type: none">1. without conscious awareness, without psychological rather physical awareness and hence not capable of being consciously scrutinized (неосознанный)2. having lost the capacity for sensory perception, temporarily lacking full awareness (бессознательный)3. without conscious control, involuntary (невольный, произвольный)
flash	<ol style="list-style-type: none">1. a sudden brief display of light (вспышка, в том числе и фото)2. a sudden perception (озарение)
chance	<ol style="list-style-type: none">1. the unexpected nature or quality shared by unexpected, random, or unpredictable events, probability of event (непредвиденный, непредсказуемый, неожиданный случай; возможность какого-либо происшествия)2. an opportunity, a risk or hazard gamble (возможность, риск или азарт в игре)3. лотерейный билет

bright	<ol style="list-style-type: none"> 1. emitting or reflecting light, readily or in large amount, shining, brilliant in colour, vivid (светящийся или отражающий свет, блестящий, сверкающий, яркого цвета, живой) 2. glorious, splendid, full of promise and hope (славный, великолепный, многообещающий, вселяющий надежду) 3. happy, cheerful (счастливый, веселый) 4. smart, intelligent (умный)
deliver	<ol style="list-style-type: none"> 1. to release or rescue, set free (освободить, спасти, изба- вить) 2. to assist in giving birth (помогать при родах) 3. to surrender to another, to give over (выдать) 4. to send to intended goal (доставить) <p>[The American Heritage Dictionary 1993]</p>

Шесть вышеприведенных единиц мы считаем лексико-семантическими ключами/лексико-семантическими опорами, между которыми распределены смыслы, мерцающие (О. Мандельштам) в “The Crystal Ship”.

Как и в любом, по-видимому, переводном тексте, в нашей второй художественной версии совокупность словоформ, соотнесенных с этими шестью единицами, фиксирует если и ту же ментальную ситуацию, то менее “расплывчато”, тем самым сужая поле возможных сознательных и бессознательных истолкований этого текста. И эта, и первая художественная версия свидетельствуют, что, вопреки мнению С. Климовицкого, оба стихотворения переводимы. С его точкой зрения относительно невозможности перевода “из-за слишком больших различий [каких? — В.К., Ю.С.] в выразительных средствах [что конкретно имеется в виду? — В.К., Ю.С.] русского и английского языков” можно согласиться лишь в том случае, если полагать, а для этого есть все основания, что контурный прототипический образ русского высказывания/коммуникативный контур высказывания (с его ритмико-интонационным образом) (см. [Гаспаров 1996, 188-193]) с трудом совмещается с образом/контуром английского высказывания. Можно согласиться, если считать, что наблюдается неконгруэнтность между русскими и английскими стилевыми, как их называет Б. Гаспаров, шифте-рами [Гаспаров 1996, 301], к которым он относит “... такие частицы языкового материала — будь то отдельные слова и выражения либо целые синтактико-интонационные фразовые структуры, — стилевая (а

также жанровая) характеристика которых не является раз навсегда данной и внеположной высказыванию, но приобретает различную ценность в зависимости от стилевой и жанровой ситуации всего сообщения в целом, в составе которого они фигурируют” [Гаспаров 1996, 301]. Помимо них, немаловажную роль могут, по-видимому, играть и расхождения в аксиологической структуре русских и английских *фоносемантических и образно-символических шифтеров*.

5. Для литераторов типа Д. Моррисона, В. Высоцкого, Ж. Брассена (о его песнях тоже говорят, что они непереводимы “полностью”), ориентирующихся не на “письменную” речь, а на речь устную, “выпеваемую”, ритмико-интонационный образ (наряду с *образами ценностей, событий и целей*) является основной конструктивной единицей художественного поведения. В силу языковых и культурных различий этот образ не может не быть уникальным. И поэтому не транспонируем (квизитранспонируем) из одной культурно-языковой тональности в другую.

6. Немаловажен также и вопрос о психотипических свойствах того или иного литератора и об опредмечивании их в авторских текстах, оказывающихся уникальными в силу специфической комбинаторики этих свойств.

Установкой на “быстрейшую реализацию” и бессознательным ощущением отмеренности своего срока Джим Моррисон напоминает В. Высоцкого. Вот некоторые факты: Джим Моррисон родился 8 декабря 1943 года в Мельбурне (Флорида). В 1967 году он выпускает первую пластинку “The Doors” (в этот дебютный альбом вошли, в частности, такие песни, как “Light My Fire” и “The End”). Вторая пластинка также была записана в 1967 году. Затем последовали “Waiting for the Sun” (1968), “The Soft Parade” (1969), “Morrison Hotel” (1970). В начале 1971 года он заканчивает запись “L. A. Woman”.

Сразу после этого Д. Моррисон уезжает в Париж, где и умирает 3 июля от сердечного приступа (см. в связи с этим [The Doors 1993]).

Характеризуя Д. Моррисона, С. Климовицкий пишет, что “с одной стороны, он был умен, обаятелен и радовал учителей своими хорошими манерами, с другой — шокировал окружающих своим языком и безудержным враньем. К тому же он был склонен к довольно жестоким розыгрышам, которыми просто изводил своего младшего брата Энди. <...> Он также рисовал, отдавая предпочтение малопрстойным карикатурам в духе Бердслея. <...> Джим, не умея играть ни на каком инструменте, сам сочинял не только слова, но и мелодии песен... Джим вообще

не умел петь, во что спустя два года едва ли кто мог поверить <...> Группа начала выступать в одном из баров Лос Анжелеса. Скоро у нее появилась своя публика. Ходили, главным образом, на “сумасшедшего” певца с явно сексуальными заскоками... Спектр чувств, испытываемых слушателями, мог колебаться от религиозного восторга и мистического транса до бурного неистовства, сопровождавшегося погромом зала, где проходил концерт. Джим называл это “исследованием пределов реальности”. Конечно, наркотики и алкоголь (подчеркнуто нами. — В.К., Ю.С.) помогали в этом. Он не считал нужным щадить себя ни на сцене, ни за ее пределами, где “исследование” продолжалось. Здесь он равным образом мог быть ангелом или злодеем. <...> В марте 1969 года Джим фактически сорвал концерт в Майами своим издевательством над аудиторией и был обвинен в непристойном поведении на сцене. <...> После этого Джим коренным образом изменил свой имидж: расстался со своими неизменными облегающими кожаными штанами, отпустил бороду, стал носить темные очки и курить сигары. На встречах с журналистами он был трезв, серьезен, честен, вежлив. <...> Джима мучило предчувствие смерти. Он считал, что будет третьим после Джими Хендрикса и Дженис Джоплин. Чтобы заглушить страх, он продолжал пить. Последний концерт “Дорз” состоялся 12 декабря 1970 года в Нью-Орлеане. Здоровье Джима было настолько подорвано, что он не смог довести его до конца. Впоследствии Рей утверждал, что он видел, как Джима покинула его жизненная сила. <...> До сих пор неизвестны ни точная дата его смерти, ни ее подлинная причина” [Климовицкий 1993, 5-10].

7. Считается, что алкоголиками становятся, а наркоманами рождаются, причем существует конституциональная предрасположенность к наркомании. Для некоторых ее видов требуется минимальная или даже “нулевая” предрасположенность. Такого рода (ситуационно-бытовая или профессиональная) наркомания может развиваться почти у любого человека. Но наиболее расположены к наркомании эпилептоиды, неустойчивые и циклотимики [Ганнушкин 1933, 118-119].

К какой из этих групп принадлежал Джим Моррисон? На этот вопрос нельзя ответить с уверенностью. Можно лишь предположить, что он принадлежал к группе неустойчивых, ибо это люди, которых “заела среда”, которых “ведут”. Некоторые подробности биографии Д. Моррисона косвенно подтверждают его принадлежность к группе эпилептоидов, которые описываются как злобные, агрессивные люди, не знающие меры ни в храбрости, ни в жестокости, среди них встречаются азартные игроки, пьяницы-дипсоманы и лица, у которых наблюдаются

периодические приступы стремления к бродяжничеству [Ганнушкин 1933, 42-43].

Тексты, созданные Д. Моррисоном, в большинстве своем принадлежат к “темному” типу, чьим психологическим коррелятом считается эпилептоидность. Однако он является и автором текстов, в которых присутствуют “веселые” и “печальные” компоненты, соотносимые, соответственно, с маниакальностью и депрессивностью (см. [Белянин 1996]). Как известно, многократные волнообразные смены состояний возбуждения и депрессии характерны для циклотимиков, причем у циклотимиков может наблюдаться сосуществование элементов обоих настроений, например, состояние возбуждения может совмещаться с печалью. Чередование этих состояний обуславливается или сменой времен года (весна или осень) или приемом наркотиков, первоначально вызывающих эйфорию, переходящую при наступлении абстинентного синдрома в депрессию [Личко 1995, 224-252].

Некоторые тексты Д. Моррисона весьма напоминают видения, возникающие под влиянием наркотиков. В этих текстах мы находим описание состояний, которые можно было бы классифицировать как психосенсорные расстройства: а) эйфория, при которой возникает необыкновенная легкость тела и движений, ощущение невесомости (упоминание о полете мы находим в “Хрустальном корабле”); б) ощущение обострения слуха без реального снижения слухового порога (I’m spy... I know the dreams you are dreaming of, I know the words that you want to hear, I know your deepest secret fears); в) при тяжелом психотипическом опьянении наблюдается онейроид: наркоманы бегут от реальность (before you slip into unconsciousness...), уходят в мир фантазий (... the crystal ship is being filled, a thousand girls, a thousand thrills, a million ways to spend your time...), заново переживают сцены любви (... I’d like to have another kiss, another flashing chance at bliss...); г) на этом фоне наблюдается сосуществование двух состояний (... The days are bright and filled with pain...; ... I’d rather fly, you’d rather cry...); д) в таких состояниях наркоманы обычно не узнают окружающих, а в контакт вступают с большим трудом (People are strange, when you are a stranger...); е) при делирии возникают видения устрашающего характера (The blood in the streets, it’s up to my ankle... <...> Blood! screams her brain when they chop off her fingers...); ж) при длительном приеме наркотиков у мужчин развивается импотенция — на нее прямо указывается в “The Doors” [The Doors 1991], о ней говорится и в “Плаче по моему умершему члену” [Кумиры... 1994, 427-429].

8. Если соотносить Д. Моррисона с психотипами, рассматриваемыми И.П. Смирновым в “Психодиагностике”, то, по-видимому, Д. Моррисон вполне вписывается в рамки *симбиотического характера* (и шизоид, и нарцисс?): “Нарцисс и шизоид конкурируют между собой в их исключительном праве на осознание всего (=субъектно-объектного, имманентного личности в первом случае, трансцендентного ей во втором). <...> В социальном плане постмодернист-симбиотик плюралистичен. Общество для него не центрировано... оно складывается из групп, каждая из которых ведет свою “языковую игру”. <...> Земной рай (=образ симбиоза для большинства несимбиотических субъектов, которые идеализируют начало того, чем они располагают, — отправной пункт их субъективности) выступает для постмодерниста тем местом, откуда он видит мир, а не тем, куда он стремится попасть из мира (как Адам-авангардист). Постмодернист мыслит, как Адам, но не об Адаме; он не замечает того, что ведет свою речь из Эдема; он не различает посюсторонность и потусторонность. <...> Постмодернист-симбиотик... не дорожит своим местом в мире, по меньшей мере, думает, что способен расстаться с тем положением, которое он занял. <...> У симбиотика с его авторефлексированием нет иного положения в мире, кроме *метапозиции*. <...> История, которой симбиотик не управляет, лишь снится ему” [Смирнов 1994, 322-325].

Л и т е р а т у р а

- [1] *Белянин В.П.* Введение в психиатрическое литературоведение. Мюнхен, 1996.
- [2] *Ганнушкин П.Б.* Клиника психопатий. Их статика, динамика, систематика. М., 1933.
- [3] *Гаспаров Б.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
- [4] *Кумиры* западной поп-и рок-музыки. М., 1994.
- [5] *Климовицкий С.* Предисловие составителя и переводчика // *Моррисон Д.* Стихи. Песни. Заметки. М., 1995.
- [6] *Личко А.Е.* Наркомании и токсикомании // *М.В. Коркина, Н.Д. Лакосина, А.Е. Личко.* Психиатрия. М., 1995.
- [7] *Моррисон Д.* Стихи. Песни. Заметки. М., 1995.
- [8] *Смирнов И.П.* Психодиахронология. Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. М., 1994.
- [9] *The American Heritage Dictionary.* Houghton Mifflin Company. Boston, NY, London, 1993.
- [10] *The Doors.* VHS, 18. Carolco International. NY, 1991.

Традиции православия в русской литературе (культурологический аспект)

© кандидат филологических наук *И. В. Андреева*,
кандидат филологических наук *Н. В. Баско*, 1998

Русскую литературную классику составляют произведения, наиболее полно выразившие национальные идеалы, строй верований русского народа. Никто не станет спорить в настоящее время с тем, что “мечта о святости как высшем идеале” [Тихомиров, 1892: 225] присуща народному, национальному взгляду на жизнь, идеальным представлениям. Неразрывность связи русской литературы с православием очевидна: православие является духовным ядром русской культуры.

Сказанное справедливо как по отношению к литературе XIX века, так и по отношению к русской литературе XX века. Национальные идеалы, духовные устремления народа не являются временными, скоропроходящими, исторически изменчивыми. Вопрос лишь в том, насколько они востребованы современниками и как глубоко поняты.

Одной из задач культурологии является определение того, какой рисуется православная Россия современному читателю русской классики и отыскать в художественных произведениях содержательные, формальные (в том числе вербальные) ориентиры, ведущие к постижению русской ментальности.

Русская литература антропоцентрична. В центре ее всегда стоит человек, показанный в значительные минуты своей жизни. Начало и конец земного пути человека, этапы его духовного становления неразрывно связаны в русской классике XIX века с вхождением, с погружением в православный мир. Крещение, причащение, исповедь, покаяние, венчание, соборование — вот те главные церковные обряды, с которыми слита жизнь литературных персонажей на страницах художественного произведения. Описание обрядов в русской прозе показывает церковную обрядность как неотъемлемую часть образа жизни православной России.

Известно также, что литература не просто изображает жизнь человека в определенный исторический период, но привлекает внимание читателя к моментам его духовного прозрения. Поиски смысла жизни, оснований для полноценного устройства своей земной жизни, поиски духовной, нравственной опоры в исключительных (а иногда обыденных) обстоятельствах — таковы типичные ситуации в русской литературе,

когда спасительным для человека оказывается обращение его к православию, к полному погружению в православный мир, слиянию с ним. Именно в трудные, драматичные минуты своей жизни русский человек (литературный персонаж) приходит в церковь, обращается к богу со словами молитвы, приобщается к церковным Таинствам, читает Евангелие.

Описание духовного прозрения литературного героя в русской классике составляет содержание ключевых для понимания целого эпизодов. В семантическом пространстве художественного текста описание посещения храма, участия в церковных обрядах, чтения Евангелия и других значительных произведений православной литературы занимает семантически сильную позицию начала, конца повествования, кульминации, резкого перелома действия. Утверждение главенства духовного, высшего начала над земным — главный итог применения указанного композиционного принципа.

Таков, например, эпизод крещения главного героя повести Н.В. Гоголя “Шинель” — Акакия Акакиевича Башмачкина. Выбор из множества имен, называемых по святым роженице, самого кроткого имени Акакий (греч. *незлобливый*) определяет сюжет повествования, дальнейшую судьбу литературного персонажа.

Другой пример — приготовления Николая Иртеньева на Страстной неделе к исповеди. Известно, что исповедь сообщает главному герою повести Л.Н. Толстого “Юность” сильнейший импульс к духовному очищению, совершенствованию: к самосознанию, к пониманию своего истинного места в мире, что и составляет содержание всей повести.

Столь дорогая Л.Н. Толстому “мысль семейная” с исчерпывающей полнотой находит образное воплощение в эпизоде венчания Константина Левина и Кити в романе “Анна Каренина”, составляя резкий контраст к теме разрушения семьи Карениных.

Напомним также, что герой романа Ф.М. Достоевского Родион Раскольников выходит на путь духовного воскрешения после чтения евангельской притчи о воскрешении Лазаря.

Если говорить о литературе XX века, то можно напомнить роль моления Елены Турбиной к Матери-заступнице в романе М. Булгакова “Белая гвардия” или значение для всего романа финальных строк из “Откровения Иоанна”.

Можно также указать на многозначительность эпизода посещения обезлюдившего храма в повести А. Платонова “Котлован” и привести ряд других примеров, чтобы показать необходимость при изучении сю-

жетно-композиционного построения литературного произведения актуализации связей русской литературы с ядром русской культуры — православием.

С культурологической точки зрения интересна пространственно-временная перспектива произведений русской литературы.

Счет времени в русской классике идет на события жизни православных людей. При этом на обычное летоисчисление, на смену времен года, чередование дней, часов, минут накладываются даты церковного календаря: церковные праздники (Рождество, Вербное Воскресение, Пасха и другие). Художественное время русской классики всегда ориентируется на время церковного календаря, на события, обращенные к вечности.

Интересно отметить, что эта “оглядка” художественного времени на время церковное долго сохраняется в русской литературе и в XX веке. Упоминания памятных церковных праздников встречаются и в прозе М. Шолохова, и в прозе писателей-“деревенщиков”, писавших и пишущих о крестьянстве — традиционном хранителе русской старины, народных мечтаний, идеальных представлений. Эти “упоминания” тоже ведут счет событиям жизни литературных персонажей, накладываясь на временной отсчет дней их жизни, часто суетливой, “атеистичной”.

Ориентация художественного времени на церковное время проявляется в упоминании традиционных для православных посещений церкви в определенные дни, часы (пошла к обедне, вернулась от вечерни и т.п.). Наконец, упоминание о звуке колокола, о традиционном на Руси колокольном звоне, говорит литературным персонажам и читателям не только об отсчете времени, но, что важнее всего, — о Боге, о величии Божьем, о красоте Божьего мира.

Например, в известном стихотворении И. Козлова “Вечерний звон”, ставшим романсом, популярным и в наши дни, воспроизведен строй мыслей русских людей. Напомним первые строки этого стихотворения:

Вечерний звон, вечерний звон!
Как много дум наводит он
О юных днях в краю родном,
Где я любил, где отчий дом,
И как я с ним, навек простясь,
Там слушал звон в последний раз!

В стихотворении А. Майкова “Весна” (1854) обновление жизни весной сливается со звуками благовеста в единую симфонию:

Весна! выставляется первая рама —
И в комнату шум ворвался,
И благовест ближнего храма,
И говор народа, и стук колеса!

Мне в душу повеяло жизнью и волей:
Вон даль голубая видна ...
И хочется в поле, в широкое поле,
Где, шествуя, сыплет цветами весна!

В художественном времени русской классики всегда присутствует временная вертикаль, уходящая в вечность.

Вдруг дальний колокола звон
Раздался снова в тишине -
И тут все ясно стало мне ...
(М.Ю. Лермонтов. Мцыри)

Особого внимания заслуживают случаи воспроизведения колокольного звона в финале произведения — в семантически сильной позиции художественного текста.

В традиции русской реалистической прозы наполнять финал светом, утверждать стройность мира, просветлять душу читателя. Одним из таких финалов являются заключительные строки знаменитого “Бежина луга” И.С. Тургенева. “Оглядка” на вечность придает этому описанию совершенно особый смысловой оттенок:

“... Не успел я отойти двух верст, как уже полились кругом меня по широкому мокрому лугу, и спереди, по зазеленым холмам, от лесу до лесу, сзади по длинной пыльной дороге, по сверкающим, обгаренным кустам, и по реке, стыдливо синевшей из-под редящего тумана, — полились сперва алые, потом красные, золотые потоки молодого горячего света ... Все зашевелилось: проснулось, запело, зашумело, заговорило. Всюду лучистыми алмазами зарделись крупные капли росы; мне навстречу, чистые и ясные, словно тоже обмытые утренней прохладой, принеслись звуки колокола ...”

В качестве постоянного пространственного ориентира в русской классике выступает изображение церкви, что, прежде всего, отвечает правде жизни, традиции православных людей ставить церковь на возвышенности, в самых живописных местах, вблизи селений. В русской прозе часто встреча после разлуки с родиной, с родными местами начинается именно со “встречи” с церковью, так же, как и прощание с род-

ными местами, с жизнью. Традиция эта идет от прозы А.С. Пушкина. Вспомним приезд Владимира Дубровского в Кистеневку после долгой отлучки:

“Он ехал берегом широкого озера, из которого вытекала речка и вдали извивалась между холмами; на одном из них над густой зеленью рощи возвышалась зеленая кровля и бельведер огромного каменного дома, на другом *пятиглавая церковь и старинная колокольня*. Дубровский узнал сии места ...”.

Вспомним последний путь Андрея Гавриловича Дубровского: “Хозяин Кистеневки в последний раз перешел за порог своего дома. Гроб понесли рощею. Церковь находилась за нею.”

Сравним также использование “пространственного ориентира”, отмечающего конец земного пути персонажей, в поэме М.Ю. Лермонтова “Демон”:

Все дико; нет нигде следов
Минувших лет: рука веков
Прилежно, долго их сметала,
И не напомним ничего
О славном имени Гудала,
О милой дочери его!

Но *церковь* на крутой вершине,
Где взяты кости их землей,
Хранима властью святой,
Видна меж туч еще поныне ...

Из приведенных примеров видно также, как глубоко вторгается в смысловую структуру литературного произведения этот традиционный для России “пространственный ориентир”. В поэме М.Ю. Лермонтова “Демон” *церковь* сохраняет на века память о происшедших событиях и, одновременно, сама “хранима властью святой”. Церковь в финале этой поэмы — символ святости, успокоения страстей, тишины вечности.

Даже воспоминания о детстве, самых светлых и лучших годах жизни русского литературного героя сопровождаются образом церкви, храма Божьего.

Вот рассказ Катерины из пьесы А.Н. Островского “Гроза”.

“[Катерина:] ... Знаешь, как я жила в девушках? Встану я, бывало, рано, принесу с собою водицы и все, все цветы в доме полью. Потом пойдем с маменькой *в церковь* ... А придем *из церкви*, сядем за какую-нибудь ра-

боту... Потом *к вечерне*, а вечером опять рассказы да пение. Таково хорошо было!”

На эту особенность русского менталитета обратил внимание Д. Мережковский при интерпретации творчества А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, И.А. Гончарова.

Так, анализируя роман И.А. Гончарова “Обыкновенная история”, Д. Мережковский приводит следующий отрывок:

“В душе Александра пробуждались воспоминания. Он мысленно пробежал свое детство и юношество до поездки в Петербург; вспомнил, как, будучи ребенком, он повторял за матерью слова молитвы, как она твердила ему об ангеле-хранителе... как она, указывая ему на звезды, говорила, что это очи Божьих ангелов, которые смотрят на мир и считают добрые и злые дела людей; как небожители плачут, когда в итоге окажется больше злых, нежели добрых дел. Показывая на синеву дальнего горизонта, она говорил, что это — Сион ...”

И Д. Мережковский делает вывод: “Вот религия, как она представляется Гончарову, — религия, которая не мучит человека неутолимой жадной жаждой Бога, а ласкает и согревает сердце, как тихое воспоминание детства.” [Мережковский, 466]

В “Метели” А.С. Пушкина (“Повести Белкина”) слово-символ глубоко вторгается в сюжет. Судьба несчастного Владимира решена одной фразой, завершающей рассказ о его злоключениях во время метели: “*Церковь была заперта.*”. Счастье Бурмина (того суженого, “которого и на коне не объедешь”) оказывается на волоске от гибели вследствие его “преступной проказы”: “... Не знаю, как зовут деревню, где я венчался ... В то время я так мало полагал важности в преступной моей проказе, что, *отъехав от церкви*, заснул ...”.

Упоминание церкви в конце повествования, в момент развязки позволяет интерпретировать тему повести как тему поисков истины человеком, разработанную в бытовом ключе, на бытовом уровне.

Интересна трансформация пространственно-временной системы художественных произведений во второй половине XX века. Все реже заметна “оглядка” на вечность, на “церковное время”. Временная перспектива как бы сокращается, но расширяется пространственная перспектива. Все чаще родная природа, русский лес изображаются, как священное пространство, как храм, внутри которого, сам того не осознавая, находится человек. На известный афоризм Евгения Базарова (роман И.С. Тургенева “Отцы и дети”): “Природа — не храм, а мастер-

ская, и человек в ней работник”, — современная литература (произведения Л. Леонова, В. Солоухина, В. Белова, В. Распутина) отвечает утверждением: “Природа — храм”.

В предметной детализации повествовательного пространства произведений русской литературы существенное место занимают церковные реалии. Церковь, притвор, иконостас, алтарь, свеча, образ, икона — редкое произведение русской литературы XIX века обходится без упоминания этих реалий церковной жизни, так же как и званий служителей церкви — священник, батюшка, дьячок, псаломщик и др.

Необходимая при работе с изучающими русскую литературу семантизация слов, называющих церковные реалии, имеет свою специфику. При чтении художественного текста возникает необходимость семантизировать указанные лексические единицы с двух точек зрения: современной и исторической.

При семантизации слова с современной точки зрения, возникает методическая необходимость в дополнительной семантизации: в раскрытии духовно-символического смысла реалии в церковной жизни, в церковном обряде.

Раскрытие семантики языковых единиц с исторической точки зрения рассматривается нами как способ приобщения читателя к традиционному мироощущению православной России. Из языковых единиц извлекаются смыслы, широко известные в православной России, но скрытые для современного читателя.

Например, семантизируя слово “венец”, недостаточно дать описательное толкование значения (“Головное украшение в виде короны, которое шаферы держат над головами вступающих в брак во время венчания”), недостаточно указать на обрядовую семантику венца как символа брака, но желательно раскрыть и духовно-символическую роль венца в обряде венчания, где венец — символ победы над плотскими страстями.

Как показывает практика, дополнительные сведения о духовно-символическом значении церковной реалии в обряде снимают трудности, связанные с анализом и интерпретацией художественного текста.

Например, изучение рассказа И. Бунина “Деревня” неизбежно связано с интерпретацией финала: описание венчания Дениски и Молодой. Незнание символики обряда венчания приводит современного читателя к единственно возможному выводу: “В конце рассказа герои поженились.”

Семантизация же слова “венец” с исторической точки зрения позволяет читателям осмыслить финал рассказа, как начало новой, другой, не похожей на прежнюю жизнь и, следовательно, понять, что конец рассказа И. Бунина — это “открытый финал”, продиктованный верой и верованиями писателя. Наполняется смыслом и близкий контекст, вызывающий при чтении затруднение: “Ему же самому (Дениске), коротконогому, в чужих сапогах, в чужой поддевке, *было неловко и страшно* держать на неподвижной голове царский венец — медный огромный венец с крестом наверху, надетый глубоко, на уши”.

Свеча — хорошо известная современным читателям реалия, но в православной традиции зажженная свеча осмысливается как часть церковной службы, символизирующая добровольную жертву человека Богу, причастность человека к Божественному свету.

Сведения о символике зажженной свечи позволяют полнее раскрыть смысловую перспективу эпизодов посещения пустого храма в повести А. Платонова “Котлован”. Зажженные свечи в пустом храме высвечивают глубины сиротства, в которые погружаются люди в “обезбоженном” мире, воссозданным А. Платоновым: ” Народу тут быть не может, — сообщил поп. — Народ только свечку покупает и ставит ее Богу, как сироту, в месте своей молитвы, а сам сейчас же скрывается вон.”

По-иному следует раскрыть символику свечи в обряде венчания, где горящая свеча “свидетельствует о сияющей чистоте брака”. В эпизоде венчания Кити и Левина в романе Л.Н. Толстого “Анна Каренина” смысловый вектор целого многократно направляется на раскрытие духовно-символического значения реалии, на высший смысл самого обряда.

К числу языковых единиц, связанных с православной традицией и способных эффективно раскрывать национально-культурную специфику изучаемых произведений русской литературы, относятся личные имена литературных персонажей.

Самую обширную и наименее изученную группу личных имен в русской классике составляют не “говорящие имена” (Скотинин, Кабаниха, Правдин, Молчалин, Счастливец ...), а православные имена в их канонической форме. В православной России сохранялось представление об этимологии личного имени, даваемого младенцу при крещении. Это видно из сопоставления этимологии имени с характеристикой литературного персонажа. Часто смысл имени получает “описательное тол-

кование” при первом представлении литературного персонажа читателю.

Таково известное начало повести А.С. Пушкина “Дубровский”:
“Несколько лет тому назад в одном из своих поместий жил старинный русский барин, Кирила Петрович Троекуров. Его богатство, знатный род и связи давали ему большой вес в губерниях, где находились его имения. Соседи рады были угождать малейшим его прихотям; губернские чиновники трепетали при его имени ... Никто не дерзал отказываться от его приглашения или в известные дни не являться с должным почтением в село Покровское”. Первые строки содержат описательное толкование имени Кирилл (греч. *повелитель*).

Можно сказать, что характер литературного героя в определенной степени задан его личным именем, которое во многом определяет рисунок его поведения, судьбу персонажа. Другими словами, психологические, социальные характеристики выступают как вторичные, обусловленные семантическим наполнением имени.

Таково же первое представление читателю Герасима (греч. *почтенный*) в рассказе И.С. Тургенева “Муму”:

“Из числа всей ее (барыни) челяди самым замечательным лицом был дворник Герасим, мужчина двенадцати вершков роста, сложенный богатырем и глухонемой от рождения. Барыня взяла его из деревни, где он жил один в небольшой избушке отдельно от братьев, и считался едва ли не самым исправным тягловым мужиком”.

Смысловая двуплановость личного имени оживает в повести Н.В. Гоголя “Шинель”: Акакий Акакиевич Башмачкин (напомним, что Акакий (греч.) — *незлобивый*), в пьесах А.Н.Островского “Гроза”, “Бесприданница”: Катерина (греч. *всегда чистая*), Лариса (греч. *чайка*), в романах И.С. Тургенева “Отцы и дети”, “Накануне” : Евгений (греч. *благородный*), Елена (греч. *факел*).

Смысловая двуплановость личного имени становится источником образности в творчестве поэтов серебряного века, в произведениях Л. Андреева, М. Цветаевой и др. Приведем характерный пример образного раскрытия, толкования имени в прозе Л. Андреева:

“Когда Петр что-нибудь говорил, слова его звучали так твердо, как будто он прибивал их гвоздями. Когда Петр двигался или что-нибудь делал, он производил далеко слышный шум и вызывал ответ у самых глухих вещей: каменный пол гудел под его ногами, двери дрожали и хлопали, и самый воздух пугливо вздрагивал и шумел”. Имя Петр означает “камень” (греч.)

Проведенные наблюдения позволяют сделать вывод о том, что неразрывная связь русской литературы с православной традицией заявляет о себе при обращении как к непосредственному содержанию литературной классики, так и к глубинному философскому осмыслению художественного произведения. Данные аспекты изучения художественного произведения нуждаются в серьезном культурологическом исследовании.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов В.В.* Этюды о Гоголе. Избранные труды. Поэтика русской литературы. М., 1976.
- Лотман Ю.М.* Роман А.С. Пушкина “Евгений Онегин”. Комментарий. Л., 1983.
- Мережковский Д.* Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М., 1995.
- Тихомиров Л.А.* Духовенство и общество в современном религиозном движении // Русское обозрение. 1892. Т. 5.
- Андреева И.В., Баско Н.В.* Принципы составления культурологического словаря “Православная Россия в русской литературе”. Доклад на международной конференции “Тенденции развития языкового и литературного образования в школе и в вузе”. Санкт-Петербург, 1998.

Социолингвистические и методические основы структурирования специализированной модели обучения русскому языку как средству делового общения в сфере туристических услуг

*© доктор педагогических наук Л. П. Клобукова,
доктор педагогических наук И. В. Михалкина, 1998*

Одной из весьма актуальных проблем современной лингводидактики является задача структурирования базовых и специализированных моделей обучения русскому языку как средству делового общения. В соответствии с личностно-деятельностным подходом, возобладавшим в последние десятилетия в теории и практике преподавания РКИ, все методические решения (такие, как отбор, организация и презентация учебного материала, приемы обучения, система заданий и др.) преломляются сквозь призму личности учащегося — мотивов изучения русского языка, его социально обусловленных коммуникативных потребностей и индивидуально-психологических особенностей. В то же время анализ мотивов изучения русского языка как средства делового общения позволил выделить целый ряд категорий учащихся, серьезно отличающихся по тем целям и задачам, которые они преследуют, приступая к изучению русского языка как средства делового общения. Гетерогенность коммуникативных потребностей учащихся обусловлена многими факторами: 1) различным субординационным положением обучаемых (от генерального директора/президента организации до менеджера среднего звена и стажера), 2) различными социально-коммуникативными ролями (например, сотрудник обслуживающего персонала, клиент, партнер фирмы и др.), 3) разной профессиональной ориентацией (ср.: бухгалтер и менеджер по рекламе и связям с общественностью), 4) специализацией организации, которую представляют учащиеся (ср.: фирма “Боинг” и туристическое агентство, рекрутинговая компания и гостиничный комплекс). Абсолютно очевидно, что здесь деловое общение будет происходить в разных сферах деятельности, на самые разные темы и в разных ситуациях.

С учетом подобного экстралингвистического контекста представляется целесообразным разграничить базовую и специализированные модели обучения русскому языку как средству делового общения. Базо-

вая модель аккумулирует общие для всех названных групп учащихся компоненты коммуникативного и языкового характера, в рамках базовой модели методист планирует (а преподаватель формирует) базовый портрет языковой личности учащегося. В границах специализированных моделей обучения планируются специализированные (модульные) портреты языковой личности, или вариативные модификации базового портрета языковой личности учащегося.

В данной статье впервые делается попытка предложить некий алгоритм структурирования специализированной модели обучения русскому языку как средству делового общения. На наш взгляд, в качестве обязательных технологических шагов могут быть названы следующие: 1) проведение социологического анализа с целью определения структуры контингента потенциальных учащихся (выявление и описание их социально-коммуникативных ролей, профессиональной специализации и субординационного положения); 2) изучение коммуникативных потребностей каждой из выделенных категорий учащихся; 3) определение коммуникативного содержания обучения, 4) создание учебной программы, 5) выявление специфики организации учебного процесса. Продемонстрируем эти положения на материале обучения русскому языку как средству делового общения в сфере туристических услуг.

На основании проведенного авторами анализа мотивов изучения русского языка в указанных целях были выделены 3 группы иностранных учащихся, характеризующиеся ярко выраженными прагматическими мотивами (“инструментальная мотивация”):

а) представители иностранных туристических агентств, которые сотрудничают с российскими туристическими фирмами-посредниками, представляющими их интересы на российском рынке (собственно профессиональное общение);

б) сотрудники зарубежных туристических фирм, работающих на российском рынке без посредников (официально-деловое и обиходно-деловое общение);

в) сотрудники экскурсионных бюро, музеев, гостиниц, ресторанов, санаторно-курортных учреждений, сферы торговли, осуществляющие непосредственное обслуживание российских клиентов на территории своей страны (повседневное и обиходно-деловое общение).

Коммуникативные потребности представителей каждой группы коррелируют с коммуникативными потребностями российских туристов и отличаются большим разнообразием. Кроме того, коммуникативные потребности представителей первых двух групп связаны с соответству-

ющими потребностями деловых партнеров-профессионалов. Так, например, представители первой группы используют русский язык как средство делового общения в основном при взаимодействии со своими российскими коллегами. При этом значительная роль принадлежит письменной форме коммуникации: подготавливаются различного рода рекламные материалы, заключаются договоры, осуществляется деловая переписка посредством факсимильной связи и др. Устная форма коммуникации протекает в рамках официально-делового общения с партнерами, в основном по телефону.

Отличительной особенностью представителей второй группы иностранных учащихся является то, что они живут и работают в условиях языковой (русской) среды, т.е. испытывают коммуникативные потребности как в сфере делового, так и повседневного общения. Выполняя свои профессиональные обязанности, представители зарубежных туристических фирм, работающих в России, участвуют во взаимодействии с юридическими лицами: банками, транспортными агентствами, страховыми компаниями. И в этом случае они вступают в официально-деловое общение, в процессе которого большая роль отводится оформлению различного рода документов, то есть письменной форме речи. При этом можно выделить три вида письменной формы речи, актуальные для данного контингента учащихся. Во-первых, записи репродуктивного характера, требующие владения техникой письма и связанные с навыками выборочного чтения (выписки из различного рода правовых и организационных документов); записи, вносимые в бланки готовых документов (доверенности, типовые договоры, банковские форматы, платежные поручения, счета-фактуры, проездные документы, страховые полисы, визы, ваучеры и т.д.). Во-вторых, записи репродуктивно-продуктивного характера (телефонограммы, заметки, делаемые во время деловых встреч, переговоров, рабочих совещаний на основании чужой речи). В-третьих, письменная речь продуктивного характера (бизнес-планы, коммерческие предложения, письма-факсы, протоколы о намерениях, соглашения о сотрудничестве, договоры и т.д.).

Оформлению всех перечисленных документов предшествует устная форма делового общения, которая для рассматриваемой группы учащихся более актуальна, чем для представителей первой группы, поскольку условия реальной коммуникации диктуют необходимость вступления в личные контакты.

В то же время профессиональная деятельность сотрудников зарубежных туристических фирм, работающих на российском рынке, со-

пряжена не только с официально-деловым общением, но и с обиходно-деловым. Обиходно-деловое общение осуществляется в основном в устной форме при взаимодействии с туристами — физическими лицами. И в этом случае от стратегии и тактик речевого поведения сотрудника, выступающего в роли туроператора, во многом зависит конечный результат деятельности фирмы.

В процессе общения с клиентом сотрудник турфирмы должен прежде всего адекватно предъявить собственно предметную информацию — рассказать о фирме, о предоставляемых услугах, об условиях сотрудничества (источником данной информации обычно являются печатные рекламные материалы). Таким образом, важную роль приобретает предметная компетенция сотрудника на русском языке. Этот структурный компонент коммуникативной компетенции непосредственно связан с другим ее компонентом — цивилизационным. Сотруднику туристической фирмы насущно необходимы знания о традициях организации отдыха в России, о характере интересов представителей разных социальных групп, их материальных возможностях и т.д. Не менее важен социолингвистический компонент коммуникативной компетенции: умение выстраивать программу речевого поведения и вербально реализовывать ее адекватно конкретному социальному контексту общения.

Следует отметить большую значимость уровня сформированности у представителей данного контингента учащихся речевой и стратегической компетенции. Особую роль в данном случае приобретает уровень сформированности навыков и умений диалогической формы общения. К основным умениям диалогической формы общения в рассматриваемом контексте делового взаимодействия относятся следующие: умения установить контакт с собеседником, выяснить индивидуальные потребности клиента, в максимально корректной форме определить его материальные возможности, выразить совет, заинтересовать, убедить в сотрудничестве и др.

Результат коммуникации зависит от выбора вербальных реализаций интенций и использования формул русского речевого этикета, адекватных условиям ситуации общения. Кроме того, диалогическая форма общения в рассматриваемом случае нередко осуществляется по телефону, что требует знаний определенных норм ведения деловой беседы по телефону.

Наибольшей гетерогенностью коммуникативных потребностей характеризуется третья группа учащихся. Так, например, для экскурсовода актуальна монологическая форма устной речи репродуктивно-

продуктивного характера. Рецептивная же речевая деятельность весьма ограничена, поскольку речевое поведение экскурсантов отличается высокой степенью прогнозируемости. Что же касается, например, речевого поведения сотрудников гостиниц, то они испытывают коммуникативные потребности, связанные в основном с диалогической формой общения.

Таким образом, одной из важнейших задач теории и практики обучения русскому языку как иностранному в сфере туристических услуг является определение для каждой из выделенных групп учащихся коммуникативного содержания обучения, адекватно отражающего реальную коммуникацию.

Выявленные отличия в коммуникативном содержании обучения вышеназванных трех групп иностранных учащихся обуславливают необходимость осмыслить специфику организации учебного процесса в каждом отдельном случае. Можно сказать, что в теории и практике преподавания РКИ в сфере туристических услуг должны выкристаллизоваться три различные подсистемы обучения, адекватные коммуникативным потребностям трех выделенных нами контингентов учащихся. Под системой обучения мы понимаем целостную, иерархически организованную совокупность компонентов учебного процесса, таких, как подход к обучению, цели и задачи, содержание обучения, принципы, условия, методы и средства обучения.

Теоретической базой построения системы обучения во всех трех случаях мог бы быть уже упоминаемый выше личностно-деятельностный подход (пожалуй, это единственный компонент системы обучения, который целесообразно, на наш взгляд, использовать в работе со всеми контингентами учащихся; другие же из перечисленных выше компонентов являются величинами переменными). Достоинства этого подхода неоспоримы. Он предполагает максимальный учет потребностей, мотивов, целей и задач учащегося, его индивидуальных особенностей: психологических, возрастных, национальных и др. Не менее важно то, что учебный процесс в рамках данного подхода носит деятельностный характер — объектом обучения является речевая деятельность, направленная на постановку и решение конкретной экстралингвистической задачи. Личностно-деятельностный подход ориентирует занятия по русскому языку на обучение общению в устной или письменной его форме, что предполагает решение проблемных задач, широкое использование коллективных форм работы, заданий, воссоздающих значимые для обучающихся ситуации, возникающие в сфере туристиче-

ских услуг, овладение языковой формой в неразрывной связи с ее функционированием в речи.

Отличия в коммуникативных потребностях трех выделенных групп учащихся, охарактеризованные выше, обуславливают специфику таких компонентов системы обучения, как цели, задачи, содержание обучения. Наиболее объемным является содержание обучения второй группы учащихся — зарубежных специалистов, живущих в России и работающих на российском рынке туристических услуг без посредников. Идеальная модель обучения данной категории учащихся предполагает формирование у них коммуникативной компетенции в объеме Второго уровня общего владения РКИ (ТРКИ-2 в рамках российской государственной системы тестирования), то есть достаточно высокого уровня коммуникативной компетенции, позволяющего иностранцу удовлетворять свои коммуникативные потребности во всех сферах общения, а также вести профессиональную деятельность на русском языке. Кроме того, учащиеся второй группы обычно тестируются на получение сертификата Второго (основного) уровня владения русским языком как средством делового общения (ОУДО). Другими словами, уровни их языковой подготовки в плане общего владения русским языком и владения языком в специальных целях практически совпадают.

Иная лингвометодическая реальность имеет место при определении объема содержания обучения иностранных учащихся первой группы. Обычно он соответствует материалу, предусмотренному стандартом Базового уровня общего владения РКИ (ГБУ в рамках российской государственной системы тестирования). Успешное прохождение тестирования по данному уровню свидетельствует о начальном уровне коммуникативной компетенции, который позволяет иностранцу удовлетворять свои базовые коммуникативные потребности в ограниченном числе ситуаций социально-бытовой и социально-культурной сфер общения.

Что же касается аспекта “Русский язык в сфере делового общения”, то в работе с данным контингентом учащихся, как уже отмечалось, особое внимание уделяется письменным жанрам делового общения, а также специфике делового общения по телефону. При этом аутентичный текстовый материал, актуальный для данных типов делового общения, соответствует Второму уровню (ОУДО) в системе уровней владения русским языком как средством делового общения. Как видим, такие “ножницы” в объеме коммуникативной компетенции учащихся в сфере общего владения РКИ и в сфере использования русского языка как средства делового общения обусловлены экстралингвистическими обстоя-

тельствами: особенностями коммуникативных потребностей первой группы учащихся.

Большая специфика в объеме содержания обучения наблюдается у учащихся третьей группы, которые вступают с носителями русского языка в коммуникацию особого рода: она характеризуется узким, четко очерченным кругом решаемых на русском языке речевых задач. Поэтому сотрудникам гостиниц, ресторанов, сферы торговли, осуществляющим непосредственное обслуживание российских клиентов на территории своей страны, обычно бывает достаточно овладеть русским языком на Базовом, а порой и на Элементарном уровне (ТЭУ — в рамках российской государственной системы тестирования), который позволяет иностранцу удовлетворять элементарные коммуникативные потребности в ограниченном числе ситуаций повседневного общения.

Говоря о различиях в системах обучения русскому языку в сфере туристических услуг трех выделенных нами групп иностранных граждан, необходимо остановиться на проблеме выбора соответствующих принципов и методов обучения. При работе со второй группой учащихся прекрасно зарекомендовал себя сознательно-практический метод, с позиций которого исходным пунктом овладения языком считается приобретение знаний (языковой базы), а конечной целью является формирование (на основе приобретенных знаний) речевых навыков и умений. Формирование речевых действий и операций разбивается на ряд последовательных этапов: осознанная деятельность — сознательный контроль — автоматизированная деятельность. Подобная система работы, характерная для сознательно-практического метода обучения и названная А.А. Леонтьевым путем “сверху вниз”, дает хорошие результаты при обучении второй группы учащихся. Этот путь — усвоение языка через сознательное овладение действиями и операциями с последующей интенсивной тренировкой для формирования необходимых речевых умений — обуславливает ведущую роль принципа сознательности в обучении данного контингента учащихся.

Что же касается, например, третьей группы иностранных учащихся с “нулевым уровнем” владения русским языком, то для работы с данным контингентом выбирается, как правило, краткосрочная форма обучения и такие методы обучения, как аудиовизуальный и аудиолингвальный; в ряде случаев используются также различные интенсивные методы обучения. Именно эти методы дают неплохие результаты в случае обучения языку в сжатые сроки на ограниченном лексико-грамматическом материале, характерном для разговорной и обиходно-

деловой речи. Данные методы диктуют свои требования к выбору средств обучения: в учебном процессе широко используются средства зрительной и слуховой наглядности, магнитофонные записи живой разговорной и обиходно-деловой речи; новый материал вводится преимущественно со слуха.

Охарактеризованные методы обучения обуславливают также использование соответствующих методических принципов: принципа опоры на разговорную речь, принципа устного опережения, принципа ситуативности, работы по моделям и речевым образцам и др. Так как главной целью обучения является практическое овладение языком как средством коммуникации в тщательно отобранных ситуациях общения, то в качестве средств обучения привлекаются в основном диалогические тексты соответствующего содержания. Сначала учащиеся начинают понимать речь на слух, затем отрабатывают навыки ее воспроизведения; чтению и письму отводится в значительной степени вспомогательная роль (исключения составляют отдельные сорта письменных текстов, таких, как счет, анкета клиента гостиницы и др.). Грамматический материал строго минимизируется и предьявляется в виде моделей и речевых образцов.

Таким образом, контингент иностранных граждан, заинтересованных в изучении русского языка для его использования в сфере туристических услуг, не является монолитным по своим целям и задачам, что обуславливает необходимость разработки различных специализированных моделей обучения (как минимум для трех больших категорий иностранных учащихся). Детальное описание коммуникативных потребностей этих групп учащихся, отбор адекватного содержания обучения, создание необходимых средств обучения, подготовленных в соответствии с оптимальными для той или иной категории учащихся методами и принципами обучения, — важная задача современной российской и зарубежной теории и практики преподавания русского языка как иностранного.

К истории музыкальной терминологии

© кандидат филологических наук Н. Г. Ткаченко, 1998

Культурологический аспект в обучении русскому языку иностранных учащихся, несмотря на коренные изменения, произошедшие в политической и социально-экономической жизни нашей страны, занимает по-прежнему особое место. История страны, её культура, литература, изобразительное искусство и музыка представляют большой интерес как для людей искушенных, так и для “новичков”, впервые знакомящихся с шедеврами русской национальной культуры.

Поэтому лингвострановедческий аспект в преподавании РКИ все еще остается одной из наиболее актуальных проблем современной методики РКИ.

Особое место в курсе культурологии занимает знакомство с историей русской классической музыки, с творчеством выдающихся композиторов, причем этот процесс наиболее целесообразно представлять как хронологически, так и во взаимосвязи с произведениями литературы, живописи, архитектуры, что способствует формированию словаря культуроведческой лексики и терминологии у учащихся, а также развитию их устной речи.

Таким образом, системное описание музыкальной терминологии вызвано практическими потребностями при обучении русскому языку иностранных учащихся в курсе по истории русской классической музыки. В связи с этим актуальным является знакомство с русской музыкальной терминологией. Наш опыт показывает, что работа по усвоению и активизации в речи учащихся музыкальной терминологии в значительной степени более эффективна, если она сопровождается сведениями исторического характера.

При рассмотрении музыкальной терминологической лексики мы исходим из комплексного подхода: смыслового значения слова, его места в общей лексической системе, происхождения, употребления, сфер применения и экспрессивно-стилистической характеристики.

Русская музыкальная терминология включает большое количество отдельных слов и словосочетаний. Она очень обширна по числу входящих в нее терминов и содержит несколько тысяч слов и выражений, из которых только часть находит отражение в словарях.

Определить границы музыкальной терминологии и указать точно количество терминов очень трудно, так как они созданы разными народами и в разные исторические эпохи. Наряду с такими древними терминами, как *шофар*, *киннор* (древнеевр.), *эмос*, *аптома*, *пектис*, *диавлос* (древнегреч.), *букцина* (лат.), *вина*, *раванастр* (древнеинд.) встречаются позднейшие – *джаз*, *аккордеон*, *вибрафон*, *банджо*.

Музыкальный термин понимается в работе как узкоспециальное понятие в музыке, так как “терминология искусства, литературы, истории таковы, что при их изучении обычно нельзя провести границу между термином и нетермином. Термин понимается как функциональная субстанция, а не структурная. Предпочитаются не логические определения, а перечисление ряда признаков термина, из которых основной – употребление в текстах данной тематики” [1].

Такое понимание музыкального термина присутствует в работах, посвященных синхронному изучению музыкальной терминологии, вопросам ее упорядочения и нормализации [2]. Другое направление связано с историей отдельных музыкальных терминов [3].

Весь состав музыкальной терминологии можно разбить на отдельные группы, в каждую из которых входят термины, объединенные по одному общему признаку.

Музыка, как один из видов искусства, изучается и теоретически обосновывается различными дисциплинами. Каждая из них пользуется определенными терминами, характерными только для нее. Но есть большая группа терминов, общая для всех дисциплин. Объединив эти термины в группы по тематическому признаку, можно получить т.наз. **тематическую классификацию музыкальных терминов:**

1. **Музыкальные инструменты и их составные части:** *альт, арфа, балалайка, валторна, гитара, домра, жалейка, клавесин, мандолина, пикколо, свирель, рояль, тамбурин, цимбалы и т. д.*
2. **Певческие голоса и их регистры:** *баритон, бас, сопрано, меццо-сопрано, дискант, тенор, фальцет, фистула и т. д.*
3. **Музыкальные коллективы и их группы:** *ансамбль, банда, вокальный квартет, вторые скрипки, дуэт, капелла, оркестр и т. д.*
4. **Профессии, специальности, амплуа:** *аккомпаниатор, аккордеонист, вокалист, виолончелистка, гуслияр, капельмейстер, ложечник, скрипач, трубач, ударник и т. д.*
5. **Действия, процессы труда:** *аранжировать, дирижировать, импровизировать, инструментовать, оркестровать, соль-*

феджировать, сочинять и т.д.

6. **Жанры, виды, области музыки:** балет, баллада, бытовой романс, гимн, интермеццо, кантата, концерт, ноктюрн, опера, оратория, песня, прелюдия, реквием, симфония, соната, увертюра, фантазия и т.д.
7. **Отдельные музыкальные произведения и их части:** адажио, ария, баркарола, бурре, вальс, вступление, гавот, дивертисмент, интродукция, каватина, каприччио, мазурка, менуэт, парафраза, песня без слов, скерцо, тарантелла, токката, хабанера и т.д.
8. **Музыкальные формы и их элементы:** вступление темы, голос, двойная fuga, кода, контрапункт, лейтмотив, органичный пункт, разработка, рефрен, рондо и т.д.

В тематической классификации каждая единица имеет определенное место. Тематические границы терминологии классической музыки закрыты, что обусловлено их иноязычным происхождением, а также устойчивостью и консервативностью.

Всю массу терминов можно разделить на родовые и видовые термины в зависимости от объёма понятия, заключенного в нем. Во всех группах есть термины, служащие обобщающими названиями, они шире по сравнению с другими терминами. Поэтому такие термины могут являться членами разных словосочетаний: **ОПЕРА** – комическая опера, лирическая опера, опера-балет; **АНСАМБЛЬ** – вокальный ансамбль, камерный ансамбль, струнный ансамбль, фортепианный ансамбль; **КОНТРАПУНКТ** – вертикально-подвижный контрапункт, горизонтально-подвижный контрапункт, двойной контрапункт, зеркальный контрапункт, обратимый контрапункт.

Видовые термины фиксируют отдельные стороны одного понятия, которому соответствует родовой термин.

Музыкальная терминология вообще не является чем-то неизменным. Наоборот, она находится в движении. Ее состав подвергается различным изменениям, связанным с изменениями как в самой музыке, так и в окружающем нас мире, о чем будет сказано ниже.

С возникновением новых понятий появляется необходимость в новых терминах. Для этой цели могут быть использованы все имеющиеся в русском языке способы словообразования. Часто новые термины создаются из морфем классических языков: *оркестротека, метроном др.*

По структуре термины делятся на **простые** (состоящие из одного слова) и **составные** (т.е. словосочетания). К простым относятся однокоренные термины, которые могут иметь как производную основу (*гимн, жига, кода, лад тон, fuga* и др.), так и производную (*вокалист, аккорд, бас, вальс голосник, задержание, затакт, оркестровка, аранжировка, подголосок, ритмика* и др.)

В некоторых заимствованных терминах можно указать на производный характер основы благодаря имеющимся в русской терминологии соответствующим им терминам с производной основой (*престо – престо, пиано – пианиссимо, анданте – андантино, соната – сонатина, ария – ариетта, канцона – канцонетта* и др.). Часто при заимствовании производный характер основы утрачивается (*валторна, гобой*). Кроме однокоренных простых терминов имеются и двукоренные (*инструментоведение, ладотональность, меццо-форте, музыковедение, рондо-соната*), а также термины с большим количеством корней (*доминантсептаккорд, терцквартаккорд* и др.)

Простые термины входят в следующие разряды знаменательных слов: существительные (*вокалист, гусли, инвенция, интервал, квартет, кларнет, контрабас, синкопа, унисон, фермата* и др.), прилагательные (*альтовый, фокальный, диатонический, доминантовый, минорный, облигатный* и др.). Термины-прилагательные встречаются только как части составных терминов. Термины-глаголы и термины-существительные с той же семантикой составляют пары: *дирижировать – дирижирование, оркестрировать – оркестровка, импровизировать – импровизация, транспонировать – транспонирование* и др. Наречия сосредоточены в небольшой по объему группе терминов со значением скорости, темпа и характера исполнения произведений. Все они заимствованы: *адажио, аллегро, виво, ritenуто, форте* и др.

Составные термины представляют собой сочетания различных знаменательных слов. Количество членов может быть два и больше. Наиболее распространены двучленные составные термины. Они включают: 1. Прилагательное и существительное (*большие септаккорды, гармонический минор, ложная реприза, хроматические знаки*); 2. Два существительных (*вершина интервала, обращение аккорда, родство тональностей*); 3. Порядковое числительное и существительное (*второй голос, первые скрипки, шестнадцатая нота*); 4. Причастие и существительное (*восходящий интервал, модулирующий аккорд, связующая партия*). Многочленные составляющие термины немногочисленны:

простая двухчастная форма, доминантовый уменьшенный септаккорд, гармонически равные тональности.

Становление русской музыкальной терминологии происходило в тесной связи с развитием музыкальной культуры России, имевшей свои особенности, обусловленные историческими причинами, в частности, активными связями с рядом иностранных государств. Русская музыкальная терминология складывалась веками. Природная музыкальность и любознательность русского народа, живость восприятия и “быстрота ума”, установление контактов со странами Западной Европы способствовали большому притоку иностранных слов в русскую музыкальную терминологию.

История появления в России музыкальных инструментов иностранного происхождения и формирование сопутствующих групп терминов в русском языке неразрывно связаны. Появление новых инструментов в обиходе, различные руководства способствовали знакомству с новыми реалиями. Переводные журналы, нотные журналы, издававшие преимущественно иностранцами, партитуры, ноты, периодическая печать способствовали проникновению нового термина в русский язык. Таким образом, вопрос о формировании музыкальной терминологии тесно связан с вопросом о заимствовании иноязычных слов.

Известный французский лингвист А. Доза в своей книге “История французского языка” пишет: “ Заимствования, ранее считавшиеся случайным, если не патологическим явлением, в действительности представляют собой одно из основных явлений жизни языка: это международный обмен в области языков, вызываемый всей совокупностью сношений между народами” [4]. Таким образом, процесс заимствования рассматривается как в культурно-историческом, так и в лингвистическом плане.

Большинство ученых считало и считает, что в основном “заимствование языковое имеет ближайшей причиной заимствование культурное” [5], тем самым признавая, что причины заимствования лежат в области экстралингвистических факторов, как то: исторические связи между народами, превосходство какой-либо нации в отдельной сфере деятельности, моду на иноязычие в определенное время и в определенной социальной среде.

Однако некоторые исследователи выделяют также и лингвистические причины заимствования. К ним относят необходимость пополнения экспрессивных средств языка (Л.П. Якубинский, Вандриес и др.); тенденцию к устранению омонимии и полисемии, разграничению смысло-

вых оттенков и закреплению их за разными словами (А.А. Реформатский, Ю.С. Сорокин, Л.П. Крысин, В.М. Аристова), тенденцию к образованию структурно аналогичных слов или наличие слов, структурно однотипных с воспринимающей лексической единицей (Л.П. Крысин), тенденцию к соответствию нерасчлененности обозначающего (Л.П. Крысин, В.М. Аристова).

Такое деление причин заимствования представляется нам не совсем точным. Отчасти виной тому – многозначность термина “заимствование” в русском языке. Если понимать, вслед за большинством лингвистов, под лексическим заимствованием передвижение элементов лексики одного языка в другой язык, то причины этого явления, как нам кажется, лежат в области внеязыковых факторов.

Те факторы, которые относят к языковым причинам заимствования, на самом деле влияют не в момент его миграции из иного языка в другой, а уже после его вхождения в заимствующий язык. От них зависит, останется ли заимствованное слово в языке или будет вытеснено русским эквивалентом, примет ли оно на себя какие-то новые значения, приобретет ли ранее ему не свойственную экспрессивную окраску.

Уже давно было отмечено, что заимствованные слова не в одинаковой степени осваиваются языком. Еще в прошлом веке лингвисты делали попытки классифицировать иноязычные слова по степени их освоения заимствующим языком. Согласно лингвистической традиции, идущей от немецкого ученого XIX в. Шлейхера, все слова иноязычного происхождения делятся на слова усвоенные и слова иностранные – “чужие”. Эта традиция долго господствовала как в зарубежной, так и в отечественной лингвистике, хотя позже и предпринимались попытки более глубокого решения этой проблемы [6].

В наше время общепризнанным фактом является то, что слово никогда не остается неизменным при заимствовании, оно подчиняется графическим, фонетическим и грамматическим нормам заимствующего языка, а также приобретает синтаксические связи, характерные для данного языка.

Музыкальная классическая терминология в современном русском языке в своем составе интернациональна и сформировалась на основе заимствований из трех языков – итальянского, французского, немецкого, заимствования из английского и испанского языков единичны. Значительна роль польского языка как посредника. Такие слова как *лютня*, *цитра*, *валторна*, *скрипка* и *арфа* и др. были заимствованы через польское посредничество.

В наше же время первенство, безусловно, принадлежит английскому языку. Этот процесс захватил все стилевые и стилистические разновидности русского языка. Русифицируются суффиксы и окончания, изменяются категории рода и числа. Не свойственные русскому языку суффиксы заменяются более употребительными (иногда даже иноязычными) и возникают новые русские производные: *рептер, хардроковец, панкушник, панковать, блюзовать, попсовик*.

Русская классическая музыкальная терминология в основном сформировалась к XVII веку, особенно активно протекал процесс заимствования в Петровскую эпоху, когда были установлены дипломатические отношения с рядом иностранных государств. Например, к XVII – началу XIX в.в. уже были известны названия музыкальных инструментов, которые входят также в состав современной музыкальной терминологии: *гобой, кларнет, контрафагот, контрабас, корнет, фагот, флейта, тромбон* (из группы духовых инструментов), *цимбалы, кастаньеты, гонг, литавры, тамбур, тамбури, треугольник* (из группы ударных инструментов), *альт, виолончель, контрабас, лира, виола, арфа, мандолина* (из группы струнных инструментов), *клавикорд, клавиесин, флигель, рояль, орган, фортепиано* (из группы клавишных инструментов) и др.

В конце XIX – начале XX в.в. в связи с изобретением новых инструментов появляются и их названия: *саксофон, фисгармония, челеста, банджо, концертина, аккордеон и др.* Вновь изобретенным инструментам присваивалось либо уже ранее известные названия, так как в музыкальной терминологии действует закон преемственности названий, либо новые, которые создавались, как правило, из греко-латинских элементов. Эти названия со временем проникали в другие языки, где тот же инструмент имел другое наименование. Например, в русском языке XVII в. был известен инструмент *фагот*. Однако этот инструмент имел несколько наименований: *фр. басон, ит. фагот*, а также “*большая гобоя*”, или инструмент *виолончель*, выступавший под названием “*бас*”, “*скрипичный бас*”, *виолончель и пр.* Подобные явления обуславливали сложность путей формирования музыкальной терминологии.

Названия музыкальных инструментов не претерпели в русском языке каких-либо существенных изменений. Такие слова, как: а) *юкарина, челеста, спинет, мандолина, контрафагот, виола да гамба, торбан и др.* не вышли за пределы узкоспециального употребления; б) *виола, тамбурия, концерттино, тромбон, гобой* употребляются в обще-

литературном языке, но не так регулярно, как *фортепиано*, *пианино*, *флейта*, *фагот*, *виолончель*, *фанфара*, *контрабас*, *мандолина*.

Для последней группы характерна полисемия по смежности: кроме названия музыкальных инструментов эти слова могут обозначать музыку, исполняемую на них, а также иногда они употребляются в значении «музыкант, играющий на данном инструменте» [7].

Названия певческих голосов, не меняя своего значения, стали достоянием общелитературного языка. Слова *сопрано*, *меццо-сопрано*, *фальцет*, *контральто*, *бас*, *тенор*, *баритон*, *альт* обозначают и певческий голос и певца или певицу с таким голосом.

Слова *бас*, *баритон*, *фальцет* могут относиться не только к певческому голосу, но и голосу вообще, особенно в словосочетаниях *смеяться*, *говорить тенором*, *баритоном*, *фальцетом*, *басом*.

Слова *тенор*, *баритон*, *бас* (особенно последнее) обладают большим количеством производных, образованных на русской почве.

Слова, обозначающие способы и темпы исполнения, в большинстве своем не вышли за рамки узкоспециального употребления. Лишь небольшое количество слов, относящихся к этой тематической группе, расширило рамки своей функциональной сферы. К таким словам относятся: *форте*, *фортиссимо*, *пьяно*, *пьяниссимо*, *анданте*, *адажио*, *аллегро*, *крещендо*.

Часть из них употребляется в качестве названий музыкальных пьес и их частей (*анданте*, *адажио*, *скерцо*), другие употребляются применительно не только к музыке, но и ко всяким звукам, а иногда и к настроению, атмосфере (*форте*, *пьяно*, *крещендо*).

Слово *темп* подверглось в русском языке значительным семантическим изменениям.

Названия музыкальных произведений и их частей не представляют собой однородной группы в смысле их освоения русским языком, хотя большинство из них вышло за рамки терминологического употребления. Однако если такие слова, как *опера*, *балет*, *оперетта*, *соната*, *контрата*, *оратория*, *ария*, *тарантелла* известны в наше время всем и частотность их употребления очень высока, то слово *рондо*, *интермеццо*, *каватина*, *баркарола*, *канцона*, *фуга*, *каприччио*, *ариозо*, *скерцо* употребляется не так часто и регулярно, и круг лиц, принадлежностью речи которых они являются, значительно уже. И, наконец, слова *ритунель*, *новелетта*, *кантилена*, *ариетта*, *фугетта*, *токатта*, *канцонетта*, *кода*, *романеска* употребляются людьми, обладающими определенными

музыкальными знаниями, и частотность их употребления в неспециальных текстах низка.

Из названий музыкальных коллективов и групп в русском языке широко употребляются: *капелла, дуэт, трио, квартет, квинтет, сикстет*, но при этом все они подверглись значительным семантическим изменениям.

Из названий украшений мелодического рисунка можно отметить слова: *трель, колоратура, фиоритура*. Первое из них очень рано вышло из сферы специального употребления, два последних стали достоянием литературного языка уже в наши дни в связи с огромной популярностью музыки и распространением музыкальной культуры.

К названиям лиц, чья деятельность связана с музыкой, с театром, относятся такие слова, как *дива, примадонна, прима-балерина, балерина, импресарио, маэстро, дилетант, виртуоз, солист, бутафор*. Все они также в значительной степени подверглись в русском языке семантическим изменениям.

Следует сказать и о синонимах в музыкальной терминологии, в отношении которых следует употребить выражение “абсолютные синонимы”. Они могут различаться происхождением, структурой, а также другими признаками. Относительные синонимы в музыкальной терминологии насчитываются единицами (*опус – сочинение*), что вызвано спецификой терминологической лексики. Можно выделить следующие группы синонимов:

1. **Лексические синонимы:** заимствованный термин – русский термин (*транскрипция – переложение, бекар – отказ, вокалист – певец, аккомпанемент – сопровождение, глокенишпиль – колокольчики, фрагмент – отрывок, экзерсис – упражнение, рефрен – припев, инверсия – противодвижение*); устаревший термин – современный термин (*ут – до, вибрандо – тремоло, кобылка – подставка, сочинитель – композитор, брагурный – виртуозный*); диалектный термин – литературный термин (*дишкант – подголосок, гудок – смычок, круг – основа – хоровод, дуда – вольнка, гуделка – скрипка*).

Лексические синонимы имеют те или иные стилистические оттенки.

1. **Словообразовательные синонимы:** термины с общим корнем и разными аффиксами, так наз. однокоренные синонимы. Например: *мелодический – мелодичный, фаготовый – фаготный, орнаментация – орнаментика, транспозиция – транспо-*

нировка. К словообразовательным синонимам относятся и термины с разными корнями, но с общим аффиксом, т. е. Разнокоренные синонимы: *оркестровка – инструментарка, оркестрировать – инструментировать*.

2. **Структурные синонимы:** составной термин – простой термин (*частичные тоны – гармоника, удержанное противосложение – контракта, органнй пункт – педаль, нижняя медианта – субмедианта*). Составные термины могут образовывать синонимические пары между собой (*гармонические созвучия – частичные тоны, зеркальный контрапункт – обратимый контрапункт, альтовый гобой – английский рожок*).

Следует отметить, что такие явления, как синонимия и полисемия были характерны для раннего периода формирования русской музыкальной терминологии.

Кроме синонимов в музыкальной терминологии встречаются **вариантные формы** одного термина: арпеджионе – арпеджоне, буфф – буффо, гадулка – гудулка, парафраза – парафраз, стретто – стретта, хорнпайп – горнпайп и т.п. Кроме того можно привести немало фонетических и орфоэпических вариантов: арпеджио – арпеджо, пиано – пьяно, растр – раштр, симфоньетта – симфоньетта, сольфеджио – сольфеджо, фортепиано – фортепьяно; орфографических и морфологических: экосез – экосез, падекатр – па-де-катр, тамтам – там-там, бурлеска – бурлеск, парафраза – парафраз, литавра – литавры и др.

Освоение иноязычных слов – диахроническая проблема, так как заимствование — сложный процесс и явление адаптации требует некоторого промежутка времени. Слово заимствуется “не целиком, как полное, законченное, грамматически оформленное слово, а только, так сказать, как более или менее бесформенный кусок лексического материала, получающий новую оформленность лишь в системе и средствами другого языка, языка заимствовавшего”[8].

Наличие большого количества фонетических и морфологических вариантов в музыкальной терминологии на первом этапе ее формирования (например: *гобой – гобоя, валторна – вальгорна – валтора, кларнет – кларинет, виолончель – фиолончель, флейта – флейт – флют, клавесин – клависсин, альт – альто и т.д.*) было обусловлено еще и тем, что иноязычное слово поступало в русский язык из различных языковых источников. Фонетическое оформление слова зависело также от характера заимствования – устного или письменного.

При сравнении “Энциклопедического музыкального словаря” (М., 1966 г.), “Краткого музыкального словаря” А. Должанского (М., 1964 и 1966 г.), “Орфографического словаря русского языка”, М., 1978., “Словаря иностранных слов”, М., 1989, “Словаря современного русского литературного языка” (изд. АН СССР) и ряда других словарей, вышедших приблизительно в одно время, обнаружено значительное количество расхождений в написании, грамматической характеристике и произношении терминов, что способствует сохранению вариантности. Расхождения наблюдаются также и между словарями и музыкальной литературой, в том числе статьями в периодической печати.

Следует сказать еще и о том, что заимствованное слово в русском языке может расширить свое значение. Процесс экспимии в рассматриваемой терминологической группе чаще всего связан с функциональным употреблением слова, с явлением метафоризации. Так, название инструмента часто переносится на его исполнителя. Слова *гобой*, *валторна*, *кларнет* *флейта*, *скрипка* и т.д. в результате переносного употребления развили дополнительное значение “музыкант, играющий на инструменте”. Например: “Славная флейта, **Феон**, здесь лежит” (Пушкин). “Его горячо любимая жена сбежала с **фаготом** Собакиным” (Чехов), “А тот – хрипун, удушенник, **фагот**, созвездие маневров и мазурки” (Грибоедов). Название музыкального инструмента переносится на название музыкального произведения для этого инструмента, например: “**Лира и Арфа**” (Сен-Санс), “**Волшебная флейта**” (Моцарт).

Метафорическое употребление термина свидетельствует о проникновении его в сферу литературного языка и связано со стилистическим использованием термина. Перейдя в общелитературный язык, слова-термины получают новое нетерминологическое значение. Так, войдя в состав музыкальной фразеологии, термины *волынка*, *шарманка*, *скрипка* и др. теряют значение термина и полностью переосмысливаются: *крутить шарманку*, *тянуть волынку*, *играть первую скрипку* и т.д. Они приобретают новое значение (положительное или отрицательное), несвойственное им в качестве термина, и детерминологизируются.

Процесс детерминологизации свидетельствует об активном взаимодействии разных пластов лексики в русском языке. Как термин слово, обозначающее название музыкального инструмента, имеет четкие и определенные семантические границы, как нетермин характеризуется многозначностью и расплывчатостью в значении.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] *Кузьмина Н.Б.* О типологии понятия “термин” // Актуальные проблемы лексикологии, М., 1970.
- [2] *Аркадьева Э.В.* Семантика освоения русским языком терминов изобразительного и прикладного искусства, архитектуры и музыки итальянского происхождения, автореферат канд. дисс., М., 1974; *Самушина Ш.Д.* Музыкальная терминология в современном русском языке: Автореф. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1969; *Лубенская С.И.* Пути и источники формирования музыкальной терминологии в английском языке: Автореф. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1971.
- [3] *Дробинина Д.П.* К вопросу о происхождении современной музыкальной и театральной терминологии // Ученые записки ЛГПИ им. Герцена, 1965. С. 257; *Филиппова В.С.* К терминологии музыкально-исполнительского и театрального искусства // Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка. М., 1969.
- [4] *Доза А.* История французского языка, М., 1956. С. 135.
- [5] *Булич С. К.* Заимствованные слова и их значение для развития языка // Русский филологический вестник. Варшава, 1886. Т. XVIII. С. 2.
- [6] *Сорокин Ю.С.* Развитие словарного состава русского литературного языка в 30-90 гг. XIX в. М., 1965; *Крысин Л.П.* Иноязычные слова в современном русском языке. М., Наука, 1968.
- [7] *Назарова Ж.А.* К истории музыкальной терминологии западноевропейского происхождения в русском языке (название музыкальных инструментов): Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1973.
- [8] *Смирницкий А.И.* Лексикология английского языка. М., 1956. С. 235.

Контексты транспозиции, образующие глубокую периферию функционально-семантического поля квалитативности

© кандидат филологических наук Ю. А. Туманова, 1998

В рамках функциональной грамматики [ФГ] в настоящее время осознаны и теоретически сформулированы задачи, стоящие перед синтаксистами, занимающимися, в частности, простым предложением. **Первое:** в своих исследованиях они должны учитывать *экстралингвистические факторы*, чтобы показать “каким образом носителями языка осмысливаются определенные отрезки действительности (ситуации) и какими средствами языка представление о той или иной ситуации может быть выражено” [Белошапкина, Володина, 1980: 55]. **Второе:** в синтаксическом описании должны быть сформулированы “*правила построения предложений*, несущих заданную информацию и отражающих определенную ситуацию [там же], то есть современные лингвисты осознали, что “предметом синтаксиса как науки является *и синтезирование отдельных предложений. на основе определенных моделей*”, при этом актуальной стала считаться задача “*изучения лексики с точки зрения вхождения слов соответствующих классов в состав предложений, с определенными моделями*” [Ломтев, 1976: 67]. Имеются в виду классы предикатных имен и классы имен, занимающих при предикатах определенные позиции. **Третье:** в синтаксическом описании “центральное место должен занимать перечень образцов семантически элементарных предложений” [Белошапкина, 1983: 52], при этом указанный перечень должен быть снабжен *сведениями о синтаксической производности и формальном варьировании*, позволяющими соотнести предложения перечня с широким кругом системно организованных синтаксических конструкций, осложненных добавочными модифицирующими смыслами (типа модальных или фазисных) или *экспрессивно-стилистической окраской* [там же: 49-52]. **Четвертое:** наряду с презентацией форм предложений в настоящее время актуальной задачей является выявление *смысловых инвариантов предложений и их систем*, специфических для каждого языка [Всеволодова, 1984: 66]. Этой цели служат исследования различных функционально-семантических полей [ФСП]. Понятие ФСП, введенное в лингвистический обиход А.В. Бондарко [Бондарко, 1967], оказалось перспективным для описания фактов современного русского

языка. В настоящее время намечена типология ФСП [Бондарко, 1984: 58-98] и описаны части некоторых ФСП, таких, как ФСП аспектуальности [Бондарко, 1983], ФСП локативности [Всеволодова, Владимирский, 1982], ФСП темпоральности [Всеволодова, 1983]. Не только описание самих ФСП, но и описание зон их пересечения друг с другом является актуальным для современной функциональной грамматики, находящейся в стадии становления и определения своего объема [Туманова, 1985].

Что касается выявления смысловых инвариантов и их систем, то в настоящее время не создана исчерпывающая классификация мыслительных (понятийных) категорий, поэтому каждый исследователь относительно свободен в выборе и в формулировке того смысла, языковые средства которого он хочет описать.

Нами была исследована и частично описана¹ функционально-семантическая зона (ФСЗ) наличия объекта (или содержимого) в объеме пространстве (или объеме), которая, по нашему мнению, лежит на пересечении четырех полей: бытийности, локативности, квантитативности и квалитативности.

Мы выявили те языковые средства, которые выражают содержательные варианты указанного выше общего смысла. При этом обнаружилось, что если содержательные варианты общего смысла находятся по отношению друг к другу в семантической оппозиции и могут мыслиться как сегменты ФСЗ наличия содержимого в объеме, то языковые средства (в силу симметрии языкового знака) частично пересекаются, то есть одни и те же средства могут использоваться для выражения семантики нескольких сегментов. Таким образом, каждый сегмент зоны имеет специфические и неспецифические языковые средства выражения.

Все множество простых предложений, информирующих о наличии содержимого в объеме, было разбито нами на подмножества. Основанием 1-го ранга разбиения явился признак полноты/неполноты занятости объема содержимым: 1.1. объем занят содержимым полностью или объем составлен совокупностью содержимого: *Весь этаж тетушкиного дома был занят рестораном* [Булгаков]; *Каждый том заключал в себе две части* [Пушкин]; 1.2. объем занят содержимым неполностью: *В комнате находились гости из Киева*. Основанием 2-го ранга разбиения явился признак степени занятости объема содержимым относительно принятой нормы: 1.1.1. полная степень занятости объема соответствует реальной норме: *В космическом корабле было два отсека*;

¹ Величко А.В., Туманова Ю.А., Чагина О.В. Простое предложение. Опыт семантического описания. М.: Изд-во МГУ, 1986. С. 80-114.

1.1.2. полная степень занятости объема соответствует потенциальной норме: *Стадион вмещает 12 тысяч зрителей. На стадионе помещается 12 тысяч зрителей.* Причем понятие нормы не являлось для нас однозначным. В случае полной занятости объема имеются в виду реальная и потенциально возможная нормы. А в случае неполноты занятости объема речь идет о субъективно принятой норме (разной для объемов разного типа), относительно которой устанавливалась высокая или низкая степень занятости того или иного объема; 1.2.1. степень занятости объема содержимым выше принятой нормы: *Река изобилует рыбой;* 1.2.2. степень занятости объема содержимым ниже принятой нормы: *В лесах Подмосковья теперь мало дичи.*

Предикаты типа *вмещать, помещаться, изобиловать, кишеть, мало, беден* являются специфическими для своих сегментов, каждый из них не может оформлять высказывание другого сегмента. Но есть предикаты, способные организовывать высказывания, принадлежащие разным сегментам, ср: *В молекулу воды входят два атома водорода и один атом кислорода; В ведро воды входит 10 л воды* [1.1.]; *В состав мочегонного чая входит солодовый корень* [1.2.]; *В минеральный состав рябины входит много ионов магния* [1.2.1.]; *В сухой пшеничный хлеб входит всего только 8% белка* [Верзилин] [1.2.2.].

Подобные факты позволили нам говорить о пересечении сегментов внутри ФСЗ наличия содержимого в объеме.

Предикаты, оформляющие высказывания ФСЗ наличия содержимого в объеме, весьма неоднородны по своему составу. Часть из них принадлежит ФСП бытийности: *быть, иметься, наличествовать, содержаться...*; часть относится к ФСП квантитативности: *полон, беден, богат, много, мало...*; а часть входит в состав элементов ФСП локативности: *находиться, располагаться, присутствовать...*

При изменении коммуникативного фокуса в приведенных выше примерах получают высказывания, которые уже не отражают семантики ФСЗ наличия содержимого в объеме и которые тяготеют к ядрам указанных выше полей, ср.: *В той траве лютый змей гнездится* [Пушкин] (бытийное предложение); *Алма-Ата расположена... в своеобразной природной котловине* [Петров] (локативное предложение); *Рыбы в Мсте бездна* [Тургенев] (квантитативное предложение).

Именно поэтому мы утверждаем, что зона наличия содержимого в объеме лежит на пересечении ФСП бытийности, локативности и квантитативности. А приведенные выше ненейтральные высказывания с коммуникативным фокусом на предикате наличия или на имени объема

образуют ближайшую периферию ФСЗ наличия содержимого в объеме, пересекающуюся с периферией указанных выше полей.

Кроме того, по нашему мнению, у избранной нами ФСЗ есть и глубокая периферия. Прежде чем обратиться к ее описанию, подчеркнем, что в приведенных выше примерах именами объема и содержимого выступали существительные, денотаты которых представляют собой полые объемы: *подвал, овраг, долина...*; объемы типа монолитного тела: *гора, печень, бревно, яблоко*; объемы-совокупности соположенных объектов: *водяной пар, пески, лес, город, кубик Рубика...* Таким образом, инвентарь актантной лексики ФСЗ наличия содержимого в объеме состоит из конкретных имен (личных, неличных или неодушевленных), вещественных и собирательных.

Но перечисленные выше предикаты могут выступать в окружении и событийных и признаковых имен, ср.:

<i>В исходном списке <u>преобладает</u> абстрактно-логическая лексика [Караулов].</i>	<i>В Пензе <u>преобладают</u> слухи о пребывании Голицына [Вяземский].</i>
<i>Кубок янтарный <u>Полон</u> давно <u>Пеной</u> угарной [Пушкин].</i>	<i>Ах, <u>вижу</u>, голова моя <u>полна</u> волнения <u>пустого</u> [Пушкин].</i>
<i><u>Внешняя синтаксическая форма складывается</u> из позиций именных членов [Алисова].</i>	<i><u>История с большой буквы...</u> <u>складывается</u> из историй с маленьких букв [Евтушенко].</i>

Примеры правого столбца представляют собой *контексты транспозиции* [Бондарко, 1983: 112]. Здесь среди абстрактной лексики актантов возможны (1) отвлеченные имена действия: *рев, визг, игра...*; (2) отвлеченные имена качества: *безысходность, нелепость, ученость, добродушие, правда...*; (3) отвлеченные имена событий: *момент, день, жизнь, судьба, история...*

Эти контексты мы относим к глубокой периферии ФСЗ наличия содержимого в объеме, потому что в таком окружении предикаты из функционально-семантического класса (ФСК) наличия десемантизируются, они перестают передавать длящуюся во времени связь между объемом и содержимым, они теряют дополнительные семы, осложнявшие их значение, и начинают выполнять роль *служебных связей при предикатных именах*, состоящих из абстрактных имен или десемантизированных конкретных имен. Такие предикаты выражают отношение наличия между реальным (или идеальным) предметом и его признаком, то есть высказывания, которые они организуют, сообщают о предмете и

его признаке и, следовательно, принадлежат ФСП квалитативности. Но так как эти высказывания оформлены по моделям ФСЗ наличия содержимого в объеме, то можно считать, что они принадлежат зоне пересечения периферий ФСП квалитативности и ФСЗ наличия.

Возможны четыре типа контекстов транспозиции: (1) квазиобъем назван конкретным, вещественным или собирательным существительным, обозначающим совокупность лиц, не-лиц, предметов и веществ, а квазисодержимое названо абстрактным именем, ср.: *В сем сердце билось вдохновенье, вражда, надежда и любовь* [Пушкин]; *... во мне словно бы пульсирует вся боль и надежда жизни* [Богат]; *Они [юноши] полны силы и молодости, полны надежд, любви и замыслов* [Нагибин]; (2) квазиобъем представлен абстрактным именем, а квазисодержимое названо конкретным, вещественным или собирательным существительным со значением совокупности лиц, не-лиц, предметов и веществ, ср.: *... тайный озноб обнимал Антипова* [Трифонов]; *... страх леденит сердце...* [Трифонов]; (3) квазиобъем и квазисодержимое названы абстрактными именами, ср.: *В этой мысли заключается какое-то глубочайшее неуважение к человеку* [Вересаев]; *Истинная любовь сама в себе включает непрерывный поток, расширяющийся по мере своего течения* [Блок]; *Достоверность может включать в себя невероятные нелепости* [Трифонов]; (4) и объем, и содержимое выражены конкретно-предметными или вещественными именами, но такими, денотаты которых в реальной действительности не могут соотноситься друг с другом в пространстве как объем и содержимое, ср.: *В нем соединился поэт и человек большого здравого смысла* [Суровин]; *Смайли ответила, что ее сердце занято другим* [Билль-Белоцерковский]. Для понимания смысла таких предложений важно учитывать лишь сигнификат имени содержимого.

Каждый из четырех типов контекстов содержит в себе серию возможных соотношений имен в высказываниях типа *конкретное одушевленное имя — отвлеченное имя действия; конкретное одушевленное неличное имя — отвлеченное имя качества; абстрактное имя продукта интеллектуальной деятельности — отвлеченное имя абстрактного понятия* и под.; каждое соотношение имен в высказываниях выражает содержательный вариант смысла. Содержательные варианты смыслов разных типов контекстов находятся между собой в отношениях “близости” или “отдаленности”. Группировки близких смыслов “очерчивают” сегменты внутри глубокой периферии ФСЗ наличия содержимого в объеме.

Каковы же они, эти глубоко периферийные сегменты ФСЗ наличия? Наш материал показывает, что их три и что они тоже пересекаются.

(1) Если в высказываниях один актант назван конкретным одушевленным личным существительным (или конкретным неодушевленным существительным, называющим неотторжимую функциональную часть живого организма), а другой актант именуется абстрактным существительным или конкретным, но во вторичной функции признакового или событийного имени, то высказывания выражают смыслы с общим значением 'наличие у лица специфических психофизических признаков или проявлений' (причем выражают их экспрессивно), ср.: *В его глазах блестит любовь* [Пушкин]; *Соня, кухня Ростовой, полна самоотвержения* [Вересаев].

(2) Если же один из актантов (квазиобъем) назван конкретным одушевленным неличным существительным или конкретным неодушевленным именем (в том числе именем со значением материально-идеального продукта интеллектуальной деятельности), а другой (квализоодержжимое) — абстрактным существительным со значением действия/состояния или качества, то высказывания выражают смыслы с общим значением 'наличие у идеальных (или реальных) объектов характеристик, приписанных им по принципу психологического параллелизма'², ср.: *Сей остальной из стаи славной Екатерининских орлов, В твоём гробу восторг живет* [Пушкин]; *Петербург полон вестями и толками о минувшем торжестве* [Пушкин]; *Стремится конь во весь опор, исполнен огненной отваги* [Пушкин].

(3) Если же оба актанта (квазиобъем и квализоодержжимое) названы абстрактными именами со значением действия/состояния/события или качества или же один из актантов назван именем со значением материально-идеального продукта интеллектуальной деятельности, а другой — именем со значением абстрактного понятия, то высказывания выражают смыслы с общим значением 'наличие у идеальных объектов структуры типа *часть — целое*', ср.: *Способы глагольного действия составляют периферию ФСК аспектуальности* [Слесарева]; *У него в голове установился свой фантастический мир, который составлял его наслаждение в эту минуту* [Толстой]; *В самой этой мысли содержалось что-то*

² Психологический параллелизм — понятие, заимствованное нами из фольклора. Там оно характеризует перенос эмоционального состояния лица на неодушевленный объект с последующим приписыванием ему определенных свойств и качеств, которыми он не обладает в реальной действительности.

опасное [Гинзбург]; *В записках заключалась полная история моей от-
чизны* [Пушкин].

Прежде чем описать характерные особенности каждого из сегментов, организуемых контекстами транспозиции, мы хотим показать здесь, какие предикаты из ФСК предикатов наличия используются для построения высказываний ФСЗ наличия содержимого в объеме, включая и ее ядерные, и ее периферийные сегменты.

ФСК предикатов наличия весьма неоднороден. Во-первых, он делится на два больших подкласса: (1) предикаты, называющие отношение наличия, направленное от понятия “содержимое” к понятию “объем”: *быть, иметься, много, полно, входить...*; *В здравницах Юрмалы ежегодно отдыхают/лечатся 30 тыс. человек*; и (2) предикаты, называющие отношение наличия, направленное от понятия “объем” к понятию “содержимое”: *содержать, набит, полон, вмещать...*; *Здравницы Юрмалы ежегодно принимают 30 тыс. человек*. Во-вторых, он составлен из предикатов разных лексико-семантических групп (ЛСГ).

Представим сначала ЛСГ предикатов 1-го подкласса³.

- 1.1.1. ЛСГ глаголов местонахождения: *помещаться₁, занимать...*; *В подвальном этаже помещалась столовая*;
ЛСГ партитивных глаголов: *составлять, образовывать [НСВ], объединяться...*; *Кубик Рубика составляют 64 разноцветных маленьких кубика*;
ЛСГ глаголов авторизации: *насчитываться...*; *В коллекции насчитывается 30 экспонатов*;
- 1.1.2. ЛСГ партитивных глаголов: *входить₁...*; *В граненый стакан входит 250 г воды*;
ЛСГ глаголов местонахождения: *вмещаться, уместиться, помещаться₂...*; *В гондолу дирижабля помещается 20 человек*;
- 1.2. ЛСГ чисто бытийных глаголов: *быть, существовать, иметься, наличествовать...*; *Во многих школах есть/существуют/имеются музеи боевой и трудовой славы*;
ЛСГ глаголов проявления жизнедеятельности: *жить_{1,2}, проживать, прожить, обитать, водиться, паразитировать, гнез-*

³ Слева в нашем перечне стоит код сегмента ФСЗ наличия содержимого в объеме, к которому принадлежат те или иные предикаты. Напомним номера и семантику сегментов: 1.1.1. объем реально занят полностью или совокупность содержимого образует объем; 1.1.2. объем потенциально занят полностью; 1.2. объем занят полностью; 1.2.1. объем занят содержимым выше нормы; 1.2.2. объем занят содержимым ниже нормы.

диться...; В Саянских горах обитает разновидность северных оленей [Акимов];

ЛСГ глаголов местонахождения: *находиться, присутствовать, пребывать, располагаться, помещен₃, расположен...; В каюте постоянно пребывали/находились/присутствовали посетители;*

ЛСГ партитивных глаголов: *содержаться, входить₂, включаться, заключаться, состоять (в чем), включен, заключен, растворен, заточен...; В икатулке заключались пожелтевшие письма;*

ЛСГ глаголов стательной ориентации в пространстве: *стоять, висеть, лежать, сидеть, торчать, возвышаться, вздыматься, выситься, валяться, тянуться, расстилаться...; В нише стояла мраморная статуя;*

ЛСГ глаголов динамического поведения содержимого: а) *шевелиться, колыхаться, извиваться, корчиться, трепетать, биться, kloкотать, пульсировать, кипеть, развеиваться, полоскаться, струиться, зыбиться, качаться, волноваться₁, дрожать, крутиться, барахтаться...; В зеленоватой воде качаются таинственные водоросли; б) бродить, витать, метаться, кататься, ходить, прыгать, носиться, бегать, плавать, царить, мелькать, плясать, прогуливаться, течь, переливаться, мчаться, нестись, тонуть, скакать...; В пустом графине металась муха; в) циркулировать, обращаться...; Под полом циркулирует теплая вода; г) клубиться, толпиться, пениться₁...; На елочных базарах клубился народ;*

ЛСГ глаголов способа объединения состава: *соединяться, спекаться, сбиваться, сходиться, сочетаться, сосредоточен, совмещен...; В этом слое воздуха сосредоточен весь водяной пар атмосферы;*

ЛСГ глаголов звучания: *журчать, чирикать, щебетать, куковать, мычать, звенеть, петь, выть, сипеть, топотать, гудеть, шуметь, скрести, верещать, грохотать, булькать...; В мокрых кустах верещат камышовки [Носов];*

ЛСГ глаголов цвета: *золотиться, серебриться, белеть, чернеть, сереть, голубеть, желтеть, синеть, зеленеть, темнеть, пестреть...; В прилегающих к небережной переулках сверкает, серебрится, шумит рыбный базар;*

- ЛСГ глаголов свечения: сиять, сверкать, поблескивать, светиться, блестеть, лосниться, светлеть, озаряться, пылать, рдеть, переливаться...; В вечернем небе сияла/сверкала/светилась/блестела яркая звезда;
- ЛСГ глаголов теплоотдачи: гореть, тлеть, пылать, теплиться...; В камине пылали дрова;
- ЛСГ глаголов, каузирующих наличие: а) прятаться, таиться, скрываться, храниться, сохраняться, держаться...; В бане прятался/таился/скрывался дезертир; б) отдыхать, купаться, мыться, заниматься, греться, дремать, лечиться, пировать, ночевать, спать, гостить, тренироваться, ржаветь...; У нас в доме гостил мещанин-богомол [Салтыков-Щедрин]; в) расти, зреть, колоситься, созреть...; В Траве цвели фиалки, росли сыроежки и грузди [Тургенев]; г) печь, вариться, сушиться, жариться, греться...; На чердаке сушится белье; д) настись, кормиться...; В овраге паслись коровы;
- ЛСГ глаголов авторизации: найден, обнаруживаться, встречаться, наблюдаться, виднеться, красоваться, выдаваться, выделяться, вырисовываться, быть видным, выглядеть, открываться, угадываться...; В переулках слышались патефоны, гитары [Кочетов];
- 1.2.1. ЛСГ партитивных глаголов: наполнять, переполнять, заполнять...; Всю посуду в доме постоянно наполняли разные ягоды;
- ЛСГ партитивных наречий: полно, много...; В лесу полно малины;
- ЛСГ глаголов динамического поведения содержимого: кишеть₁, роиться, тесниться₂...; В лесах кишат змеи [Гончаров];
- ЛСГ партитивных существительных: бездна, пропасть, тьма, обилие, масса, куча, гряда...; Бабочек в лесах была бездна;
- ЛСГ партитивных фразеологизмов: яблоку негде упасть, хоть пруд пруди, шагу негде ступить, непочатый край, куры не клюют, пушкой не прошибешь...; Народу на вокзале — шагу негде ступить;
- 1.2.2. ЛСГ партитивных наречий: мало, немного...; Молельщиков в церкви было немного [Гоголь];

ЛСГ глаголов местонахождения: *гнездиться*₂, *тесниться*₃, *ютиться*₂... ; *В горах... ютилось имение барина Сутягина* [Гоголь];

ЛСГ партитивных существительных: *ни грамма, горстка...*; *Коммунистов в кавалерийском полку была горстка*;

ЛСГ партитивных фразеологизмов: *кот заплакал, с гулькин нос, по пальцам сосчитать, раз-два и обчелся...*; *Молока в горшке — кот заплакал*;

ЛСГ предикатов 2-го подкласса.

1.1.1. ЛСГ глаголов местонахождения: *занят...*; *Часть сада занята фруктовыми деревьями*;

1.1.2. ЛСГ глаголов местонахождения: *вмещать, принимать...*; *Бидон вмещает 10 л воды*;

ЛСГ глаголов авторизации: *рассчитан...*; *Стадион рассчитан на 10000 человек*;

1.1.1. ЛСГ партитивных глаголов: *объединять, охватывать, образовываться [НСВ], исчерпываться, формироваться, строиться, складываться, составляться...*; *Домашняя библиотека, как правило, исчерпывается тремя десятками книг* [Изюмов];

1.1.2. ЛСГ глаголов авторизации: *насчитывать, разбиваться, распадаться, делиться, члениться...*; *Помещение космического корабля делится на два отсека: бытовой и научный*;

1.2. ЛСГ партитивных глаголов: *иметь (в себе), располагать, заключать, содержать, носить (в себе), включать...*; *Наша область имеет богатейшие залежи торфа* [Можаев];

ЛСГ глаголов способа объединения состава: *сочетать, совмещать, пронизан, соткан...*; *Солуэт этого сказочного города соткан из бесчисленных башен*;

ЛСГ глаголов свечения: *сиять (чем), сверкать (чем), светиться (чем), блестеть (чем)...*; *Пномпень по-прежнему блестит золотом королевских пагод, монументами и дворцами* [Проханов];

ЛСГ глаголов, каузирующих наличие: *хранить, таить, скрывать, держать, нести (в себе), сохранять...*; *Дворец Бахчисарая скрывает юную княжну* [Пушкин];

- 1.2.1. ЛСГ партитивных глаголов: *изобиловать, наполнен, заполнен, переполнен, запружен, насыщен, пропитан, напоен, залит, набит, перегружен, заложен, завален, установлен...*; *Кулисы были забиты артистами и рабочими сцены* [Булгаков]; ЛСГ партитивных прилагательных: *полон, обилен, богат...*; *Твой кубок полон не вином, но упоительной отравой* [Пушкин]; ЛСГ глаголов динамического поведения: *кишесть₂, сочиться...*; *Фанза кишела блохами* [Фадеев];
- 1.2.2. ЛСГ партитивных прилагательных: *беден...*; *Ягоды черемухи бедны витаминами.*

А теперь вернемся к описанию глубокой периферии ФСЗ наличия содержания в объеме. Напомним, что она представлена контекстами транспозиции, где указанные выше глаголы из ФСК предикатов наличия находятся в окружении абстрактной лексики. Как было сказано выше, глубокая периферия состоит из 3-х пересекающихся сегментов. Остановимся на особенностях каждого из них.

Первый сегмент с общим значением *наличия у лица специфических психофизических проявлений* составлен из таких контекстов транспозиции, которые позволяют языковому сознанию представлять эмоциональные состояния, качества и различные психофизические проявления в виде квазисодержимого, помещенного внутрь лица, как в некий объем, ср.: *В людях все время происходит отчаянная лихорадочная борьба судорожно-напряженной воли и внутреннего бессилия* [Вересаев]; *Колосин занят был или делал вид, что занят, глубокими соображениями* [Златорев]; *Мы едва хранили разрывавший нас смех* [Лесков]; или: *Знал я юношу: в нем сочетались дарованья, ученость, ум* [Некрасов]; *В тебе много детского* [Трифонов]; *Администратор был возбужден и полон энергии* [Булгаков]; или: *В голове бродят еще поэмы, но теперь, ничего не пишу* [Блок]; *В одно время в его [гимназиста] мозгу живут кусочки разных предметов* [Писарев].

К особенностям высказываний подобного рода относятся следующие языковые явления: (1) номинация лица через название функциональной части его организма, ср.: *В русском сердце всегда обитает прекрасное чувство взять сторону угнетенного* [Гоголь]; (2) двойная номинация лица, причем разная при предикатах разных ФС подклассов: а) при предикатах, выражающих отношение наличия, направленное от понятия “содержимое” к понятию “объем”, локативная форма имени части живого организма сочетается с посессивной формой имени лица,

ср.: *В голове у Ионы... мысли прыгали бестолково* [Булгаков]; б) при предикатах, выражающих противоположное направление отношение наличия (от объема к содержимому), имя части живого организма имеет форму именительного падежа, а имя лица выступает в локативной форме *в/на + Пр.п.*, ср.: *Сердце в нем черно, как ад, и полно мерзостью* [Пушкин]; (3) помимо предикатов из ФСК предикатов наличия, которые выступают в контекстах транспозиции в десемантизированном виде, в описываемых высказываниях употребляются специфические предикаты, сочетающиеся с именами определенных психических действий, событий и качеств: *твориться, происходить, царить, царствовать, преобладать, господствовать, исполнен, преисполнен, соткан*, ср.: *И царствует в душе какой-то холод тайный* [Лермонтов]; *Ее умом теперь Жуан владеет, в ее душе лишь он один царит* [А. Толстой]; *Душа Натальи была преисполнена отчаяния, стыда и унижения...* [А. Толстой]; (4) конкретно-предметные имена и имена собственные, которые входят в состав предикатов, утрачивают свое денотативное значение, но сохраняют свой сигнификат, указывающий на признак, ср.: *Есть в мире сердце, где живу я* [Пушкин] (где “я” — в смысле “память обо мне”, то есть “где помнят обо мне”, “помнящее обо мне сердце”); или: *В каждом из нас где-то есть и Настасья Филипповна, и Рогожин, и Смердяков, и Раскольников, и капитан Лебядкин, и Ставрогин, и Петенька Верховенский, и Мышкин... Вопрос только в том, кого из них в нас больше* [Евтушенко] (здесь имена героев Достоевского ассоциируются с характерными для каждого из них чертами). Показателем того, что конкретно-предметное существительное утратило свои идентифицирующие способности и выступает в функции предикатного знака, служат определения двух видов: (а) согласованное определение типа *молодая кровь, молодое сердце, твердое сердце, волчиное сердце* и (б) несогласованное определение в форме родительного падежа отвлеченного существительного, ср.: *черви тоски, мышка мудрости (Крохотная полоумная мышка мудрости носилась в моем мозгу* [Брэбери]).

К данному сегменту принадлежат и контексты другого типа, которые создают, моделируют противоположное представление, где лицо мыслится как некое содержимое, помещенное в квазиобъем эмоционального поля или в поток психофизического процесса, или где лицо творца “просвечивает” в продукте его труда, ср.: *Слова твоей любви так искренно полны твоей душой* [Пушкин]; *Страх охватывает и леденит сердце* [Трифонов]; *Котов весь был опутан какими-то делами, заботами, обязательствами* [Трифонов]; *Чарский был погружен в сладостное*

забвение [Пушкин]; *В мирной повседневной жизни Долохов задыхается* [Вересаев]; *Мы заточены в сегодняшнем дне* [ЛГ, 1982, № 27]; *Летающие любовники Шагала — это мы все, кто плавает в синем небе судьбы* [Трифонов]; *Она, эта рукопись, еще таила. казалось, тепло моих рук* [Бахметьев].

Возможность построения одинаковых по смыслу высказываний, но с разным позиционным соотношением имен (*Страх леденит сердце* и *В сердце живет страх*), демонстрирует высшую степень десемантизации понятий объема и содержимого, поскольку, представим ли мы определенное качество в виде “объема” или в виде “содержимого”, смысл высказываний при перекодировке в целом не меняется.

Второй сегмент глубокой периферии ФСЗ наличия содержимого в объеме составлен из контекстов транспозиции, где отвлеченное имя называет квазисодержимое, а неодушевленное имя выступает в качестве названия объема, ср.: *... ярко светится окошко, И в шалаше и крик, и шум* [Пушкин], *... в метели — глушь, дичь, а в избе — уют, покой* [Бунин]; *В нем, дереве... есть что-то от человека — гордое достоинство, живая одухотворенность* [Еремеев].

Эти высказывания демонстрируют метонимический перенос признака по смежности: впечатления лица от созерцания определенного объема абстрагированы от него и приписаны самому объему в качестве его собственных проявлений, например, метонимическое высказывание *В твоём грабу восторг живет* должно быть интерпретировано как: гроб с телом Кутузова вызывает в авторе высказывания воспоминания о славной победе русского оружия в войне 1812 года; победа эта связана с мудростью главнокомандующего армии — Кутузова, поэтому имя этого человека на надгробном памятнике вызывает восторг поэта.

Наивысшего проявления *принцип психологического параллелизма* достигает в высказываниях, коммуникативный фокус которых падает на квазиобъем, выраженный отвлеченным именем качества, ср.: *... смысл жизни заключается в добре* [Вересаев]. Данная коммуникативная форма перестраивает субъектно-предикатные отношения характеристики в отношения идентификации, ср.: *Добро — вот смысл жизни*. В таких высказываниях “ставится знак равенства” между идеальным объектом и субъектно-приписанным ему признаком. По подобным контекстам проходит граница сегмента.

Хотя данный сегмент пересекается с ФСП качественности, все-таки его высказывания имеют семантические отличия от ядерных высказываний ФСП качественности, ср.:

Жизнь ужасна и *Жизнь полна ужасов*
Жизнь трагична и *В жизни существует трагизм.*

Высказывания правого столбца прочитываются иначе, чем высказывания левого: среди моментов, из которых складывается жизнь, есть трагические и много ужасных.

Третий сегмент со значением *наличия у идеальных объектов структуры, представляющей собой проекцию отношения “часть — целое”*, состоит из контекстов, где имя абстрактного понятия называет квазисодержимое, а отвлеченное имя действия именуется квазиобъемом, ср.: *Воспитание складывается из двух моментов: есть воспитание умственное и воспитание нравственное* [Чернышевский]; *Понятие сознательного обучения включает в себя такие психические моменты, как цель и мотивированность.*

Подобные контексты сообщают о дискретности непрерывного действия, о наличии в нем этапов, стадий, фаз и т. п. Если же квазиобъем выражен именем с событийной семантикой, то в высказываниях сообщается о дискретности, о возможности выделения в крупном событии более мелких, чем собственно и характеризуется событие, ср.: *В жизни самого Раскольникова было мгновение, когда ему вдруг почудился вокруг этот вольный воздух* [Вересаев]; *Как в прошедшем грядущее зреет, Так в грядущем прошлое тлеет* [Ахматова]; *Сутки ее складывались из трех неравных частей: 10 часов работы на заводе, неограниченное количество часов на домашние дела и очень небольшое количество часов на отдых* [Емельянов].

Данный контекст транспозиции допускает модификацию, а именно: введение “условного субъекта” [Арутюнова, 1976: 26]. “Условный субъект” может выступать не только в форме *в/на + Пр.п* как в бытийных предложениях (*В Афинах снег; На дворе весна*), но и в форме *Им.п.* в субъектно-предикатных предложениях (*Отечество мое изобилует праздничными днями*). “Условным” субъект называется потому, что подлинным субъектом, которому приписывается событийный признак, является отрезок времени, сезон, год и под., то есть высказывания должны прочитываться как: В это время года (в Афинах) зима (снег); Тот отрезок времени, в котором мы находимся, есть весна; Год в жизни моего Отечества изобилует праздничными днями.

Структура “часть — целое” особенно легко проецируется на контексты, где квазиобъем представляет собой материально-идеальный продукт интеллектуальной деятельности лица (слово, письмо, строки письма, записки, работа (=письменное сочинение), глагол, предложение,

понятия...), а квазисодержимое является абстрактным понятием, ср.: *Ужасный смысл таится в этом слове* [Островский]; *В глаголе “добиваться” выделяется компонент ‘стремление’* [Слесарева]; *В таких предложениях присутствует как бы семантически удвоенная рема* [Арутюнова]; *В понятии “прекрасное” объединяются понятия “красота” и “польза”*; *Слово... содержит в свернутом виде целый набор сем* [Слесарева]. В подобных высказываниях, помимо предикатов из десемантизированного ФСК показателей наличия содержимого в объеме употребляются специфические предикаты, типа *выделяться, превалировать, доминировать, фигурировать*.

Описанные выше три сегмента глубокой периферии ФСЗ наличия содержимого в объеме не просто граничат друг с другом, но пересекаются между собой так же, как сама глубокая периферия пересекается с периферией ФСП квалитативности.

Доказательства этому мы видим в следующем.

Среди контекстов 1-го сегмента есть такие, где оба компонента синтаксической структуры выражены отвлеченными именами качества, ср.: *Много скрыто свирепой грубости в утонченной образованной светскости* [Гоголь]; *Достоверность включает в себя невероятные нелепости* [Трифонов]. С одной стороны, данные высказывания сообщают о конкретных чертах поведения человека, причем в них уточняются нюансы, оттенки основного качества, а с другой стороны, определенные качества представлены в отрыве от их носителя-человека, они как бы существуют сами по себе; их сравнение между собой базируется на понятиях “часть — целое”, выработанных для характеристики материальных объектов и перенесенных затем в область идеальных объектов, то есть, можно сказать, что высказывания сообщают о вхождении одного качественного признака в состав другого. Отсюда делаем вывод, что контекст транспозиции данного типа лежит на пересечении двух сегментов: 1-го (со значением наличия у лица определенных психофизических проявлений) и 3-го (со значением наличия у идеальных объектов структуры, представляющей собой проекцию отношения “часть — целое”).

Среди контрастирующих контекстов 1-го сегмента есть и такие, где квазиобъем выражен именем со значением продукта интеллектуальной деятельности. Эти контексты лежат на пересечении со 2-м сегментом — со значением наличия у объекта характеристик, приписанных ему по принципу психологического параллелизма, потому что, с одной стороны, в них идет речь о характеристике творческих способностей человека-творца, а с другой стороны, в них можно видеть характеристику самого продукта (вне связи с творцом), данную ему по принципу

психологического параллелизма, ср.: *В книге много прекраснейших мыслей и планов* [Есенин]; *В этой идее... как будто заключалась чуть ли не победа* [Вересаев]; *В его речах — такая нега* [Пушкин]; *Он [язык горюхинский] исполнен сокращениями и усечениями* [Пушкин]; или: *В стихах самого Гумилева было что-то холодное и иностранное* [Блок]; *Музыка Шостаковича сохраняет глубокую отзывчивость* [Кочетов]; *Стихи полны любовной чепухи* [Пушкин]; *В ее словах был металлический привкус* [Трифонов]; *В этих циничных словах была и доля правды* [Вересаев].

Итак, мы описали контрастирующие контексты, которые, опираясь на синтаксическое оформление семантической структуры 'объем — отношение наличия — содержимое', соотносят признак и его носителя, причем метафора заходит так далеко, что для языкового выражения становится безразличным, что именно оформляется как объем: носитель или признак. Метафоричность высказываний предопределяет частотность их функционирования в поэтической художественной речи. Семантически эти высказывания принадлежат периферии ФСП качественности, а по своему синтаксическому оформлению, организованному предикатами наличия, они относятся к периферии ФСЗ наличия содержимого в объеме.

Представленный в статье материал позволяет утверждать, что классификация типа поля дает возможность наиболее адекватно отразить системную организацию средств языка. Ее достоинствами являются гибкость и учет переходных явлений.

Система типа поля не навязывается языку, а следует внутренней логике организации самой языковой системы.

Л и т е р а т у р а

1. *Белошапкина В.А., Володина Г.И.* О принципах описания простого предложения в целях преподавания русского языка как неродного // *Русский язык за рубежом*. 1980. № 5. С. 54-59.
2. *Белошапкина В.А.* О понятии синтаксической производности // *Русский язык за рубежом*. 1983. № 6. С. 49-52.
3. *Бондарко А.В.* К проблематике функционально-семантических категорий (глагольный вид и "аспектуальность" в русском языке // *Вопросы языкознания*. 1967, № 2. С. 18-31.
4. *Бондарко А.В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л.: Наука, 1983. 203 с.
5. *Бондарко А.В.* Функциональная грамматика. Л.: Наука, 1984. 136 с.
6. *Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю.* Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М.: Русский язык, 1982. 262 с.
7. *Всеволодова М.В.* Категория именной темпоральности и закономерности ее речевой реализации. Дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1983. 458 с.
8. *Всеволодова М.В.* Лингвистические проблемы семантизации грамматики // *Русский язык за рубежом*. 1984. № 6. С. 61-67.

9. *Ломтев Т.П.* Вопросы выбора глаголов при синтезировании предложения на неродном языке // *Общее и русское языкознание: Избранные работы.* М.: Наука, 1976. С. 63-72.

Разрешение как побудительный речевой акт

© кандидат филологических наук А. И. Изотов, 1998

А. Вежбицка предлагает следующую экспликацию семантической структуры *разрешения*:

«Я позволяю¹ тебе сделать Z =
Предполагая, что ты не можешь сделать то,
что я не хочу, чтобы ты делал,
не желая побуждать тебя не делать Z,
я говорю: я не говорю: я не хочу, чтобы ты делал Z» [Wierzbicka 1972], цит. по [Вежбицка 1985: 263].

Авторы [Můvnické češtiny 1987: 346] относят к релевантным интерактивным условиям *разрешения* следующее: (1) адресат заинтересован в реализации / нереализации определенной деятельности; (2) для реализации / нереализации этой деятельности существуют некие препятствия или ограничения; (3) говорящий компетентен ликвидировать эти препятствия или ограничения; (4) просьба об этом была высказана либо ожидается. В последнем случае речь идет о своего рода «упреждающем» разрешении, когда говорящий как бы предваряет возможную просьбу адресата, очевидную из контекста².

¹ Мы полагаем, что в русском языковом сознании различия между *разрешением* и *позволением* прежде всего стилистические (*позволение* воспринимается либо как более официальное, либо как устаревающее). С этим, видимо, связаны и некоторые различия в узусе глаголов *позволить / позволять* и *разрешить / разрешать*: в то время как *Разрешите!* — прежде всего запрос разрешения, *Позвольте!* — прежде всего выражение несогласия с существующей ситуацией (хотя возможен и запрос разрешения), ср.: *Разрешите / Позвольте* [пройти]!; *Позвольте*, это мой [бульонный кубик]! (реплика из телерекламы). Устаревшим синонимом *позволения* является *дозволение*, ср.: Не гневайтесь, сударь: по долгу моему Я должен сей же час отправить вас в тюрьму. — Извольте, я готов; но я в такой надежде, Что дело объяснить *дозволите* мне прежде (Княжнин; эпиграф к XIII главе «Капитанской дочки» А. С. Пушкина); У вас причины есть хвалить их от души, Но я прошу у вас о малом снисхожденье: *Дозволите* при своем остаться мне сужденье. (Мольер, перевод Т. Щепкиной-Куперник).

² Аналогично описывается нормативно-игровая ситуация *разрешения* и ответственными исследователями, ср.: «...инициатива на осуществление действия принадлежит слушающему: он желает осуществить действие, но не имеет достаточно полномочий, говорящий в данном случае имеет статус “инстанции, обладающей полномочиями”. Исходя из собственной оценки ситуации или в ответ на запрос слушающего, говорящий

Особый по сравнению с прочими основными побудительными интерпретациями статус разрешения интуитивно очевиден. Весьма показательно то, что эта интерпретация называется исследователями в целом так же часто, как и игнорируется, ср. обзор выделяемых в русистике подтипов побуждения в [Храковский, Володин 1986: 133-134]. Также весьма показательно то обстоятельство, что один из ведущих современных чешских синтаксистов М. Грелл, рассматривавший разрешение (*dovolení*) в [GrepI, Karlík 1986: 76] и [Mluvnice češtiny 1987: 346] в разделе «Высказывания с коммуникативной функцией побуждения» [соответственно *Výpovědi s komunikativní funkcí výzvy / Výpovědi s komunikativní funkcí žádací (výzovou)*], в [Příruční... 1996: 615] уже настаивает, что высказывания типа *Na ten kurs (tedy) nejezděte* [‘Не посещайте (= можете не посещать) этот курс’]; *Přijímejte (tedy) návštěvu na rokoji* [‘Приглашайте (= можете приглашать) гостей’]; *No tak tedy přijímejte...*; *Tak dobrá, přijímejte (tedy)...* [‘Ладно //, приглашайте (= можете приглашать) гостей...’]; *Klidně si zapalte* [‘Спокойно закуривайте’]; *Jen si posad'te* [‘Садитесь, садитесь’]; *Samozřejmě si zatelefonojte* [‘Конечно, звоните’]; *Tak tedy běžte* [‘Бегите, бегите’]; *Tak se tedy ještě chvíli dívej (na televizi)* [‘Смотри уж еще минутку (телевизор)’] не являются побудительными, и относит их к пермиссивам и концессивам, объединяя выражающие разрешение (*dovolení*) высказывания с высказываниями, выражающими согласие (*souhlas*), несогласие (*nesouhlas*), отказ (*odmítnutí*), возражение (*námítka, ohrazení*), протест (*protest*), поддакивание (*přítakání*)³. Подобные колебания исследователей относительно статуса разрешения имеют под собой достаточные основания. С одной стороны, семантическая соотносимость разрешения с запретом и приказом не вызывает сомнений, равно как и регулярность выражения разрешения с помощью императивных конструкций — грамматического средства, специфицированного в обоих сопоставляемых языках (как, впрочем, и не только в них) именно для выражения побуждения. С другой стороны, так же очевидна семантическая соотносимость разрешения с согласием⁴, при выражении которого и в русском, и в чешском языках

дает разрешающую или запрещающую санкцию. При этом волеизъявление касается не самого действия, а права на его осуществление» [Ласка, Новицкая 1988: 70].

³ В [GrepI, Karlík 1986: 76] и [Mluvnice češtiny 1987: 346] группа «согласие, несогласие...», не включающая «разрешение», противопоставлялась «побудительной» группе, включающей «разрешение».

⁴ Имеется в виду «согласие как реакция на побуждение». Разграничение *согласия*₁ (согласие с мнением) и *согласия*₂ (согласие с побуждением) см., например, в [Галактионова 1988: 145-168].

характерны именно неимперативные средства (например, русск. *Ладно; Хорошо* и чешск. *Souhlasím; No dobře (tak); Klidně; Beze všeho*) и которое традиционно исключается из числа побудительных высказываний, ср., например [Прокопчик 1955].

Серьезным аргументом против включения речевого акта *разрешения* в число директивных речевых актов является то обстоятельство, что его не всегда можно рассматривать в качестве самостоятельного — обычно ему предшествует речевой акт запроса разрешения, ср. [Бирюлин 1992: 22-23], [Хоанг Ань 1993: 5-8], тогда как в случае с прочими директивами (особняком стоят *совет* и *запрещение*⁵) речь идет об инициативных речевых актах⁶.

Немаловажным является и то обстоятельство, что речевой акт разрешения, как мы полагаем, не содержит, в отличие от большинства директивных речевых актов, семы *необходимости* каузируемого действия. Иначе говоря, формула побудительного речевого акта⁷ в случае с *разрешением* принимает следующий вид:

Говорящий сообщает Слушающему о возможности осуществления Агенсом некоторого действия и пытается каузировать осуществление

⁵ Совет и запрещение регулярно реализуются как в инициативных, так и в реактивных речевых актах. При этом «если совет дается по инициативе говорящего, то он может вызвать негативную реакцию исполнителя, поскольку люди в принципе не любят “непрошенные советы”: *Одна девушка встала и принесла веревку. А парень принес стремянку и поставил ее под крюк, на котором висела люстра. — Люстру сними пока, посоветовали. — Сам снимай! — огрызнулся парень* (В. Шукшин)» [Теория... 1990: 205-206]. Что же касается *запрещения*, то его инициативность / реактивность может быть обусловлена, на наш взгляд, тем, отрицательным коррелятом какого речевого акта (*приказа* или *разрешения*) оно в конкретный момент выступает: «отрицательный приказ» — инициативный речевой акт, «отрицательное разрешение» — реактивный.

⁶ Видимо, именно это обстоятельство явилось решающим для М. Грелла, перерабатывающего раздел о коммуникативных функциях для [Příruční... 1996], так как перегруппировке подверглись и другие параграфы: инициативные речевые акты объединились с инициативными, а реактивные — с реактивными.

⁷ Мы рассматриваем в качестве *побудительных* высказывания, в которых Говорящий сообщает Слушающему о *необходимости* и / или *возможности* осуществления Агенсом некоторого действия и пытается каузировать осуществление данного действия самим фактом своего сообщения, при этом *необходимость* и / или *возможность* осуществления Агенсом данного действия может обуславливаться *волеизъявлением* одного из участников плана коммуникации и / или его *интересами*. Естественно, что ‘воздержание от действия’ также является своего рода ‘действием’; равно как ‘сообщение о необходимости’ или ‘сообщение о возможности’ может значить не только ‘необходимость’ или ‘возможность’, но и ‘отсутствие необходимости’ или ‘отсутствие возможности’. Обоснование данной формулы см. в [Сопоставительные... 1998: 174-177].

данного действия самим фактом своего сообщения, при этом возможность осуществления Агенсом данного действия обуславливается волеизъявлением Прескриптора.

Что же касается речевых актов типа *согласие, несогласие, возражение...*, то мы склонны рассматривать их в качестве побудительных (лежащих на периферии поля побудительности) в той степени, в какой они способны (хотя бы чисто теоретически) соответствовать названной формуле. Например: *Ладно!* = 'Я, Говорящий, сообщаю тебе, Слышающему, что Агенс вправе осуществить действие, очевидное из контекста, и что я пытаюсь каузировать осуществление этого действия самим фактом своего сообщения, при этом Агенс приобретает право осуществить данное действие в результате моего волеизъявления'.

Л и т е р а т у р а

- Бирюлин Л. А.* Теоретические аспекты семантико-прагматического описания императивных высказываний в русском языке: Автореф. ... д-ра филол. наук. СПб., 1992. 41 с.
- Вежбицка А.* Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16. С. 251-275.
- Галактионова И. В.* Средства выражения согласия // Идеографические аспекты русской грамматики. М., 1988. С. 145-168.
- Ласка И. В., Новицкая В. В.* О функционально-коммуникативной семантике императивных высказываний // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». Л., 1988. С. 69-71.
- Прокопчик А. В.* Структура и значение побудительных предложений в современном русском языке: Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1955. 16 с.
- Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков / Под ред. *А. Г. Широковой*. М., 1998. 326 с. [авторы I-IV частей монографии соответственно: *Широкова А. Г., Васильева В. Ф., Изотов А. И., Ананьева Н. Е.*]
- Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л., 1990. 264 с.
- Хоанг Ань.* Высказывания со значением разрешения и запрещения в русском языке: Автореф. дисс... канд. филол. наук. М., 1993. 20 с.
- Храковский В. С., Володин А. П.* Семантика и типология императива: Русский императив. Л., 1986. 270 с.
- Grepl M., Karlík P.* Skladba spisovné češtiny. Praha, 1986. 474 s.
- Mluvnice češtiny. Praha, 1987. D. III. 748 s.
- Příruční mluvnice češtiny. Brno, 1996. 800 s.

Гипотетическая модель просодии регистра научной речи

© доктор филологических наук М. В. Давыдов,
кандидат филологических наук Е. В. Яковлева, 1998

Прежде чем обратиться к анализу речи конкретных английских лекторов с точки зрения соотношения внешних и внутренних просодических образов, представляется целесообразным обобщить уже имеющиеся в лингвистической литературе наблюдения относительно специфики научного стиля в противопоставлении остальным стилям. Следует подчеркнуть, что в данной статье для нас в первую очередь важны работы, не вообще освещающие тот или иной аспект интересующей нас многогранной проблемы (таких работ достаточно много(1)), а работы обобщающего характера, которые хотя бы и с использованием терминологически иных подходов давали бы достаточно полное представление об интересующих нас вопросах.

Казалось бы, что многолетние исследования научного стиля, лежащего в основе изучения английского языка на филологическом факультете МГУ, выполненные и выполняемые до сих пор учеными кафедры английского языкознания, уже дают достаточно полное представление о письменной форме, а в целом ряде случаев и устной форме этой разновидности английской речи, и мы могли бы подвергнуть обобщению именно этот материал. Однако, во-первых, обобщающих работ именно в интересующем нас плане, как оказалось, практически нет и по этой причине наше собственное исследование абсолютно необходимо (хотя, конечно, все уже имеющиеся частные наблюдения, разумеется, нами уточнены и включены в соответствующую часть исследования) и во-вторых, нам показалось интересным и даже необходимым познакомиться с взглядами других школ и направлений в нашей стране, с которыми нас в целом объединяет общность методологических позиций.

Следует сразу признать, что работ, которые бы представляли бы для нас значительный интерес в плане *полноты* освещения интересующих нас вопросов, не так уж много.

Вот почему в качестве основного материала в данной статье для предварительного обсуждения специфики английской научной речи с точки зрения соотношения в ней внешних и внутренних образов была

взята книга Н.М. Разинкиной “Стилистика английской научной речи”, где основное внимание уделяется именно проблеме “элементов эмоционально-субъективной оценки” на фоне обще-рационального (научного) мышления, для которого, по мнению большинства исследователей, характерна нейтральность просодического выражения (2).

Книга Н.М. Разинкиной была опубликована более, чем двадцать лет назад, но это ни в коей мере не умаляет ее достоинств: во-первых, здесь собраны с максимальной полнотой высказывания русских и зарубежных лингвистов о соотношении логического и эмотивного в научном языке и, руководствуясь принципом, что “новое — это хорошо забытое старое”, мы совершенно сознательно считаем возможным опереться на уже имеющийся багаж соответствующих фактов и теоретических предположений по поставленной проблеме. И во-вторых, поскольку Н.М. Разинкина исследовала стиль естественно-научных статей, публиковавшихся в журнале “Nature”, мы сочли небезынтересным ознакомиться с этим материалом, который занимает *промежуточное* положение между теми разновидностями научного стиля, где интеллективная функция выражена наиболее прямолинейно и всеобъемлюще (как, например, в текстах по математике) и научными работами по филологии, которые, предположительно, если исходить из предмета изучения, должны ближе стоять к собственно художественной литературе.

Несмотря на то, что о выделении единого стиля общенаучного языка говорилось еще в работе Л. Ольшки, опубликованной в 30-х годах текущего столетия (3), а у создателя теории функциональных стилей академика В.В. Виноградова научный стиль выделяется в отдельный функциональный стиль, поскольку основной функцией здесь является функция *сообщения*, в работе “Функциональный стиль общенаучного языка и методы его исследования” под редакцией О.С. Ахмановой и М.М. Глушко совершенно справедливо подчеркивается, что “не всегда и не в достаточной степени учитывается *неоднородность общенаучного текста* (с.8, курсив – наш)”. На одном полюсе, как об этом пишет П.Н. Денисов, находятся языки математики и логики, которые пронизывают все науку в целом. Соотношение искусственных элементов и “рассказа” на естественном языке оказывается определяющим для разновидностей языка науки вообще.

Действительно, если мы обратимся к отрывку из книги Норберта Виннера “Cybernetics of Control and Communication in the Animal and the Machine.”(New York – London, 1961), который приводится в книге

И.В. Арнольд (4) в качестве образца научного текста, то мы убедимся, что он крайне беден с точки зрения интересующей нас образности:

“Today we are coming to realise that the body is very far from a conservative system, and that its component parts work in an environment where their available power is much more limited than we have taken it to be. The electronic tube has shown to us that a system with an outside source of energy, almost all of which is wasted, may be a very effective agency for performing desired operations, especially if it is worked at a low energy level. We are beginning to see that such important elements as the neurons, the atoms of the nervous complex of our body, do their work under much the same conditions as vacuum tubes, with their relatively small power supplied from the outside by the circulation, and that the book-keeping which is most essential to describe their function is not one of energy. In short, the newer study of automata, whether in the metal or in the flesh, is a branch of communication engineering, and its cardinal notions are those of message, amount of disturbance or “noise” – a term taken over from the telephone engineer – quantity of information, coding technique, and so on.”

Вместе с тем нельзя не согласиться с И.В.Арнольд, что в принципе “неповторимая индивидуальность большого ученого неизбежно скажется на языке, уменьшая стереотипность, приближая текст у художественному.”

Но эта интересная мысль, высказываемая И.В.Арнольд не получает развития далее в ее книге, поскольку главной ее целью было показать с помощью приведенного отрывка реализацию функции сообщения (с этим она отлично справилась), основное же внимание она уделяет художественной литературе .

В книге О.С. Ахмановой и М.М. Глушко подчеркивается, что проблема соотношения “логики и чувств” в научном стиле является одной из наиболее спорных (с.14). Так, например, Р.А. Будагов считает, что трудности, возникающие при использовании разнообразных стилистических средств, “присущи не самому научному стилю, а людям, не умеющим ясно и просто излагать свои мысли.” Однако имеется и другое мнение, согласно которому научная проза не должна быть эмоционально окрашенной, не должна пользоваться чисто литературными приемами, автор должен сдерживать свои чувства (Ibid., с.14). Понятно, что если Н.М. Разинкина в качестве предмета своего исследования избирает такую довольно “скользкую” тему, то она прекрасно осознает, что важность соответствующих элементов в научной речи достаточно велика, что без изучения роли этих элементов любое сообщение на языке науч-

ной прозы будет в той или иной степени ущербным и, во-вторых, она пытается (насколько это возможно на соответствующем этапе развития науки) разобраться в тех сложностях, которые возникают на пути исследования данной проблематики.

Сразу оговоримся, что хотя автор формально и дает себе отчет в том, что просодия играет важную роль при обсуждении любых проблем эмоционально-оценочных элементов речи (приводятся цитаты из наиболее авторитетных источников), выполненный автором весьма подробный анализ и сделанные выводы основаны фактически целиком на письменной речи, не упоминается даже о существовании внутренних слуховых образов. В этом смысле И.В. Арнольд имеет явное преимущество перед М.Н. Разинкиной, поскольку в этой работе просодии уделяется большее внимание (в частности, функции ритма и звукового символизма). Нельзя не согласиться с автором, что “читатель ощущает почти физически” соответствующие слуховые образы (5)”. Тот факт, что М.Н. Разинкина не учитывает практически влияние просодии (интонации) при обсуждении эмоционально-оценочной лексики, является не исключением, а скорее всего правилом для большинства авторов, обсуждающих аналогичные стилистические проблемы. Именно поэтому для нас материал, анализ и выводы, представленные Н.М. Разинкиной, являются благодатным материалом. Они не могут быть признаны окончательными, не подлежащими дальнейшему обсуждению и безусловно требуют как-бы дополнительного “просвечивания” их сквозь призму просодических категорий.

Как положительное качество книги Н.М. Разинкиной мы должны отметить ее стремление к взвешенности подхода, и это, прежде всего, отражается в теоретической части, где автор оценивает соотношение между «разумом и чувством» в научном стиле речи (глава 2-я под заглавием “Преломление эмоциональных явлений в стиле научной прозы”). С одной стороны, автору хотелось бы как можно ярче и четче противопоставить стиль научный и стиль художественный, тем более, что такие крупные ученые как Б.В. Томашевский (6), Л.В. Щерба (7) и некоторые другие, казалось бы, говорят о необходимости *четкости* при разграничении различных стилей речи. М.Н. Разинкина в этой связи приводит высказывание Б.В. Томашевского о том, что “большей точности и определенности значения сопутствует наименее выраженная экспрессия и обратно”. Цитата, приведенная из книги Л.В. Щербы звучит следующим образом: “Всякое неуместное со стилистической точки зрения употребление слов разрушает стилистическую структуру языка, а язык с разру-

шенной стилистической структурой то же, что совершенно расстроенный музыкальный инструмент, с той только разницей, что инструмент можно немедленно настроить, а стилистическая структура языка создается веками”.

Заметим однако, что приведенные высказывания Б.В. Томашевского и Л.В. Щербы вряд ли следует однозначно понимать как призыв к *замкнутости* того или иного стиля. Гораздо более ясно в пользу именно такого разграничения стилей высказывается Э.Г. Ризель, на которую также ссылается Н.М. Разинкина: “Научный и художественный стили речи демонстрируют полярность не только такой стилевой черты, как образность – отсутствие образности, но также и полярность типа: субъективная оценочность – объективная нейтральность; динамичность – статичность; явно выраженная индивидуальность – отсутствие индивидуальности(8)”. Если к такого рода обобщениям добавить то, что “по понятийно-экспериментальным данным психологов, для понимания значения слова понятийно-логического плана требуется в два с половиной раз меньше времени, чем для возникновения образа”, то выходит, что чем более замкнутым (от проявления воздействий чувств) является научный стиль, тем лучше он выполняет свою функцию (?).

С другой стороны, сам материал, исследуемый М.Н. Разинкиной, вступает в противоречие с изложенными выше постулатами, а с фактами нельзя не считаться. Кроме того, в теории языка существует и противоположная точка зрения на излагаемый предмет, и Н.М. Разинкина не проходит мимо этих мнений таких крупных ученых, как например, Ж. Вандриес (“Логический язык никогда не бывает свободным от аффективного (9)”, А.М. Пешковского, считавшего что эмоциональные моменты не могут быть поставлены наравне с моментами интеллектуальными и т.д. и т.п. Между прочим, у Л.В. Щербы, оказывается, есть и явные высказывания в пользу взаимодействия логического и чувственного планов мышления: М.Н. Разинкина приводит в этой связи одно из его положений о том, что “всякое понятие лучше всего выявляется из противоположений (т.е. с *эмоциональными явлениями* — курсив наш)”.

Что же касается психологов, то и здесь рассматриваемая проблема имеет и другое толкование. Вряд ли можно что возразить против того факта (тоже подтвержденного *экспериментально!*), что “мысль, заостренная чувством, сильнее убеждает, чем “объективная”, равнодушная, безразличная”. Кроме того, как отмечает М.Н. Разинкина, русский психолог Н.Я. Грот еще в прошлом столетии говорил, что “нельзя противопоставлять чувства уму, мышлению как нечто совершенно относительное,

индивидуальное или, как часто говорят, субъективное (10)”. Кстати к уже упомянутым соображениям по поводу взимопроникновения логического и эмоционального М.Н. Разинкина добавляет еще один неоспоримый факт, а именно, что “одной из основных причин, объясняющих проникновение эмоциональных элементов в научную прозу, следует считать научную полемику. В условиях полемики, которая так же стара, как и сама наука, элементы эмоциональной лексики имеют, в частности, своей целью снизить те понятия, против которых направлен полемический удар. Poleмика всего отчетливее передает темперамент, личные особенности и странность каждого участника спора”.

Как нетрудно заметить, хотя бы из приведенных М.Н. Разинкиной цитат, она *намеренно* заостряет противоречивость суждений относительно стиля научной речи (поскольку во многих цитатах авторы говорят вообще-то о разных вещах), с тем чтобы затем попытаться снять это противоречие. Отмечая некоторые качества научного стиля, касающиеся эмоциональных элементов, которые на первый взгляд снимают это противоречие, делают исследуемый стиль практически *замкнутой системой*, автор сама склоняется, в конечном итоге, к такому выводу. “Научное изложение” — пишет М.Н. Разинкина — “воспроизводит не образы, но логические суждения, поставленные в причинно-следственную взаимосвязь. Иначе говоря, научный и художественный стили различны по своим установкам на экспрессивное и эмоциональное качества.

Отсутствие образности и художественности, “изящества” формы в стиле научной прозы не означает, однако, что язык научной работы не является предметом обработки. Стремление к точности и логической последовательности в изложении мысли, достижение средств максимальной убедительности путем ясно построенной системы доказательств – вот те задачи, которые подчиняют себе требование обработанности научного изложения.”(Ibid.,с.36)

Но как в этом случае быть с эмоциональными элементами научного стиля? На это Разинкина дает несколько ответов. Сначала автор подчеркивает относительную *редкость* появления таких элементов в стиле научной прозы: “Точнее, однако, было бы говорить не об *отсутствии* эмоциональных элементов, а о том, что стиль научной прозы *тяготеет* к речевым средствам, лишенным эмоциональной нагрузки.”(Ibid., с.30) Далее: ”Эмоциональная оценка может проникать в научную литературу при определенных условиях *ограничительного характера*.”(Ibid., с.31) и “Своеобразное *преломление* эмоционального в научной литературе поз-

воляет сохранить единство стиля научной прозы (как определенным образом *замкнутой* системы.”(Ibid., с.34; курсив – наш)

Но такого рода ответы общего характера менее интересны и убедительны (мы уже говорили о *неоднородности* научной прозы), чем тот, на котором мы хотим сейчас остановиться.

1. Широта семантики

Здесь автор опирается на мнение Л.В. Щербы о том, что всякое употребление слов в ином контексте, чем тот, который определяется оттенком их группы, может вызывать тот или другой *стилистический эффект*. В чем же выражается “своеобразное преломление эмоционального”? Что при этом происходит? “Слова эмоционального значения”, — пишет Н.М. Разинкина – “попадая в ткань научного повествования, постепенно теряют свою яркость, превращаются в штампованное средство выражения авторской субъективной оценки. Выделяется группа прилагательных *широкой семантики* (Ibid., с.47; курсив – наш), обозначающих положительную эмоциональную оценку: marvellous, wonderful, striking, splendid и т.д. Эти прилагательные используются для положительной оценки трудов ученого; для оценочной характеристики объекта исследования; для описания научного эксперимента”.

Итак, переход от “узкой” к “широкой” семантике. Ход рассуждения автора понятен: высокая частота употребления → клишированность словосочетания → потеря образности прилагательного → употребление в самом общем значении *одобрения* или *неодобрения*.

Что можно возразить по этому поводу? Основная наша мысль заключается в том, что в результате *может быть выпущена из виду реальная картина* и, следовательно, вывод может быть сделан либо частично правильный, либо совершенно неправильный, *так как анализ текста на любом уровне должен непременно учитывать просодию*. Автор не может не понимать, что интонация имеет достаточно важное значение. Эту истину она признает на с.21, где отмечается, что “эмоциональная окрашенность часто возникает в силу специфического характера контекста и в большей мере определяется интонацией, которая может аффективно окрашивать слова, вводя их таким образом в состав эмоциональной лексики”.

Понятно также, что анализируя слова и выражения научного стиля, автор, естественно, хочет получить далеко идущие *широкие обобщения*, но сделать эти широкие обобщения при игнорировании просодии оказывается просто невозможно. Само понятие *широкой семантики*

страдает неточностью, потому что на самом деле все сводится к тому, что эмоциональные слова используются в качестве общих оценок “хорошо” / “плохо”. Правильнее было бы говорить о широте семантики, когда речь идет о *многозначности* (полисемантической) слова. Например, многозначное само по себе слово “brilliant” может означать “ослепительный” и “умный”. Тогда же, когда к значению слова “brilliant” добавляется значение “very good”, можно говорить о *расширении* семантики, потому что в этом случае к более конкретным значениям добавляется более общее значение.

С точки же зрения Н.М. Разинкиной, ни *восхищение*, ни *ужас* уже более таковыми эмоциональными состояниями не являются, а являются выражением нейтральной положительной или отрицательной оценки. Автор подчеркивает, что такие слова, как “wonderful”, “great”, “striking”, “excellent”, “beautiful”, “magnificent” и т.д. являются синонимичными в смысле выражения общей семантики “very good”. Разница заключается лишь в широте круга сочетаемости, которая отличается, например, у слов “wonderful” и “great”. *Фактически утверждается, что эмоциональность слова снята, несмотря на формальное признание роли интонации (просодии).*

На самом же деле это не совсем так, потому что если мы хотим подчеркнуть семантику какого-то слова, мы должны воспользоваться определенными просодическими средствами: использовать, например, падение с удлинением выдержки [k], как в случае: “Mr. Harries’s little volume affords a striking contrast to the preceding work, both in its elegant get-up and *excellent* illustrations”. Темп выделенного слова замедлен, диапазон расширен и повышен, присутствует легкая делабиализация, т.е. выражено восхищение. Таким образом, можно говорить об *обобщенном значении*, это справедливо, но не имеет отношения к *широте* семантики. Скорее всего, здесь следует говорить о ее *узости*, потому что вместо того, чтобы употребить «wonderful» или “excellent” или любое другое оценочное слово со значением восхищения, умиленности или восторга, оно используется в значении самой *обобщенной* положительной оценки.

Так, например, если мы возьмем предложение “Several times, since I had the pleasure of witnessing this *wonderful* change [...]” говорящий без сомнения находится под большим впечатлением от увиденного и услышанного, и это отражается на просодии с самого начала предложения. Семантика прилагательного “wonderful” здесь окрашивает весь контекст и мы не можем говорить об обобщенной оценке “very good”. Здесь, ско-

рее, выражение *умиленности* (приближение к *лирическому* тембру), как это явствует из более широкого контекста (Ibid.c.21). С другой стороны возможна и *нейтральная* просодия, например: “The movements of the tongue /.../ are of very great importance also in aiding mastication, since its wonderful tactile sensibility enables us to feel for and thrust back between the teeth portions of food which have escaped their action”. Здесь, однако, можно возразить против авторского отождествления оценки “*wonderful*” в обобщенном смысле “very good”, поскольку может возникнуть семантический оттенок “very delicate” (“чрезвычайно тонкий”), а не “very good tactile sensibility”.

И в случае многих других примеров, использованных автором, следовало бы говорить, что эти прилагательные могут фигурировать как в конкретном эмоциональном значении, так и в качестве синонима *нейтральной оценки* “very good”.

Проиллюстрируем это положение еще одним примером, когда, с одной стороны мы пользуемся абсолютно нейтральной просодией и не выражаем ничего кроме *общей положительной* оценки: “The bees then, with *admirable* prevision, forbear to risk all the future of their community on one hope of a queen(c.43)”. С другой стороны, используя те или иные просодические средства, мы можем выражать *дополнительное* значение, например, *почтение*: “The loveable history of these stomapods has been one of the most puzzling problems in morphology and the very *admirable* researches in class have been the only guide.”(c.43) Здесь темп замедлен, громкость понижена, проявляется *фатическая* функция, выражение же подлинного восхищения отсутствует. Этот же текст мог быть озвучен достаточно *небрежно*, чтобы подчеркнуть лишь чисто *внешнюю вежливость*.

До сих пор речь шла о просодическом выражении *положительных* эмоций. Вместе с тем, можно привести примеры, свидетельствующие и о выражении *отрицательных* эмоций: “Notwithstanding its *ambitious* title, this is, on the whole, a satisfactory book”.

Как видим, главной характеристикой данного предложения выступает уравновешенность оценки: “satisfactory”. И именно эта оценка определяет нейтральную просодическую окрашенность всего высказывания. Слово “ambitious” не обязательно должно быть окрашено отрицательной эмоцией. “Ambitious title” употребляется в значении заголовка монографии, претендующей на обсуждение чрезвычайно важных проблем, то есть фактически все предложение в целом передает “взвешен-

ную” оценку, которую можно свести к следующей: “Это вполне приемлемая книга, она заслуживает внимания”.

2. Сужение семантики

Приведем еще один пример, когда делается попытка широкого обобщения без учета реальной просодии. Автор книги выдвигает гипотезу, что прибавление “very” теоретически является излишним, потому что элементы типа “striking” или “brilliant” уже сами по себе достаточно экспрессивны. Но, поскольку Н.М. Разинкина часто наблюдает подобные факты, желание обобщить наблюдения такого рода и сделать на их основе далеко идущий вывод приводит ее к мысли о том, что введение “very” обусловлено тем, что частая “десемантизация” прилагательных переводит их в разряд недостаточно выразительных.

Можно вполне согласиться с автором, что в приведенных ею примерах слово “very” призвано действительно усилить “эмоциональное воздействие” прилагательного “striking”, но возникает, естественно, вопрос, в чем, собственно, заключается эмоциональное значение этого слова. Если, как можно предположить на основе словарных примеров, передается лишь высокая степень чувства (ср., например, со словом “remarkable”), то последнее будет зависеть полностью от контекста и/или просодии – выражаемая же эмоция может быть как положительной (striking beauty), так и отрицательной (striking discrepancy). Так что слово “striking” в силу своих семантических особенностей явно выпадает из ряда таких прилагательных как “marvellous”, “wonderful” и т.п. Ничего удивительного, следовательно, нет в том, что “высокая степень” качества может быть в каких-то случаях *еще выше* (“far more striking” Ibid., с.138), *не столь высокой* (“not so striking”, Ibid., с.138) или *наивысшей* (“the most striking result”, Ibid., с.137). Например: “Among the most striking of the recent rapid advances of science is the development of what we may term bacteriology.” (Ibid., с.50)

Иногда появление “very” можно объяснить требованием *сбалансированности ритма*. Например: “[...] the difference of size | between the infected and noninfected worms | was very striking” (Ibid., с.51). Повторение мелодического контура “ ровный тон + кинетический тон” создает ритмический баланс.

На наш взгляд необходимо было бы провести специальный анализ образцов речи и выяснить, не приносит ли “very” *дополнительного отрицательного значения* в каких-то случаях. Может оказаться, что в случаях гиперболоизации нередко реализуется *энантисемия*, например:

“The evidence of what is really *a very beautiful theory* fails to carry conviction to us. Doubtless our “threshold of sensibility” has gone wrong in some unaccountable way, and we have not enough of the subject on this side of it to estimate the pearls of transcendentalism at their true worth”(Ibid., с.123).

При энантиосемии слово употребляется в положительном смысле, а потом все это с помощью просодии переводится в отрицательную плоскость. Анализ материала должен производиться, конечно, особенно тщательно, так как подключение реальной просодии может изменять семантику высказывания и в обратном направлении. Так, например, слово “somewhat” обычно (согласно автору сужает значение слова), в то время как при произнесении сочетания “somewhat striking results” с соответствующей просодией возникает (точнее, может возникнуть) не *ослабление*, а *усиление* положительного значения, так как “somewhat striking” становится синонимичным “unexpectedly striking”.

Итак: “широта семантики”, нейтрализация эмоционального значения слов в научной речи, на которые указывает автор, вовсе не означают, что в научной речи *нельзя ставить вопрос о просодических образах*, т.е. тех или иных отступлениях от нейтральной просодии, которые или подчеркивают значение слова, или вступают с ним в конфликт, или передают какие-то самостоятельные, *дополнительные* “значения”.

3. Роль сравнений в научной речи

Мы рассматривали пока в основном случаи употребления *прилагательных*, но наш вывод о роли просодии (и при желании это можно было бы легко показать) справедлив и в отношении всего материала, анализируемого автором. Любопытно, что, когда Н.М. Разинкина, напротив, стремится *подчеркнуть роль эмоций*, то просодия, насколько мы можем судить, явно должна быть нейтральной. Так, например, в конце книги, ссылаясь на Ш. Балли, автор пишет: “Во всех случаях употребления речевых сравнений автор проявляет свое эмоциональное отношение к описываемому, ибо образ обладает эмоциональными оттенками: *он действует на читателя* (слушателя) в силу своей чувственности и конкретности; он живо представляется воображению и затрагивает чувства именно *потому, что действует на воображение* (Ibid., с.127).(11)

Остановимся отдельно на роли метафор и сравнений в тексте лекции. Очень часто оказывается, что просодический образ как бы неуместен. Во фразе “If we look upon heat as the rhythmic dance of the atoms”(Ibid., с.127) мы ограничиваем сравнение с помощью условного

предложения (“if [...]”), и в этом заключается наша научная точность и сдержанность. Мы как бы говорим: это условность, не подумайте, что так все и есть на самом деле. Это предохраняет нас от отождествления нашего сравнения с реальной картиной. Поэтому было бы неправильным изображать танец атомов с помощью вариаций тона.

Аналогичную ситуацию наблюдаем в предложении: “The threshold of sensibility may be linked to the lid of the box from which the Jack of memory leaps, and upon the closure of which forgetfulness ensues”(Ibid., с.126). Было бы по меньшей мере странным, если бы мы попытались просодически изображать описываемые действия, это могло бы отвлечь наше внимание от *условности* данного сравнения.

Мы, разумеется, не хотим сказать, что любое *когнитивное* сравнение непременно произносится с нейтральной просодией; единственное, что мы хотели бы подчеркнуть, это то что выводы относительно эмоционально-оценочной лексики без учета реальной просодии имеют весьма шаткое основание.

Вполне естественно, (поскольку нашей конечной целью является *преподавание* иностранного языка), что переходя от звуковых образов в художественной литературе к их роли в научной речи, для нас на первый план выходит вопрос, требующий самого пристального внимания, это выяснение того, каким характеристикам должна соответствовать речь *профессионального лектора*. Без проведения специальных исследований сейчас можно в самом общем виде дать ответ лишь от противного: лектор не должен производить впечатления безучастности, безразличия к обсуждаемому им предмету, то есть интонационное оформление произносимого им текста (независимо от фактора спонтанности или подготовленности лекции) не должно быть монотонным. С другой стороны, оно не должно свидетельствовать и о стремлении подчеркнуть свое превосходство над слушателем. Следует подчеркнуть, что, хотя выяснением того, каким должно быть интонационное оформление текста в каких-то частностях и как оно должно выражать отношение лектора к предмету обсуждения в целом, кафедра занимается на протяжении многих лет (и сделано было уже не мало), мы еще далеки от того, чтобы предложить вполне конкретные и достаточные рекомендации по этому вопросу преподавателю-филологу, в особенности, с точки зрения интересующего нас *соотношения внутренних и внешних образов*.

В самом общем виде можно сказать, что внутренние образы, возникающие в речи лектора, будут создавать определенный “имидж” того или иного лектора. Другими словами, если в речи лектора преобладает

патетическая просодия, то это означает что он “болеет” за свой предмет, считает, что он чрезвычайно важен. И хотя Н.М. Разинкина, по непонятной причине, считает важным подчеркнуть “разговорную сферу” (т.е. *обычного* разговора, а на самом деле обсуждает примеры *научного общения*) ее выражение “повышенный эмоциональный фон” (Ibid., с.56) хорошо *передает наиболее распространенный*, как можно предположить, фон лекции. Например: “The fascinating hypothesis of Darwinism has ... so completely taken hold of the scientific mind ... that almost the whole of our rising men of science may be classed as belonging to this school of thought.”(Ibid., с.47) или: “Doctrines akin to these (that life is due to the manifestation of a “vital principle”) having been already proclaimed and disseminated ... it cannot be a matter for surprise that the brilliant demonstrations of Redi should have had a great influence in their time.”(Ibid., с.49)

Точнее, конечно, было бы сказать, что в обоих случаях мы наблюдаем *приближение* к патетической просодии, и ее признаки (12) наблюдаются на протяжении каждого высказывания в целом (а не на отдельном участке). Преобладание же *лирической* просодии свидетельствует о том, что лектор коммуникабелен, легко устанавливает контакт с аудиторией и т.д. Например: “Are we searching for some inner truth that will lead us to the origin of life, or are we, like the man who spends his week-ends working out the crossword puzzles in his Sunday paper, exercising our minds in a scientific game because we have nothing better to do?(13)” или: “May we not conjecture that in its native climate the Chimonanthus is abundantly cross-fertilised by the agency of insects, attracted by its delicious scent, in a similar way to our Grass of Parnassus.”(Ibid., с.49)

Но когда лектор переходит к полемизированию, то, как это уже было показано в публикациях кафедры, он довольно часто *изображает* оппонента. И вот здесь уже наблюдается прямая параллель с литературой, потому что образ оппонента будет создан настолько ярким, насколько лектор владеет актерским мастерством. Например: “We tried on this and other occasions a contrivance of Mr. Easton ... The contrivance, admirable in a theoretical point of view, was found impracticable(Ibid., с.49)”.

Конечно, эту фразу можно произнести и практически нейтральным тоном, но можно и с “подковыркой” в буквальном смысле этого слова, например, с восходяще-нисходящим тоном на слове “admirable”(авторская ирония получает в этом случае просодическое выражение). Псевдопатетический тембр соответствующей синтагмы создал бы образ *завнавшего* оппонента.

Приведем еще примеры: “When Prof. Huxley says, however, after a tragical metaphor, “It must be admitted that the experiments and arguments of Spallanzini furnish a complete and a crushing reply to those of Needham”, I will only say that i cannot agree with him.”(Ibid., c.21); “The figure on p.72, it may be noticed in passing, does not strike us as very happy.”(Ibid., c.21)

Если во втором случае вместо сочувствия можно выразить ироническое отношение автора к описываемому факту (особенно, когда “very” и “happy” произносятся с восходяще-нисходящими тонами), то в первом случае использование псевдо-элегического тембра помогло бы заострить авторскую иронию, поскольку был бы создан образ *отчаяния* оппонента.

Еще несколько примеров: “So many possible ways had been shown of explaining anomalous dispersion that it was mere child’s play (or fiddle-playing) to discuss it while the burning question of double refraction awaited explanation.”(Ibid., c.113)

Здесь можно было бы изобразить *тщательность* усилий оппонентов, с точки зрения автора требуемую совсем в другом направлении.

Аналогичный образ возможен и в таком примере как: “The course which he (Bacon) marked out so laboriously and so ingeniously for induction to follow was one which was found to be impracticable, and as barren of results as those deductive philosophies on which he lavished his scorn.”(Ibid., c.95)

В нижеследующем примере, напротив, выражается *безразличие* или даже *пренебрежение*: “The search for the origin of life is clearly in the hands of the chemists and physicists and they are seldom interested in the wilderness that is bacterial taxonomy.”(Ibid., c.118)

В той же части лекции, где лектор говорит “от себя”, образ может быть совершенно другим – подчеркнуто сдержанным, серьезным, или, наоборот, в той или иной степени эмоциональным. Таким образом, эти два совершенно разные аспекта интонационного оформления будут присутствовать практически в любой лекции.

Поскольку Разинкина много говорит о таких *типичных* признаках научного стиля как “*шаблонность*” словосочетаний и “*тусклость*” эмоциональных значений, посмотрим в какой степени это применимо к просодии лекционного регистра, к просодическим внешним и внутренним образам.

Действительно, просодические образы (как мы можем предположить) будут, вероятно, иметь более шаблонный характер в лекции по сравнению с художественным чтением. Кроме того, и выраженность этих образов в лекции по сравнению с их выраженностью в тексте ху-

дожественном будет, вероятно, слабее. Но какие-то просодические образы должны в лекции все равно присутствовать.

Здесь можно было бы провести параллель с соотношением художественной литературы и поэзии: в последней просодические образы будут выражены в большей степени, чем в прозе. Однако чтение поэтического текста будет богаче образами только в том случае, если мы имеем дело с подлинно художественным, выразительным его чтением, а не с той характерной монотонной и крайне странной “авторской” манерой, часто вообще лишенной выразительности. При действительно художественном чтении поэтического текста не только звуки сегментного ряда обнаруживают присущую им символику, но и просодия текста тоже служит тем же целям, рисуя образы более яркими красками.

Итак: в то время, как в художественной литературе образы “работают” на раскрытие идейно-тематического содержания, в регистре лекционного общения они создают имидж говорящего. Умение читать лекцию несомненно предполагает умение произвести дополнительное впечатление, создавая тот или иной образ с помощью определенных просодических приемов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. О том, как именно следует понимать нейтральность просодического выражения, немало было сказано в книге *An Outline of English Phonetics* под редакцией *О.С. Ахмановой и Л.В. Минаевой*. См. так же: *Александрова О.В.* Проблемы экспрессивного синтаксиса. М., 1984; *Магидова И.М.* Теория и практика прагмалингвистического регистра английской речи. Автореф. ... д-ра филол. наук. М., 1989; *Дечева С.В.* Когнитивная синтактика. М., 1998; *Давыдов М.В., Яковлева Е.В.* Основы филологического чтения. М., 1997 и др.
2. Работа опубликована практически в одно время с работой *Н.М. Разинкиной* (М., 1974).
3. *Ольшки Л.* История научной литературы на новых языках. М.-Л., 1934. Т. 2. С. 57.
4. См.: *Арнольд И.В.* Стилистика современного английского языка. Л., 1981.
5. Там же. С.63.
6. *Томашевский Б.В.* Стилистика и стихосложение. Л., 1959. С. 21.
7. *Щерба Л.В.* Современный русский литературный язык // РЯШ. 1939. № 4. С. 19-20.
8. *Ризель Э.Г.* Полярные стилевые черты и их языковое воплощение // Иностранные языки в школе. 1961. № 3. С. 97-103.
9. *Вандриес Ж.* Язык. Лингвистическое введение в историю. М., 1937. С. 145.
10. *Грот Н.Я.* Еще по поводу вопроса о психологии чувствований. Киев, 1881. С. 1,3.
11. См.: *Балли Ш.* Французская стилистика. М., 1961. С. 32.
12. *Давыдов М.В.* Звуковые парадоксы английского языка и их функциональная специфика. М., 1984.
13. См.: *Разинкина Н.М.* Указ. соч. С. 127.

Исследование словарных дефиниций слов — названий эмоций русского и английского языков

© С. Ю. Перфильева, 1998

Любое слово любого языка эмоционально нагружено, поскольку оно употребляется человеком в каком-то конкретном контексте с некоторой целью (см. напр.:/7/). Семантически эмоция в слове может не быть обозначена, если это слово свободно от специфических словообразовательных и стилистических черт (уменьшительно-ласкательные ^^, арготизмы или табуированная лексика). Существительные — названия эмоций в научной литературе рассматриваются как примерно равные терминам, так как обозначают определенный феномен человеческой психики. Некоторыми лингвистами термины как принадлежность сухого научного стиля признаются эмоционально “нейтральными”, неокрашенными. Но семантическое значение этих слов равно эмоции. И, воспринимая денотат этих лексических единиц, человек не может не обращаться к своему личному эмоциональному опыту. Человек в реальной жизни не отделяет имя предмета от самого предмета, то есть относится одинаково и к имени, и к обозначаемому им предмету. А так как в данном случае обозначаемый предмет — это эмоция, то название эмоции, ее имя, вызывает в сознании человека соответствующие этому имени переживания, то есть саму эмоцию. Таким образом, по нашему мнению, названия эмоций не могут быть названы “нейтральной” лексикой, эти существительные эмоционально окрашены соответственно своему обозначаемому, отраженному в индивидуальном сознании каждого носителя языка. Язык и мышление человека — неразрывное единство. «Аффективная и когнитивная жизнь человека неразделима несмотря на имеющиеся различия» /9/. «Мышление невозможно без «мотивирующей сферы нашего сознания, которая охватывает наши влечения и потребности, наши интересы и побуждения, наши аффекты и эмоции» /3/. Язык — это то, что делает человека общественным существом. Он является коллективным достоянием и воздействует на индивида, как утверждал В. Гумбольдт, и чем лучше человек владеет языком, тем сильнее язык влияет на его мышление. В. Гумбольдт писал о взаимосвязи языка и “духа народа”, так как “национальный характер языков состоит в особенном соединении мысли со звуком... Язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык.... язык всеми тончайшими фибрами своих корней

связан с народным духом, и чем соразмернее этот последний действует на язык, тем закономернее и богаче его развитие.... языки, всегда имеющие национальную форму, могут быть только непосредственными сознаниями народов.... Каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, из пределов которого можно выйти только в том случае, если вступаешь в другой круг.”(цит. по: /6/) Определить характерные черты каждого такого “круга” лексики, называющей эмоции можно, попытавшись сопоставить словарные дефиниции выбранных для анализа лексических единиц двух языков. Словари на данном этапе признаются носителями языка и отражением национальных особенностей языкового сознания.

Сама возможность сопоставления концептов эмоций в двух языках предопределена существованием теории УПК (универсально-предметного кода), разработанной А.А. Леонтьевым и продолженной Н.И. Жинкиным (см.: /4/).

Первоначально были отобраны лексические единицы русского языка, затем они были переведены на английский язык. ВОЛНЕНИЕ, ГНЕВ, ГОРДОСТЬ, ГОРЕ, ЗАВИСТЬ, ЖАЛОСТЬ, ЖЕЛАНИЕ, ЛЮБОВЬ, ЛЮБОПЫТСТВО, НЕНАВИСТЬ, ОТВРАЩЕНИЕ, РАДОСТЬ, СТРАХ, СТЫД, УДИВЛЕНИЕ. EXCITEMENT, ANGER, PRIDE, GRIEF, ENVY, DESIRE, PITY, LOVE, CURIOSITY, HATERED, DISGUST, JOY, FEAR, SHAME, ASTONISHMENT. Далее производился анализ дефиниций этих слов по Толковому словарю русского языка (Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю., 1995), Webster Desk Dictionary of the English Language (1990), Oxford student’s dictionary of current English (Hornby A.S., 1983) /7, 9, 10/.

В обоих языках ВОЛНЕНИЕ — EXCITEMENT описывается как состояние (в русском языке — ожидания, в английском — желания сделать что-либо) и как внешнее проявление эмоции. В английском языке добавляется компонент “ощущения боли”. В обоих языках обнаружены связи с другими эмоциями. В русском — со СТРАХОМ и СТЫДОМ, в английском — с ОТВРАЩЕНИЕМ, СТРАХОМ, ЖЕЛАНИЕМ, ГНЕВОМ.

Понятия ГОРДОСТЬ — PRIDE не совпадают в русском и английском языках. В русском языке это понятие амбивалентно, его “отрицательность или положительность” определяется реальной или нереальной причиной (верой); в английском толковом словаре (Hornby) дается только положительное значение, а в американском (WDD) — только отрицательное с набором подзначений. Связи с другими эмоциями ,

однако, похожи: в русском языке — с РАДОСТЬЮ, в английском — с РАДОСТЬЮ, ЛЮБОВЬЮ и “НЕСТЫДОМ”.

Значения слов ГОРЕ и GRIEF не совпадают: в русском языке это слово служит как для обозначения эмоции, так и ее причины, сопровождающие ее физические и нравственные ощущения, русское понятие имеет богатый спектр оттенков; в английском языке это слово обозначает только нравственные ощущения, и выбор его синонимов гораздо беднее. Связи с другими эмоциями похожи, но не идентичны. В русском языке — с ЖАЛОСТЬЮ, ЖЕЛАНИЕМ понять; в английском — с ЖЕЛАНИЕМ достичь не достигнутого, СТРАХОМ, ЖАЛОСТЬЮ, ПЕЧАЛЬЮ, СТЫДОМ.

В русском и в английском языках понятия ЗАВИСТЬ — ENVY параллельны, но в английском языке каждая из составляющих значения ярче, экспрессивнее, а также сама структура значения сложнее: в русском языке — досада из-за успеха другого; в английском — раздражение, ревность по этому поводу. Связи с другими эмоциями также показательны и скорее различны, чем похожи. В русском языке — с ГНЕВОМ, НЕНАВИСТЬЮ, ОТВРАЩЕНИЕМ (только негативные эмоции); в английском — с ГНЕВОМ, СТРАХОМ, ЖЕЛАНИЕМ

Как в русском, так и в английском языках понятия ЖЕЛАНИЕ — DESIRE описаны как сильные чувства, являющиеся движущей силой эмоций. В английском языке у этого понятия несравненно больший круг связей с другими эмоциями, в британском варианте ЖЕЛАНИЕ — это проявление любого чувства или ментального состояния. Однако семантика русского и английского слов несколько расходится: в английском языке это — надежда, вера, ожидание; в русском — положительное отношение, стремление к обладанию. Русское понятие связано с ГОРЕМ, ЛЮБОВЬЮ; английское — с ГНЕВОМ, ЗАВИСТЬЮ, ВОЛНЕНИЕМ, ГОРЕМ, СТРАХОМ, РАДОСТЬЮ, ЛЮБОВЬЮ.

Понятие ЖАЛОСТЬ — PITY имеет одинаковые составляющие значения в русском и английском языках. Словарные дефиниции различаются незначительно: в русском языке — только соболезнование кому-либо; в английском — сожаление о чем-то, способность сострадать другим (это более абстрактно и общо). Связи с другими эмоциями также сходны: в русском языке — с ПЕЧАЛЬЮ; в английском — с ГОРЕМ, ПЕЧАЛЬЮ.

В обоих языках понятие ЛЮБОВЬ — LOVE описывается одинаковыми прилагательными, но семантически эти единицы неравны. В русском основная сема — постоянная привязанность; в английском

представлена богатая палитра оттенков от теплого чувства до страсти, американский толковый словарь добавляет значение предпочтения одного предмета другому. Интересно, что сема “верности” отмечена в русском и американском словарях и отсутствует в английском. В русской дефиниции нет семы “удовольствия”. Связи с другими эмоциями также различаются: в русском языке можно проследить связь с ЖЕЛАНИЕМ; в английском — с ЖЕЛАНИЕМ, РАДОСТЬЮ, ГОРДОСТЬЮ.

Различная ценность понятия ЛЮБОпытство — CURIOSITY в русском и английском языках очевидна. В русском словаре определение “мелочный” сообщает слову отрицательную оценочность, русское слово обладает также дополнительным смыслом “концентрации внимания”; в английском языке CURIOSITY — всего лишь специфичный вид DESIRE, отличающийся от родового понятия только глаголом-дополнением. Понятие CURIOSITY производит впечатление несамостоятельного, оно само служит одной из составляющих определения понятий WONDER, ASTONISHMENT. Связи с другими понятиями совпадают, в обоих языках — ЖЕЛАНИЕ, в английском языке понятием WONDER “наводится” еще значение “радость от приятного сюрприза”.

Понятия НЕНАВИСТЬ — HATRED в русском и английском языках различаются не слишком сильно, они почти параллельны, основная сема — “вражда”, но в русском она более активна: “злость, недоброжелательность”, в английском же это скорее “ЖЕЛАНИЕ избежать”. Связь с другими эмоциями можно проследить через значение “желания сделать что-либо”: в русском — с ЗАВИС-ТЬЮ, в английском — с ГНЕВОМ, ОТВРАЩЕНИЕМ.

Понятия ОТВРАЩЕНИЕ — DISGUST в русском и английском языках также совпадают не полностью, хотя почти параллельны: в обоих языках в этом понятии есть семы “нарушения спокойствия” и “отрицательности” этой эмоции, но в русском языке сделан акцент на обязательную причину, а в английском сами составляющие понятия обладают большей экспрессивностью. Связь с другими эмоциями в русском языке через составляющую “неудовольствия” с ГНЕВОМ, и прямо — с ВОЛНЕНИЕМ; в английском — через “dislike” — с ГНЕВОМ, и прямо — с НЕНАВИСТЬЮ.

Понятия РАДОСТЬ — JOY в двух языках не совпадают. Объединяет их положительная эмоциональная нагрузка каждой составляющей значения. В русском языке интерес представляет определение “ощущение душевного удовлетворения”; семы “удовлетворения” и “радости”

присутствуют в обоих языках, но в русском они дополняются “беззаботно-радостным оживлением”, “весельем” и “полнотой силами”, а в английском — “наслаждением”, “удовольствием” и, что особенно различительно — “реваншем, компенсацией за несправедливость”. В русском языке РАДОСТЬ — это настроение, а в английском — чувство, возникшее по довольно конкретной причине. Связи с другими эмоциями: в русском языке — с ГОРДОСТЬЮ, в английском — с ЖЕЛАНИЕМ, ЛЮБОВЬЮ, ГОРДОСТЬЮ.

Понятия СТРАХ — FEAR не эквивалентны в русском и английском языках. В русском понятии преобладает сема “одномоментного действия”, а в английском — “длительного состояния”, также присутствует составляющая “слишком”. Английское понятие шире русского и включает “предчувствие, почтение, неуверенность в будущем, формы расстройства ума”. Связи с другими эмоциями в русском языке ограничиваются ГНЕВОМ, СТЫДОМ; в английском — ЖЕЛАНИЕМ, ЗАВИСТЬЮ, ГОРЕМ, ЛЮБОВЬЮ.

Понятия СТЫД — SHAME в русском и английском языках не совпадают. В русском языке, как и в английском присутствует составляющая “ощущение”, но в первом — оно неприятное от осознания вины, а во втором — боль от потери самоуважения. Связи с другими эмоциями также различаются: в русском — с ГНЕВОМ, СТРАХОМ; в английском — с ГОРЕМ, ПЕЧАЛЬЮ.

Несовпадение понятий УДИВЛЕНИЕ — ASTONISHMENT напрямую связано с неравноценностью понятий ЛЮБОпытСТВО — CURIOSITY. Если в русском ЛЮБОпытСТВО объемнее, то в английском — ASTONISHMENT. Русское слово УДИВЛЕНИЕ передает только реакцию на некий раздражитель, определенный прилагательными “неожиданный, странный, непонятный”. Связи с другими понятиями в русском языке можно обнаружить только через “впечатление” — это “след, оставленный в сознании, душе, оценка”, это связывает удивление со всеми словами рассматриваемого списка, они все содержат оценочный компонент; в английском языке понятие ASTONISHMENT связано с ЛЮБОпытСТВОМ, РАДОСТЬЮ, ЛЮБОВЬЮ.

Все сделанные наблюдения можно представить схемами, наглядно показывающими семантические связи между словами — названиями эмоций в русском и английском языках. (см.: Рис. I и Рис. II. Пунктирная линия соединяет слова, в дефинициях которых использованы одни и те же слова, сплошная линия соединяет слова, использованные для взаимной дефиниции. Связи указаны и в случае употребления этих слов с

отрицательными частицами.) Различия в этих схемах позволяют сделать вывод о “наводимой” языком разнице понятий, обозначающих универсальные явления. Эмоции объективны, но “типологическая структура эмоциональной лексики не совпадает в разных языках” /5/. Эта “типологическая структура” имеет национальную специфику, так как представление об эмоции в каждом языке самобытно. Это подтверждает слова Л.Г. Бабенко: “Все множество эмотивной лексики передает национальную картину чувств, а их группировка по исходным эмотивным смыслам — универсальную картину чувств” /1/.

Знания о различиях семантики данных слов, обнаруженных в ходе этого сравнительного анализа могут быть важны с практической точки зрения.

”Семантика не исчерпывается лексическим понятием, но включает в себя так же компонент, называемый лексическим фоном... В толковых словарях описывается только лексическое понятие... Однако в сознании носителей языка со словом сопрягается, кроме того, значительный объем информации. ... лексический фон динамичнее лексического понятия. Это обусловлено изменениями в культуре (в объективной действительности). Но у лексического фона есть и “собственная инерция”: явление может исчезнуть в актуальной действительности, но язык помогает ему сохраниться в коллективной памяти членов языковой общности, следовательно, лексический фон является не пассивным, а активным инструментом просеивания, отбора и хранения коллективного опыта.” /2/

Анализ словарных дефиниций позволил проверить только возможность определения национальной специфики через существующее в языке понятие об объективной, универсальной для всех культур психической реальности. Связи между понятиями были установлены на основании использования названий одних эмоций в дефинициях других, или использовании одних и тех же слов, называющих эмоциональное состояние, настроение или поведение в дефинициях разных эмоций.

В дефинициях толковых словарей английского и русского языков, которые являются “общественно закрепленными значениями”, обнаружены заметные расхождения. Но чтобы установить реальное существование и функционирование концептов эмоций в языке и сознании людей какого-либо лингвокультурного сообщества необходимо экспериментальное исследование слов, обозначающих эти понятия, с носителями данного языка в роли испытуемых.

Рис.1

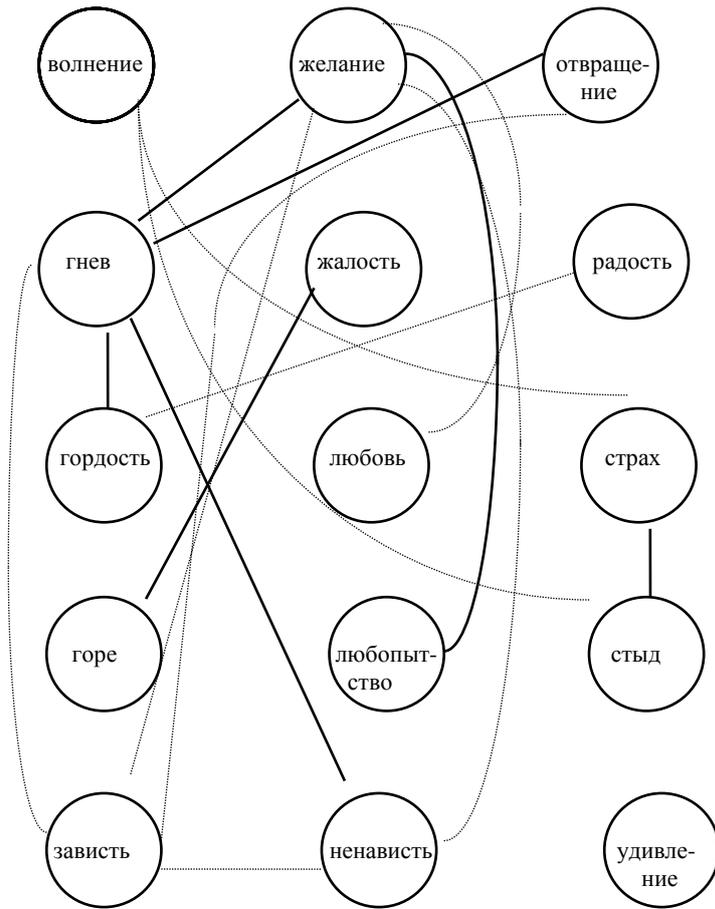
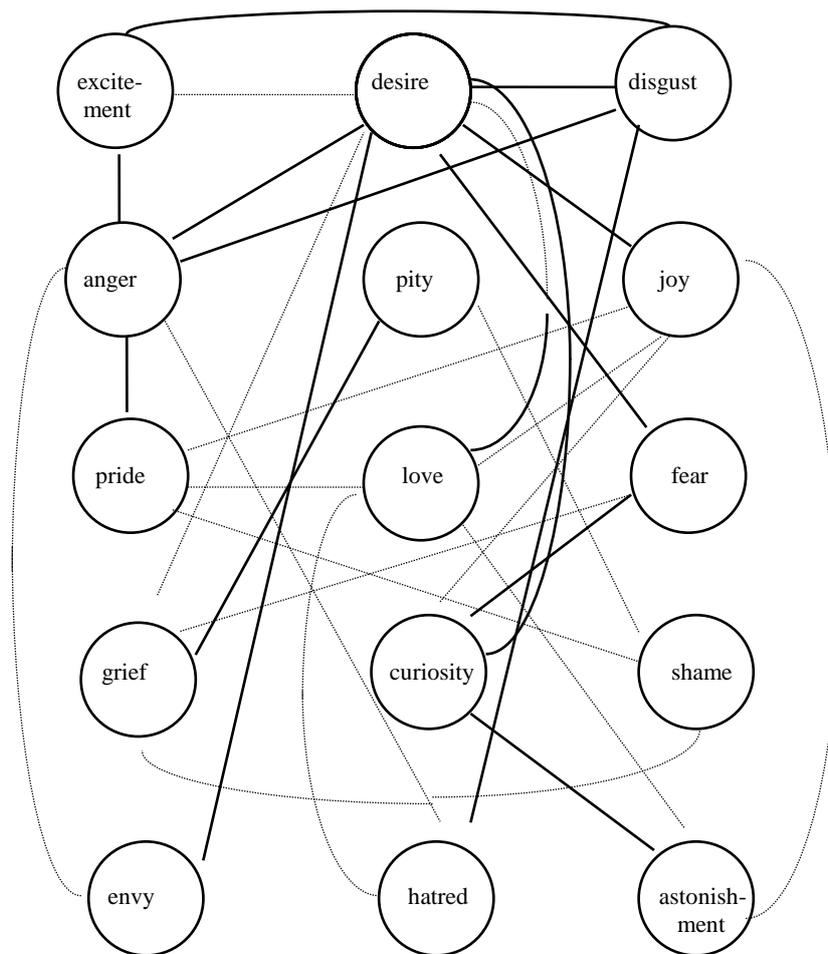

Рис.2

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабенко Л.Г.* Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск, 1989.

2. *Верецагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. М., 1990.
3. *Выготский Л.С.* Мышление и речь // *Выготский Л.С.* Собрание сочинений. Т. 2. М., 1982. С. 357.
4. *Горелов И.Н., Седов К.Ф.* Основы психолингвистики. М., 1997.
5. *Гридин В.Н.* Семантика эмоционально — экспрессивных средств языка // Психолингвистические проблемы семантики. М., 1983. С. 113.
6. *Кодухов В.И.* Общее языкознание. М., 1974. С. 275.
7. *Мягкова Е.Ю.* Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования. Воронеж, 1990.
8. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1995.
9. *Пиаже Ж.* Психология интеллекта // *Пиаже Ж.* Избранные труды. М., 1969. С. 64.
10. *Hornby A.S.* Oxford student's dictionary of current English. М., 1983.
11. (WDD) — Webster's desk dictionary of the English language. NY., 1990.